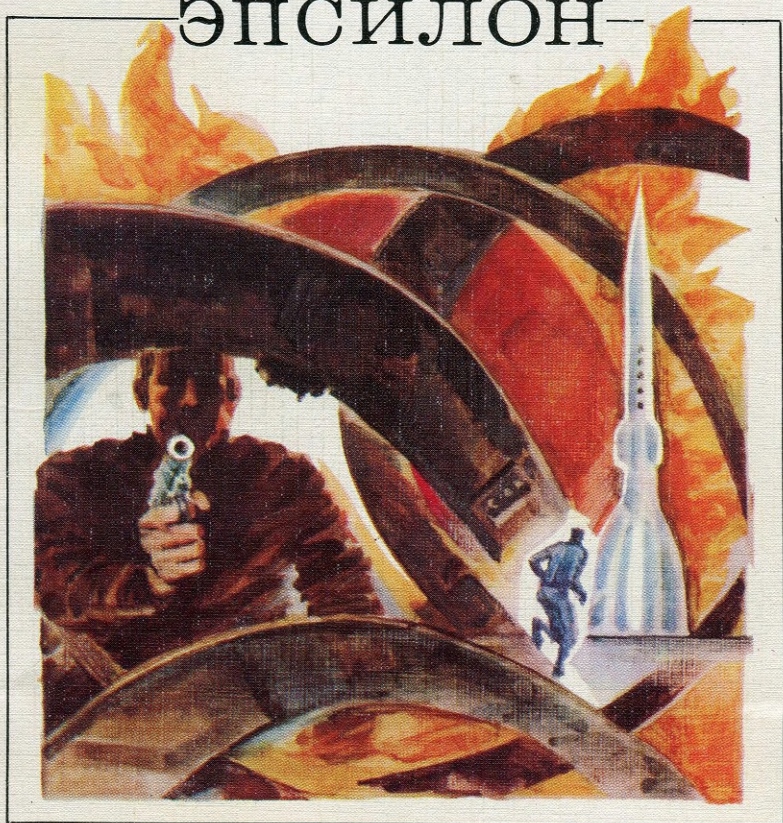
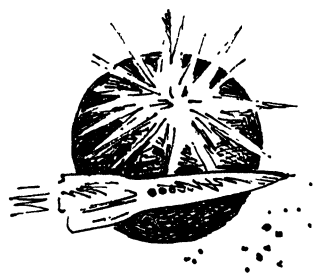

ЛАРИСА ЗАХАРОВА
ВЛАДИМИР СИРЕНКО

ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН—

ЛАРИСА ЗАХАРОВА
ВЛАДИМИР СИРЕНКО

ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1988

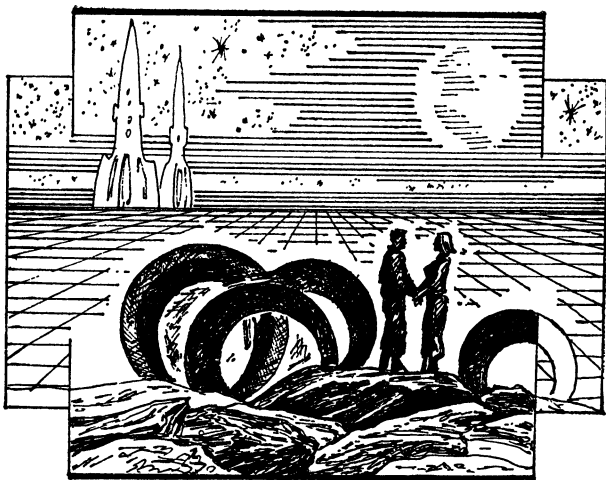
ББК 84Р7
3-38

Художник Анатолий Сухоруков

3 $\frac{4702010200-300}{078(02)-88}$ 147—88

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

ISBN 5-235-00720-4

ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН

Роман

Часть первая

ПРОЩАНИЕ

На ладони профессора Бенца блеснули ампулы.

— Вот, дети, и свершилась мечта моей жизни. Я создал деморфин и могу овладеть временем, — сказал он ассистентам.

— Временем? — переспросил Клаузен. — Не понимаю, какое же отношение имеет деморфин к ракетно-

му топливу, профессор? — с удивлением спросил он.

Бенц поерзал в кресле:

— Никакого. Но тебе не приходилось когда-либо испытывать страшное состояние, будто для решения проблемы не хватает одной ночи?

Ассистенты недоуменно переглянулись.

— Так вот, — продолжал Бенц, глядя на Клаузена, было обидно, что любимый ученик не разделяет его торжества. — Так вот, одна таблетка деморфина, и всю ночь можно работать как никогда. И не одну ночь подряд. Притом совершенно не во вред здоровью.

Наступила пауза. Ее прервал Моран:

— Конечно, работать еще и по ночам — заманчиво, профессор. Но что это даст, например, нам? Мы не можем найти новое топливо, не можем! И вряд ли помогут ночные бдения! Что же до промышленного применения деморфина, не уверен... — Моран безнадежно махнул рукой, — там и так достаточно лишних рабочих рук.

Бенц пристально посмотрел на Морана:

— Деморфин не средство для болванов и тупиц. Что же касается нас, то мы сегодня действительно не можем сделать высокоэнергетическое и притом экономичное топливо для ракет. То, что требует от меня комитет по переселению, должно энергетически превосходить все известное нам. А у планеты нет ресурсов. Сейчас же мне нужен эксперимент. Я дал объявление в частной газете о продаже некой панацеи. Так вот, покупатели уже есть. Я не миллионер, чтобы раздавать деморфин бесплатно. Разумеется, покупатели — частные лица. И мы с вами будем вести наблюдение за ними, на основании которого решим, кто же станет основным заказчиком нашего изобретения. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать вам. Сейчас все свободны.

— Одну минуту, профессор, — задержал всех Маттис. — Вчера опять приходил представитель Верховно-

го ведомства. Они торопят. Вот-вот с Беаны вернется Моррис. Разговаривают так, профессор, словно вы не верите в переселение или... не заинтересованы в нем.

Бенц посмотрел на смущенного ассистента:

— Что ж, это хорошо, что скоро вернется Моррис. Мне есть что сказать министру экологии.

...Бенц пошел домой пешком. Он хотел отвлечься от неприятных мыслей. Ученики его не понимали, правительство не доверяло.

Но заглушить раздражение не удалось. Он сердито спрашивал себя, почему только Шейла, его внучка, понимает его, зажигается его идеями, умно, точно, тонко развивает их, а его ученики, соратники, в которых он вложил столько сил, лишь аккуратные исполнители его воли. Как хотелось иметь настоящих последователей!

Бенц подумал о Клаузене. Тот все понимает, все делает, но хоть бы капля интереса! Увы, Клаузена интересует совсем иное. Надо будет еще раз поговорить с ним. Тем более Клаузен сам начал этот разговор несколько дней назад. Он сказал тогда:

— Как вы бы, профессор, огнеслись не к проекту переселения, а к проекту выживания?

— Это уже было, проект давно отвергнут, — махнул рукой Бенц. — Скажу честно, я старый уставший человек, мне все равно, как и когда умирать. Моя совесть успокаивается лишь тем, что даже если на Беану перелетит часть аркоосцев, это будет не так уж плохо.

— Что же вы посоветуете остальным? Тем, кто останется на Аркосе?

— Для начала где-то укрыться. Главное, надо сохранить детей, женщин и знания.

— Вы предполагаете одновременный старт армады вызовет цунами, землетрясения?

— Честно говоря, для меня этот старт бесконечно далек... Меня занимает другое...

Тогда они не закончили разговора: Бенцу пришлось срочно уехать в Верховное ведомство...

«...Нужно еще раз поговорить с Клаузеном с глазу на глаз. И лучше всего дома», — подумал профессор.

Бенц любил этот уголок парковой зоны, где стоял его дом. Проходя по анфиладе комнат, он машинально всюду зажигал свет. Вспомнил о Шейле. Опять один. И зачем его внучке жить вдали? Правда, это он сам купил ей дом в центре города...

Служанка сказала, что Шейла ужинать не придет. Что ж, он так и знал! Вот и служанку придется послать с поручением...

Бенц подкатил к камину столик с накрытым на нем ужином. Холодный ужин... Крис умела его приготовить! Умерла Крис, умирает планета. Хорошо, что Крис не дожила до этих дней. Она так любила лето! А теперь и лета почти нет. Должны в конце концов что-то решать с переселением. Не зря же, наверное, сидят на Беане экологи. Сам Пэт Моррис с ними — молодой, знающий, энергичный! Министр экологии, сын Верховного, ученый талантливый, умница... Да... И все же жаль, что Крис не дожила. Она так любила путешествовать! А он? Как ему оторваться от ее могилы?..

* * *

В проходной Надди встретился со своим приятелем из утренней смены, Саадом. Тот удивленно пожал ему руку:

— Что, решил все-таки заглянуть на собрание? Не ожидал, что ты интересуешься их борьбой.

— Я не знал о собрании. Меня интересуют только деньги. — Надди свысока посмотрел на хрупкого, маленького Саада.

— Тогда отчего в неурочный час? До смены еще есть время, давай покурим.

Они отошли к стене, достали сигареты.

— Решил выйти в вечернюю. Может, и в ночную останусь.

— Поменялся с кем-нибудь? Хочешь утро освободить?

— Да нет, утром выйду как положено.

Саад недоуменно пожал плечами:

— Представь, что с тобой будет! Устанешь, допустишь брак, выбросят на улицу. Тогда рабочий комитет ничем не сможет помочь тебе — ты у них не числишься.

— Не будет брака... — Надди хохотнул. — Будет тройной заработок, приличная квартира, приличная одежда мне, моей жене и ребятишкам... И вообще, — продолжал Надди, — если я захочу, смогу работать по четыре смены, заживу лучше самого господина Крюгера!

Саад опасливо оглянулся.

— Да ты вообще соображаешь?

— Вполне! — Надди приосанился. — У меня одна штука есть... Поставишь выпивку — скажу.

Саад заинтересованно посмотрел на приятеля.

— За мной не пропадет. Ну?!

— Во вчерашней газете дали объявление. Один профессор, забыл, как зовут, выдумал лекарство, чтобы никогда не уставать, всегда быть здоровым и свежим. Понимаешь — не надо тебе спать! Ты ее, таблетку, проглотишь, и сразу вроде отдохнул. Так я прикинул, если старик не врет, моя ночная выработка будет соответственно выше дневной. А расчет — это дело хозяев, надеюсь, они не обидят. Сколько заработаю — все мое.

Саад присвистнул.

— Вот до чего наука дошла! — сдвинул брови, почесал затылок. — Попробуешь, скажешь?

— А здесь и говорить нечего. Я уже был у этого профессора, и он велел приходить к нему через день, отме-

чаться. Вроде следить за мной будет. Бесплатно, конечно. Для науки.

— А он не шарлатан, твой доктор?

И тут Надди осекся и заторопился в цех. Вспомнил, что и жена так же отозвалась о профессоре. Она не могла простить мужу тех сорока форлингов, выброшенных, по ее мнению, явно зря на какую-то отраву. Плевать она хотела на его объяснения, на его обещания! Накричала, заплакала, так было жаль денег, а потом сказала:

— Можешь жрать свои таблетки. А я не буду. И так валюсь от усталости. Я устаю от тебя, от детей, от конвейера... Не дам никому отнимать еще и мой сон! Не дам, и все! Я имею право спать хотя бы четыре часа в сутки.

Спорить с женой было бесполезно. Надди сел к столу. Молча начал есть. Потом вышел на кухню, принял таблетку. И когда надел пальто, крикнул жене:

— Я на завод! В дневную!..

Женщина замерла с ложкой у рта. Надди только угром вернулся с ночной смены.

...Дома Саад рассказал про Надди и про чудеса врача, показал газету с объявлением. Его жена, усмехнувшись, покачала головой:

— Ну до чего же ты доверчивый дурак! Вот пусть Надди и надрывается подопытным у этого старика... Деньги и по-другому можно заработать!

* * *

Серый песок начал вспыхивать зелеными бликами. Его коснулись рассветные лучи Эпсилона. Закричала птица. Берег, казалось, вздохнул свежим ветром и проснулся. В реке заиграла рыба.

Это были любимые часы Пэта Морриса, начальника аркосской экспедиции на Беане. Он вынес из палатки раскладной столик и, подставляя лицо свежему ветру,

уселся за составление отчета об экспедиции. А утро было таким хорошим, что Моррис никак не мог сосредоточиться. Пение птиц, воздух, пахнувший рекой и лесом...

Отчет должен быть лаконичным и строгим, без лишних слов. Только веские доказательства того, что планета Беана системы звезды Эпсилон пригодна для проживания аркосцев. Из-за горизонта показался серп Эпсилона, и сразу же река, и луг, на котором расположился лагерь экспедиции, и лес за рекой заискрились радостным сиянием.

«Слишком много света здесь, глазам аркосцев пока началу будет нелегко», — подумал Моррис и решил еще раз поговорить об этом с Максом Крауфом, врачом экспедиции, хотя и знал его мнение об этой планете. Покопавшись в ворохе бумаг, извлек оттуда докладную Крауфа: «Считаю планету Беана пригодной для проживания населения Аркоса. Ввиду отсутствия необходимого для переброски на Беану всего населения Аркоса топлива считаю целесообразным основать на Беане колонию аркосцев, в число которых войдут наиболее развитые в физическом отношении, прошедшие тест на выживание люди. Подробный план и систему отбора прилагаю...»

Моррис хмыкнул. Не хочет все-таки Крауф расставаться с идеей колонии!..

Моррис порой поражался убежденности врача и биолога экспедиции. Он знал, что Крауф будет последовательно отстаивать свою идею колонии, отстаивать, несмотря ни на что. И поэтому больше, чем кому-либо, верил Крауфу.

Весь диск Эпсилона уже поднялся над горизонтом. Моррис услышал, как в палатке Крауфа зазвонил будильник. Моррис потянулся на стуле и пошел к нему.

Врач возился с аккумуляторным кипятильником.

— Опять забыли позавтракать? — улыбнулся он Моррису.

Моррису нравилось, что Крауф прежде всего видит

в нем друга и ученого, а уже потом — начальника экспедиции, министра и наследника Верховной власти. Он сел на складную кровать и ответил:

— Устал от консервов. Никакого аппетита. Да и сна... И вы еще прибавляете. Как вам непонятно, Макс, что о вашей идее колонии не может быть и речи! Что же, Верховные останутся на Аркосе? Конечно, нет. Они хотят одного: переселения с максимумом удобств. С максимумом, Макс!

— Не горячитесь, Пэт. Сначала нужно позавтракать. Ну а если говорить о деле, то в первую очередь нужно спасти цивилизацию, а не элиту. Это первое...

— Вы говорите как рабочий лидер, — усмехнулся Моррис. — И если бы ни ваши заслуги, я бы вас арестовал, — он посмеялся.

— А второе касается вашего сна и аппетита, — не слушая его, продолжал Крауф, — вы напрасно давитесь дистиллятами. Вот, — он кивнул на кипятильник, — необыкновенно вкусная еда. Вот, беанская вода. К тому же сейчас я угощу вас яичницей местного производства. Вчера нашел гнездо. Как-нибудь встречу хозяйку этого гнезда, да и употреблю ее на жаркое. Так и быть, приглашу вас, попируем...

Давно Моррис не испытывал такого удовольствия от еды. Эта яичница — неплохое доказательство в пользу переселения! Угостить бы ею Верховных! На Аркосе о натуральных продуктах почти забыли. Уж рядовое-то население — точно. Атмосфера загрязнена. Гибнет скот, гибнут пастбища. Остались только высокогорные, где еще держат фермы, но их продукции едва-едва хватает на обеспечение элиты, правящих ста трех семей.

— Кстати, Пэт, — сказал Крауф, — помните то явление, которое мы с вами наблюдали здесь во время первой экспедиции? Небесные иголки?

— Еще бы! Такое не часто увидишь, — ответил Моррис.

— Вчера, поздно вечером, я опять видел их. Должен

сказать, что все это слишком похоже на космические корабли, чужие космические корабли, Пэт. Кстати, где вы вчера пропадали после полудня?

Пэт Моррис взглянул на Крауфа. Выражение отрешенности на его лице сменилось раздумьем, потом посуровело, как у человека, принявшего окончательное решение.

— Я ходил купаться, — жестко ответил он. — Я устал. И ничего не случилось.

...Когда в аппарате что-то щелкнуло и экран погас, первой у Пэта Морриса мелькнула мысль: какая удача, что подарок инопланетян попал именно к нему в руки. Он осторожно поднял аппарат и на блестящей его поверхности рассмотрел барельеф человека с огромным выпуклым лбом и волевым подбородком. Чуть ниже располагалось два овала, на которых отчетливо различались континенты, горы, океаны. По всей поверхности аппарата были разбросаны точки различной величины. Одна из них, совсем маленькая, светилась голубым светом. Это была карта звездного неба, которую Моррису никогда не доводилось видеть.

Пэт Моррис вздрогнул: звук зуммера напомнил ему, что аппарат продолжает работать. Он еще раз осмотрел поверхность аппарата и увидел крохотный тумблер. Он повернул его, и поверхность аппарата начала медленно раздвигаться. Показался небольшой экран. Потом что-то щелкнуло, и экран засветился.

Привалаясь спиной к стволу дерева, Пэт Моррис с жадным интересом всматривался в жизнь чужой цивилизации. Техническое совершенство инопланетян потрясло его. Но больше всего его поразили люди. Как они не были похожи на аркоссцев — хмурых, озлобленных, разделенных стеной бедности и богатства! Впрочем, отметил он, когда перед ним прошли картины истории далекой цивилизации, и у них, называющих себя зем-

лянами, тоже не было все гладко. Но победила справедливость.

В аппарате опять что-то щелкнуло, и экран погас. Какая удача, подумал снова Моррис, что подарок инопланетян попал в руки именно ему.

...Крауф убирал со стола.

— Это хорошо, что ничего с вами не случилось на реке. Ну а что же все-таки скажем там, на Аркосе, Пэт?

— А вы сами как думаете? Уж, во всяком случае, не будем развивать ваши душеспасительные идеи. Не то Верховные, чего доброго, отвергнут весь проект. Все упирается в топливо. Послушаем, что скажет Бенц.

Крауф пожал плечами.

— Вы не верите в Бенца? — настороженно спросил Моррис.

— Бенц тут ни при чем. Аркосу приходит конец. Это мой окончательный диагноз родной планете.

— В этом наихудшем случае я буду настаивать на отправке на Беану инженерного авангарда, который по крайней мере создаст здесь технологическую базу. И который, может быть, решит вопрос с топливом из местных ресурсов.

— Это время, Пэт, время! Нас торопит не только экологический кризис на Аркосе, настораживает появление космических иголок возле Беаны. Вдруг это конкуренты? И не одни мы ищем дочернюю планету?

— Вы правы, Крауф. Возможность встречи с инопланетянами меня тоже беспокоит. Так что нужно спешить. — Мысленно перед глазами Моррис вновь увидел лица землян, озаренные золотистым светом их звезды. Нет, этим дочерняя планета не нужна. А вдруг им нужно что-то другое? Так что о послании Земли никто не должен знать. Слишком иные принципы у них, слишком эти принципы привлекательны. Моррис вспомнил, как

он пытался разбить аппарат инопланетян и, когда это не удалось, с размаху забросил его в реку.

Пэт Моррис вскинул голову и весело посмотрел на стоящего Крауфа:

— Эх, Крауф, нравится мне здесь! И пусть мы будем налаживать жизнь на Беане долго и упорно, пусть будем привыкать к новому месту, адаптироваться к этому яркому свету, но вы, Крауф, как врач, скажите, что лучше — адаптация или гибель на Аркосе?

— Пойдемте к геологам, — вместо ответа предложил Крауф.

Старший геолог Мирр Филли задумчиво сидел на камне. Он встал, увидев приближающегося Морриса, и отрицательно покачал головой: Моррис все понял, но выжидательно протянул:

— Ну?!

— Удручающе. Этот уран придется обогащать. Необходимо оборудование. Без него я как без рук. Просите разрешение на демонтаж и переброску установки, если не сможем надеяться на комбинат в целом. — Он снова сел на камень, что-то крикнул своим подчиненным, наблюдая, как они грузят минералы.

— Вот, Крауф, как оно... — Моррис развел руками. — Еще один демонтированный комбинат. А как я доставлю его?

Крауф сочувственно покачал головой. Моррис мрачно хмыкнул и крикнул пробегающему мимо рабочему:

— Найдите мне репортера Гека! — Повернулся к Крауфу: — Пусть даст на Аркос сообщение о больших успехах экспедиции и триумфальном завершении программы исследований.

* * *

За окном послышался шум остановившегося автомобиля. Шейла взглянула на часы и недовольно повела плечами: вечно дед запаздывает к обеду. Любит дедуля, чтобы его ждали!

На пороге стоял незнакомец. Высокий, худой, его приветливое лицо чуть портил широкий нос.

— Шейла Бенц, не так ли? — спросил он, она растерянно кивнула. — Государственная криминальная полиция. Инспектор Грим. Разрешите?

Они вошли в гостиную. Шейла встала у окна, не понимая, что все это означает. И дед задерживается... Не ей же соваться в полицейские дела! Наверняка опять Клаузен... Пойдет теперь старик в Верховное ведомство опять защищать любимого ученика. Только пойдут ли ему навстречу снова?

— Чем обязана? — сухо спросила Шейла, глядя, как незваный гость прикуривает — ей неожиданно понравились движения его рук: легкие, изящные, как у музыканта.

— У вас, должен сказать, хороший домик. Обставлен со вкусом. Почему вы живете одна, а не с дедом?

— Я человек самостоятельный.

— Серьезное обстоятельство, — засмеялся инспектор. — А вы давно видели вашего дедушку?

— А что?

— Я любопытен... профессия...

— Вчера. Сейчас он должен приехать ко мне.

— Вы ждете его? А не мог ли он внезапно изменить свои планы и вместо вас навестить, скажем, вашего отца, своего сына?

Шейла отошла от окна, села на диван и ответила:

— Это невозможно. Они пятнадцать лет не разговаривают.

— Почему?

Шейла смахнула волосы со лба:

— Это важно для вас?

— Видите ли... Весьма.

— Ну, что ж... Отец женился вскоре после смерти

моей мамы, и дед расценил это как предательство ее памяти. Они в ссоре с тех пор.

— Они не могли помириться? И вообще, не знаете ли вы, не мог ли профессор просто куда-то уехать?

— Не предупредив меня? — Шейла насторожилась, опаздывать в обычаях старика... но... и не звонил он сегодня. — Да что случилось в конце концов? — не выдержала она.

— Профессор Бенц исчез. Примерно сегодня утром. В его кабинете обнаружены следы борьбы.

Шейла в испуге уставилась на инспектора:

— Кто сказал? Откуда это стало известно?

— В семь утра нам позвонил некто, назвавшийся ассистентом профессора. Звонил он из дома Бенца. Вы его знаете, Клаузена?

— Поверхностно. Дедушка всегда говорит, что голова у него светлая, но занята, увы, не только наукой. И вообще, что делал Клаузен в столь ранний час у нас дома?

— А что вас удивляет? То, что появился Клаузен, или то, что он появился рано утром? Может быть, еще что-то?

— Не знаю, — тихо ответила Шейла, она никак не могла верить в слова инспектора — какое-то недоразумение... — У дедушки нет обыкновения приглашать в дом своих ассистентов.

— Возможны ли исключения?

— Не знаю. Но дедушка человек демократичный, хотя замкнутый. Как к профессору попал в столь ранний час Клаузен, я думаю, лучше спросить у самого Клаузена.

Грим развел руками:

— Видите ли, к нашему приезду Клаузена уже не было не только в доме вашего деда, но и в городе. И это не все. Из лаборатории исчез весь деморфин. Не осталось ни одной таблетки.

Рональд Гек толкнул дверь ногой и, широко улыбаясь, протрубил:

— Репортер Гек снова на родном Аркосе! Да здравствует переселение! Ура!

— Да потише ты, фанфарон! Шубу сними сначала, — буркнул, не отрываясь от телефонной трубки, Джек Ситтер, старший редактор отдела политических новостей. — Не видишь, информацию принимаю! — Они «жили» в одной комнате редакции — отдел политновостей и науки.

— Где Рона? Я думал, вы тут расселись, переселились...

— Раньше Аркос переселится на Беану! А за твоей женой я не смотрю. Да громче же! — заорал он в трубку. — Громче!

Гек скинул шубу, сел за свой стол, бегло посмотрел утреннюю верстку газеты «Верховные ведомости».

— Диктуй цифры, да яснее, громче! Сколько уволенных? — Казалось, Джака слышно на площади перед редакцией, но собеседник на том конце кабеля упорно отказывался его понимать.

Гек достал из портплекта диктофон, щелкнул рычажками, и оттуда зазвучал голос Пэта Морриса:

— Мы все, члены экспедиции, отдаем себе отчет в том, что наша работа опять остановлена безрезультативными исследованиями лаборатории профессора Бенца и поэтому не полностью удовлетворила надежды аркосцев. Однако научный поиск не должен останавливаться перед временными проблемами, — Геку стало не по себе. Это ощущение он испытал на Беане, когда впервые слушал речь Морриса, еще не упрятанную в диктофонное нутро. Впрочем, другого трудно было ждать от Морриса, он всегда превозносил технократов, теперь вот хочет создать из них элитарное общество. Гек откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и чуть

не подпрыгнул от взвинченного голоса Джака, который, закончив говорить по телефону, с треском грохнул трубку на рычаг.

— Пока вы там любуетесь лиловыми небесами, здесь вот — массовый расстрел рабочих!

— То есть?

— Сворачивают заводы «Аркокосмос», уволили две пятых рабочих. Сочли, что необходимое количество кораблей уже отштамповали. Эти люди, естественно, вышли в пикеты, и вот результат: в стычках с охраной предприятия сотни убитых. Раненых, покалеченных еще не учли. Этот тип, — Джак кивнул на телефон, Гек понял, он имел в виду информатора, — говорит, что там, в рабочих кварталах, сейчас поголовные аресты, хватают по первому подозрению в принадлежности к рабочим партиям. Кстати, ты ведь, конечно, не знаешь, я должен менять вывеску отдела...

Гек недоуменно поднял брови. Джак поплевал на сухонькие пальцы и, глядя на свой кулачок, сказал:

— Пока вы там ходили по зелененькому песочку... В общем, политической жизни нет, значит, не может быть и политновостей. Партии того, тью-тю, запретили. Там, — он выразительно поднял длинный палец, — не на Беане, пониже, но тоже высоко, решили, что еще чуть-чуть, и придется лететь в обратную от Беаны сторону, — палец Джака описал спираль, уходящую к полу. — Ну и... Да что тебе объяснять, не ребенок! Меня пока еще не вытолкали в шею из сих священных стен. — Джак хохотнул, воздевая руку к потолку. — Я еще нужен! Чтобы писать о том, как необходимо сплотиться в эти трудные дни, последние дни цивилизации аркосской, чтобы наступили счастливые дни, первые дни цивилизации беанской, — цитирую. Себя самого, разумеется. Ну и, конечно, в том, что мы никак не переселимся в наш новый прекрасный дом, виноваты рабочие, которые не хотят понимать наших временных трудностей. И вместо содействия перелету, помощи властям в

его скорейшем осуществлении рабочие отвлекают население, выдвигают свои мелкие и несущественные проблемки. Правительство, доведенное такой назойливостью до предела, вынуждено идти на крайние меры во имя успеха задачи общепланетной, так сказать, задачи, от решения которой зависит будущее, но это решение под силу только сплоченному, единому духом народу. Ну хорошо, ну ладно... Кстати, предупреди свою жену... она у тебя любит вольные высказывания. Нам это ни к чему. Ну, как слеталось?

— Гм... — Гек был ошарашен словами Ситтера, — так себе. Ничего нового. Может быть, перебросим туда материальную базу, чтобы не зависеть от Аркоса, а возможно, наоборот, тут оставим производство, а сами... В общем, как решат Верховные. Но, я думаю, они ничего не решат. Да и Моррис так считает. Топлива на общее переселение как не было, так и не будет. Из воздуха, что ли, сотворить его? Для этого нужно быть волшебником, а Бенц только ученый. Поэтому Моррис поторопился спустить мне директиву по поводу Крауфовой идеи с колонией — а это, между прочим, наиболее честный выход, если мы хотим спасти разум и культуру. Но в таком случае, Моррис прекрасно понимает, мы подорвем столько лет пестуемую пропагандистскую кампанию и тем выроем себе могилу. Нам перестанут верить. Да и как я буду писать о колонии избранных, продолжателей нашего мира, когда я столько лет потратил на то, чтобы втемяшить соплеменникам, что впереди их ждет прекрасная планета и прекрасная жизнь на ней. Все вместе от Верховного до дворника переселяемся в рай! Ты меня прости, я сам себя цитировать не умею, но в общих чертах все это так. Не знаю, что мы будем делать, как сладко станем петь, когда Морриса обвинят в напрасной трате средств...

— Его не обвинят, не бойся! — возразил Джак.

— Да... Ресурсы, будь они неладны! Как тут, ничего не слышно?

— Слышно, что профессор Бенц пропал. Так что на сегодняшний день с новыми открытиями глухо. Сейчас придет Рона. Она видела профессора одной из последних. Ее вызвали на допрос в полицию.

* * *

Моран не помнил, чтобы в лаборатории стояла такая тишина. На полу валялись опрокинутые приборы — полиция никогда не научится работать аккуратно! Он поднял их. Потом, найдя тряпку — лаборантки, видно, и близко подойти бояться после обыска, — начал их протирать. И тут, стоя за препараторным столиком, заметил Маттиса. Тот тихо вошел и неспешно принялся наводить порядок за своим столом. Стол профессора был абсолютно чист — все, что на нем было, перекочевало в полицейское управление. Маттис крикнул.

— Что скажешь, старина? — обратился к нему Моран.

Маттис подошел, присел на препараторский столик:

— Тот, кто убил или украл старика, — глухо ответил он, — явно был в этом заинтересован.

Моран кивнул. Чтобы сделать подобный вывод, не нужно большой прозорливости.

— Какие мысли еще тебя обуревают?

— Мыслей много. Да и хотелось бы поделиться ими с тобой. Как дальше будем существовать?

— Как и вся планета: надеждой на благополучный перелет.

— Я серьезно.

— И я не шучу. — Моран сел напротив, повертел в руках пробирку, поставил ее на место и добавил: — Работу нужно продолжать. Дед не простит нам, если мы сложим руки.

— Ну да, конечно, твоя идея обогащения топлива... Не забывай, старик относился к ней скептически.

— У тебя есть контрпредложение? — Он постарался спросить как можно более равнодушно.

— Конечно, надо жить на что-то, а кто же нам будет платить за работу? Старик? С того света? Крюгер мог бы многое купить. В том числе и твой полуфабрикат.

— Что еще?

— Деморфин, например. Если конечно, Крюгеру растолковать, что это такое — прекрасное средство повышения производительности труда. И потом, мы просто можем брать заказы у Крюгера, лаборатория оснащена достаточно.

— Ты говоришь так, словно уверен, что Крюгер согласится. Ты что, близок с ним?

— Да как тебе сказать... Но я знаю, что он может быть заинтересован в нас.

Эта фраза заставила Морана свернуть беседу и, сославшись на срочное дело, уйти из лаборатории.

Он пошел в полицейское управление. Его вдруг осенило, что Маттис продал Крюгеру старого профессора.

* * *

— Итак, Грим, проверка родственников профессора Бенца ничего не дала следствию. Примите мои сожаления. — Начальник криминальной полиции постучал карандашом по полированной крышке стола.

Господин Вернер знал, что Анри Грим — один из лучших его сотрудников — редко заходил в тупик, но теперь его раздражало спокойствие Грима.

— Что вы намерены делать дальше? Хотя бы установлена слежка за Клаузеном?

— Идет розыск Клаузена.

— Долго. Что еще?

— Пока мои агенты заняты в лаборатории профессора.

Вернер пожал плечами:

— Не думаю, что они могли найти там что-то кроме научной абракадабры. Это не наше дело. Вы попусту тратите время, инспектор. Время работает не на нас. Что вы станете делать, если профессора вообще убрали?

— Это пустая версия. Тем, кто заинтересован в Бенце, он нужен живым. Не забывайте, он великий ученый. Вряд ли найдутся силы, которым он попросту мешает. Насколько мне известно, противников перелета не существует. Я не думаю, что похищение могло быть совершено частными лицами. Бенц — это наука, производство... Считаю необходимым заняться концерном Крюгера.

— Почему? С тем же успехом вы можете заняться любым другим предприятием.

— Насколько мне известно, работы профессора имеют самое прямое отношение к продукции именно концерна Крюгера.

— Неужели вы полагаете, что Крюгер стал бы действовать столь тривиальным способом?

— Деловой мир. Если Крюгер имеет на своих предприятиях собственную полицию, что ему стоит гангстерскими методами поставить на колени Бенца? И за то, что якобы отлынивает от работы над топливом, и за то, что пытается проявлять деловую самостоятельность.

— Глупость! Займитесь лучше частными лицами. Всеми, кто в последнее время вступал в прямой контакт со стариком. Родственники, сотрудники, знакомые, кто еще? — Вернер хитровато глянул на Грима.

— Студенты, которым он читает лекции в университете, — усмехнулся инспектор.

— И то ближе к делу. Не надо трогать Крюгера. А что вы скажете вот на это? — Вернер протянул Гриму газету, в которой красным карандашом была отчеркнута заметка в рубрике «Скандалная хроника»:

«Госпожа Мартин, владелица одного из домов Северного района, обратилась в суд с жалобой на жильцов, супругов Гек, по профессии журналистов, которые

нарушили договор о найме жилой площади. Супруги Гек последнюю неделю беспокоят соседей ночной работой на пишущей машинке. Таким образом госпожа Мартин уже потеряла нескольких квартирантов. На просьбы прекратить работу по ночам супруги Гек ответили отказом и предложили госпоже Мартин удвоенную оплату. Квартироповладелица настаивала на расторжении договора о найме квартиры. Однако супруги Гек уклонились, и госпожа Мартин обратилась к властям.

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что ночные бдения госпожи Гек, репортера газеты «Верховные ведомости», стали возможны благодаря препарату, по словам Роны Гек, изобретенному известным профессором Бенцем. Этот препарат якобы мгновенно снимает усталость и повышает работоспособность. Наша газета обратилась к осведомленным кругам с просьбой прокомментировать заявление ответчиков. Однако ряд ученых-биохимиков и фармакологов заявили, что ни о чем подобном они никогда не слышали».

Грим задумчиво повертел газету.

— Гек... Где-то я встречал эту фамилию.

— Очевидно, в печати. Он — известный журналист, пишет о проблемах переселения, летал на Беапу вместе с Моррисом.

— Нет... Не в связи с переселением. Совсем недавно. — Грим задумался. — Да! В лабораторном журнале я обнаружил список самых разных фамилий, среди них была и фамилия Гек.

— Нужно прощупать и этих людей. И вот о чем подумайте. У меня был ассистент профессора, некий Маттис, он сообщил, что у Бенца имелись многолетние серьезные разногласия с другим его учеником, неким Мораном. Разногласия кончились как-то ссорой. Мы должны знать, что за личность этот Моран, каков, так сказать, его криминогенный потенциал. Момент мести...

— Моран тоже был у меня, — усмехнулся Грим, — он подозревает Маттиса. Не думаю, чтобы эти ученые

мужи были даже косвенно виноваты. Нужно искать иные пути.

...У себя на столе Грим нашел записку секретаря с просьбой срочно позвонить госпоже Гек.

* * *

Шейла ходила по комнате. Грим удобно расположился в кресле.

— Это готовое предложение о договоре с Крюгером не выходит у меня из головы. Правда, я сомневаюсь, чтобы у Маттиса были какие-то связи, но есть над чем подумать.

Грим вдруг улыбнулся:

— Что верно, то верно. И мой начальник, комиссар Вернер, говорит точно так. Вообще, только не удивляйтесь! Давайте поедем за город! Такой редкий день...

— Вы находитесь на государственной службе...

— Да, но я уже тысячу лет не слышал, как поют птицы. Некогда. И не с кем. Поедем?

Шейла вытащила из кармана ключ от автомобиля и улыбнулась:

— Ну что ж, поедем...

Когда Грим садился в машину, он думал, что не зря не рассказал Шейле о донесении агента по кличке Скарп. Скарп писал любопытные вещи:

«Клаузен прибыл в горную деревушку Маунт, где проживает его родня по матери и где он сам родился и жил до студенческого возраста, большую часть времени проводит в окрестностях деревни, в заброшенных штреках горных выработок. Эта местность изобилует пещерами естественного и искусственного происхождения. Здесь преступники могли бы прятать свою жертву. Обследование пещер пока ничего не выявило. В походы по горам Клаузен отправляется с заплечным мешком. Мешок так же полон по возвращении с гор, как и перед

отправкой туда. На одном из привалов Клаузена обнаружена записка, которую и прилагаю».

Записка содержала выкладки формул и была написана рукой Клаузена. Эксперты-химики сказали, что формулы произвольные.

Грим молчал, опасаясь, как бы Шейла не кинулась в горы на поиски деда. Как бы не спугнула Клаузена. Вряд ли он мог в одиночку похитить старого, но вполне крепкого человека. И хотя Скарп ничего не сообщал о контактах Клаузена, всякий раз подчеркивая, что Клаузен ни с кем не встречался и не разговаривал, Грим предположил, что связь у Клаузена должна быть. Хотя бы с теми же Мораном и Маттисом. А Шейлу он решил пригласить за город только потому, что с каждым днем эта девушка все больше нравилась ему.

* * *

Странно устроены люди: вместо того чтобы огорчаться неудаче общего дела, они радуются его, Морриса, поражению! О его поражении вчера на совещании в Верховном ведомстве было сказано совершенно определенно и официально. Отец не стеснялся в выражениях и формулировках. Даже после совещания он ни разу не назвал его по имени — будто сам носит иную фамилию! Доклад Морриса-младшего вынудил сделать его столь беспощадные выводы. Горько! Хотя бы посочувствовал по-отцовски!

Моррис вспомнил, что когда он, заканчивая выступление, произнес: «...останется единственный путь: отправить на Беану специалистов и необходимое оборудование...» — посыпались вопросы:

— Есть ли конкретные предложения по контингенту первого эшелона?

— Да, есть. Обсчет производил электронный мозг. Для реконструкции и эффективного проведения работ необходимо сорок процентов наличной наиболее квали-

фицированной рабочей силы и инженерно-технических специалистов.

— Какие условия будут созданы для членов ста трех семей на Беане?

Моррис смутился:

— Я, кажется, говорил о том, что первый эшелон сможет принять только специалистов. Остальные полетят, когда будет налажен обратный мост.

— Сто три — не остальные! — крикнул кто-то.

— Вы, верно, сами-то полетите первым эшелоном?

Моррис смутился еще больше, никак не ожидал подвоха. Ответ ясен, он же глава комитета. Конечно, он полетит с первыми.

И тут началось! Ему разъяснили, что представители высшего класса должны лететь первыми и все вместе. «А кто будет на них работать?» — с вызовом спросил он. В урезанном составе рабочие и специалисты не смогут провести намеченных работ. В этом случае все начнется с нуля и закончится элементарной адаптацией, а не воссозданием цивилизации.

Адаптироваться никто не захотел. Всем желательно жить и наслаждаться. Хоть на Беане, хоть на Аркосе... Так и сказали Верховные, их поддерживали члены комитета.

А чего стоила фраза отца: «Научная состоятельность министра экологии потерпела крах! Вопрос о переселении считаю несвоевременным».

М-да... Крах! Что же теперь делать?

* * *

— Я не видела вас целых четыре дня! — с упреком проговорила Шейла и улыбнулась. — За такой срок следствие могло продвигнуться очень далеко. Вы не информировали меня.

Она взяла Грима под руку.

— Я иду в лабораторию. Проводите меня?

Они столкнулись у входа в универмаг. Вот забавно! Шейле раньше не приходило в голову, что серьезные мужчины тоже делают покупки, даже сыщики.

— Увы, — вздохнул Грим, — я не смогу вас проводить.

Он только что допросил продавщицу универмага, которая тоже покупала деморфин у профессора Бенца.

— Тогда провожу вас я. Вы в управление?

— Угадали. Ну а что касается следствия, увы, оно не продвинулось, хотя в него неожиданно вмешалось Верховное ведомство. Можете себе представить, что творится у нас в управлении! Каждый день пишу отчеты, и когда есть что написать, и когда написать нечего.

— Значит, он меня не обманул, — сказала Шейла.

— Кто? — озабоченно спросил Грим.

— Моррис-младший. Он меня вызывал. Из-за деморфина.

Грим невольно остановился:

— И что же хотел от вас министр экологии?

— Чтобы я наладила производство деморфина. Понимаете, оказывается, в ведомстве про меня многое известно. И что немного помогала деду, и что я нашла катализатор реакции синтеза. В лаборатории, увы, к деморфину никто, кроме меня, серьезно не относится. Но я стараюсь, работаю. Если я найду условия кристаллизации, можно будет начинать промышленное производство. Моррис сказал, что этот заказ он передает концерну Крюгера. Я получу свой гонорар. При моем нынешнем положении это неплохо.

— Неплохо, — согласился Грим.

— Да... — вздохнула Шейла. — Моррис не случайно начал разговор с моего материального положения. У дедушки нет завещания. Я не прямая наследница, все имущество деда отходит к моему отцу, там дети от другого брака... Моррис выбрал могучее средство, чтобы заставить меня заняться деморфином.

— Жаль, но у меня действительно мало времени, —

неожиданно перебил девушку Грим, — к вечеру я буду свободен, и мы поговорим. Только вспомните все, что сказал вам Пэт Моррис, это важно!

Утром Грим был в лаборатории, где все уже было иначе, чем в первые его визиты. Прибрано, готово к работе. Моран сидел, подперев голову руками.

— О чем задумались? Новая гипотеза? — осведомился инспектор.

— Гипотезы — сейчас это больше по вашей части, — угрюмо отозвался Моран.

— А где ваш коллега?

— В машинном зале, что-то пересчитывает. Наверное, деньги, — язвительно сказал Моран, — берет заказы от Крюгера и сколачивает капитал, пользуясь отсутствием патрона. Не верю, что старик убит! Видимо, подозревая Маттиса, я был не прав...

— Не знаю. И заводы Крюгера, и ваша лаборатория работают на перелет. Неизвестно, что мог затеять Крюгер, чтобы подстегнуть ваши исследования, и чьиими руками он это сделал.

Моран кивнул. От всего его облика веяло отчаянной скукой.

— Вы не задумывались над причиной отсутствия Клаузена?

Моран пожал плечами:

— Клаузен — человек, мягко говоря, с увлечениями за пределами науки. У него бывают свои дела. Вы предполагаете, это он приложил руку?.. И есть основания?..

— Клаузен не мог в одиночку совершить подобного преступления. Ему кто-то помогал.

— Не я, — Моран так сказал это, что Грим понял, зря сомневался в нем. Но продолжил:

— А почему вы отказались от своей работы? Теория обогашения, кажется, так это называется?

Моран объяснял долго. И главное, Грим понял, что ничего оскорбительного в отставке своего проекта Мо-

ран не видел. Он не ссорился с Бенцем. В науке, сказал он, существуют и тупиковые пути. «В следствии — тоже», — согласился с ним Грим.

* * *

В цехе неприятно пахло маслами. Грим решил закурить, чтобы перебить запахи, но Крюгер пригрозил ему пальцем, и он смял сигарету.

— Мне пришлось снять все штамповальные машины, — принялся объяснять Крюгер. — Экономим энергию. Но мои деньги летят в трубу — ручной труд дороже оплачивается. Известно вам, наверное, — помолчав, не без гордости заметил Крюгер, — вся межпланетная армада сделана в этих стенах. До сих пор думаю, — Крюгер крикнул, — неужели это пустой труд?!

Грим показал рукой в дальний угол цеха:

— Кажется, там еще не смотрели.

Крюгер остановился, отер платком мокрый лоб:

— Послушайте, господин Грим... Ну, ладно, вы устроили обыск у меня на вилле, в домах членов правления концерна, в этом, возможно, еще был смысл. Но кто же станет держать ученого, от которого так много зависит, в куче тряпья, среди грязных ящиков и испорченных заготовок? Ну, хорошо, если вам больше нечем заняться, смотрите! Вы просто выставяете на посмешище всю аркосскую полицию!

Грим и сам не верил в эффективность поиска. «В науке существуют тупиковые пути...» Может быть, в розыске тоже? Слежка за Клаузенем ничего не дает, Вернер пока не спешит с арестом — считает, что это правомернее сделать, когда Клаузен «снимется с якоря», — можно будет посмотреть, куда поведут его следы. Маттис зарабатывает деньги, Моран бездельничает, Шейла получает промышленный деморфин. Есть ли вообще смысл в похищении профессора Бенца? Какой коварный замысел стоит за этим? Тем, кто готовит перелет, Бенц нужен живым и здоровым. Противникам переселения

Бенц тоже не мешает — его исследования заморожены. Допустим, Бенц открыл искомое топливо. Все равно, вряд ли он держал это открытие в тайне. Даже бесполезный деморфин он поторопился сделать достоянием гласности. Стоп! Деморфин! Если, со слов Шейлы, деморфин оказался нужен Моррису, почему бы Крюгеру не заинтересоваться препаратом? Он мог опередить Морриса. Именно на его предприятии работает Надди, тот самый, что первым купил деморфин у Бенца. Крюгер мог изолировать профессора, пока деморфином не заинтересовались конкуренты.

Грим исподволь заговорил с Крюгером об этом препарате.

— Один из ваших рабочих употребляет деморфин, разве вы не слышали?

— Знаю я этого дурака, — Крюгер усмехнулся, — на него ходят смотреть, как на передвижной зверинец. Вкалывает три смены подряд. Но рабочий он первоклассный. Брака не дает, стал хорошо зарабатывать. А рабочий комитет его осудил. Они столько времени и сил потратили на ограничение рабочего дня... На других рабочих деморфинщик влияния не имел, к счастью.

— Почему к счастью? Разве вы не хотели бы иметь побольше таких первоклассных рабочих?

— А что делать с остальными? Выбрасывать их на улицу, где они будут устраивать беспорядки с требованием работы и переселения? Верховное ведомство предпочтет, чтобы я заставил эту массу работать кремневыми зубилами, лишь бы они были при деле.

— Тогда зачем деморфин понадобился правительству? Почему оно обратилось к вам с этим заказом?

— А кто его знает... — хмыкнул Крюгер, — с одной стороны, это тоже способ занять людей на производстве, с другой — возможность выбросить на рынок новую игрушку. А мне что? Я буду производить прошлогодний снег, лишь бы мне платили.

— Но у правительства не так много средств, чтобы бросать их на прошлогодний снег.

— Ах, молодой человек, — Крюгер вдруг серьезно поглядел на Грима, — вы-то задумывались, что стоит за словом «инфляция»? Пусть хоть деморфин обеспечит эти летящие по ветру бумажки... Деньги! — Крюгер фыркнул.

«Без правительственного заказа, — понял Грим, — Крюгер не стал бы сам производить деморфин».

— Нельзя ли мне устроить встречу с тем рабочим? — продолжил Грим. — Все же он входил в прямой контакт с профессором.

— С того бы и начинали, если вы имеете в виду деморфинщика. Его фамилия Надди. Только этот тип наверняка ничего не скажет.

Крюгер оказался прав. Надди вообще не сказал ничего. После приобретения деморфина он с профессором больше не встречался. Нет, никому не рассказывал. Вот только Сааду, из другой смены. Но Саад не поверил.

Грим записал в свой блокнот фамилию Саада скорее автоматически, не думая всерьез об этой ниточке.

* * *

— Вот здесь мы и присядем, нам принесут горячего, и вы все мне расскажете подробно, — после небольшой прогулки объявил Грим.

Буфетик был устроен в дупле старого дерева. Высоко в его ветвях на выложенной площадке, отдаленно напоминавшей гнездо гигантской птицы, стояло еще три столика. Туда вела лестница, прячущаяся в ветвях. Хозяин поставил перед Шейлой и Гримом большие чашки дымящегося напитка.

— Здесь неплохо, а главное, мы можем тут спокойно поговорить. Вначале скажите, почему такой человек, как Пэт Моррис, занятый проблемой переселения, в

принципе, от фармакологии далекий, предложил вам заняться разработкой деморфина?

— Моррис считает, что деморфин будет иметь сбыт.

— У кого?

— Как я думаю, у веселящейся публики. Своего мнения Моррис не высказывал.

— Шейла, а не кажется ли вам, что, если вы повторите открытие профессора, сам профессор уже не будет нужен правительству?

— Ерунда! Профессор должен дать топливо.

— Интуиция подсказывает мне, что сейчас топливо и деморфин поменялись местами. Не помню, говорил ли я вам, но мой начальник получил предупреждение: если профессор Бенц не будет найден в течение десяти суток, то он может прощаться с местом. Я, кстати, тоже.

Шейла присвистнула.

— А знаете что, — вдруг сказала она, — я могу объяснить, откуда у Верховных столько прыти. Я просто понравилась Моррису. Очень понравилась, понимаете?

Грим внимательно посмотрел на нее, промолчал и подумал, что степень личной заинтересованности Морриса в деле профессора, пожалуй, не соответствует официальному накалу поисков. Но Шейле предпочел не говорить об этом. А та вспомнила, как заботливо встретил ее министр экологии, как торжественно обещал сделать все для поиска ее деда, как дал возможность практически стать во главе лаборатории и как, глядя на нее, он долго и нежно целовал на прощание руки. Ее рассказ Гриму не понравился.

* * *

Вечер оказался испорчен. Грим подвез Шейлу к ее дому, довел до калитки, кивнул и зашагал к своей машине. Она услышала, как он отъехал, подумала: отчего бы ему не задержаться на минуту, чуть продлить про-

щание? А может быть, встречаясь с ней, он только исполняет свой долг? И их свидания, беседы, прогулки входят в протоколы? Уж лучше бы просто вызывал повесткой в управление! Эх, Грим, Грим...

Шейла огляделась и вздрогнула: возле ее гаража стояла чужая машина.

— Простите, — услышала она голос, — но ждать вас на улице, где мою машину могут узнать, я не решился, поэтому пришлось поставить ее здесь. Э, да вы, кажется, испугались! Я не хотел...

Из темноты к ней шагнул Пэт Моррис.

— Шейла, нам необходимо поговорить. Я пришел сказать вам, что... Словом, садитесь в мою машину. Разговор не короткий. Да, переоденьтесь в вечернее платье и еще захватите купальный костюм.

— Тогда пройдите в дом, не стоять вам здесь... — нерешительно прошептала Шейла и повела его в комнаты.

За рулем Моррис сидел уверенно, чуть откинув назад голову.

— Сегодня мне на стол легли документы расследования, выстраивается достаточно основательная версия, что ваш дедушка похищен Клаузенем, спрятан им в Восточных горах.

— Почему же тогда Клаузен на свободе, а дедушка не дома?

— Потому что, милая Шейла, это не просто похищение, а похищение политическое. Вы же наверняка знаете, каких убеждений придерживается этот молодой ученый.

— Слышала, но дед никогда не интересовался политикой.

— Так вот... Мы не можем арестовать Клаузена до тех пор, пока не установим остальных участников преступления, связанных с Клаузенем лиц. Это явно дело рабочих партий, акция, направленная против перелета. Видите ли, вместо того чтобы содействовать прави-

тельству, создать возможности для полной мобилизации населения, рабочие партии плодят сознательных саботажников, негодяев. Зная о вашей работе, рекламируемой газетами, они могут и вас... Как вашего дедушку. Так что, мне кажется, вам необходима охрана.

— Я подумаю над вашим предложением, спасибо. Но деморфин — и политика? Не вижу связи. А куда, кстати, вы меня везете?

— Пока это мой секрет. — Моррис сделал еще один поворот, машина въехала под ярко освещенную арку, потом в залитый играющим светом тоннель и остановилась перед небольшой красной дверью. Моррис обрадовался, поняв, что Шейла не смыслит в политической игре, не видит связи между политикой и изобретением деморфина. Трудно сказать, как она могла бы оценить эту очевидную для него связь, как поступит, исходя из своих оценок.

Моррис вышел из машины, помог выйти Шейле. Шейла зажмурилась: в глаза бил яркий калейдоскоп огней. Моррис раскрыл дверь, и Шейла увидела — свет исходит снизу. Перед ней был бассейн с люминесцирующей водой, мерцали огни, повторяя ритм льющейся мелодии.

— Ну как? — спросил горделиво Моррис.

— Красиво...

— Смелее, это всего лишь стеклянный пол, бассейн дальше. — Он подтолкнул ее, и Шейла шагнула в уютную комнату: у стены, меж мягких подушек, стоял низкий стол с изысканной сервировкой. За огромной стеклянной стеной плескалась вода. Там плавали женщины в замысловатых тюрбанах на головах, на острове, посреди усыпанном золотым песком, под сильными ультрафиолетовыми лампами загорало несколько молодых пар, а со стен струился серебряный свет, то замирающий, то вспыхивающий вновь причудливыми звездами.

— Не волнуйтесь, они нас не видят, — Моррис открыто любовался Шейлой. — Со стороны бассейна стек-

ло зеркальное. Садитесь. — Он взял ее руку и, усаживая к столу, подsunул подушку, сел напротив, предложил: — Если неудобно сидеть, то прилягте. И давайте договоримся: вы называете меня просто Пэт. Мы же друзья!

Шейла кивнула. Она пила шипучий напиток, от которого чуть кружилась голова. Ей вдруг захотелось спать. Шейла встряхнулась, взяла свою сумочку и протянула Моррису деморфин:

— Хотите?

— Пожалуй, — согласился он и, глядя, как от таблетки расходятся диффузные струи, сказал: — Если захотите окунуться, переодеться можно вот там.

— Обязательно. — Шейла встала.

«Эта женщина, — подумал Моррис, — будет моей женой и даст мне безупречное потомство. Или власть вообще малого стоит».

Шейлу не смутил его взгляд. Она спросила:

— Ответьте мне прямо, зачем вам деморфин? Что вы хотите выжать из рыженьких таблеток для вашей программы перелета?

— Это интересует вас? Ну что ж, я отвечу. — Шейла заметила что Моррису явно вдруг стало не по себе. — Вы представляете, что ждет первопереселенцев на Беане? Труд, тяжкий труд по воссозданию цивилизации. Мост Беана — Аркос потребует огромных затрат — и трудовых, и временных. После хорошей работы всегда хочется встряхнуться, развлечься. Вот зачем я предлагаю людям деморфин. Заметьте, бесплатно. Молодежь поймет меня. Молодежь всегда любила после хороших трудов потанцевать и построить друг другу глазки. Не так ли?

— Да. — Шейла ушла за ширму, чтобы переодеться.

Объяснение Морриса ее не убедило.

В зеленом секторе бассейна Моррис увидел Крюгера.

Сегодня на совещании комитета по переселению Крюгер произнес поистине историческую фразу: «Если мы не смоемся отсюда, то наши дети смешаются с чернью, уж лучше смыться на любых условиях». И тут даже самые умеренные члены комитета проголосовали за. Заслушали принципы построения отборочной сетки. Крюгер, которому, как всегда, нейдет высказать свое мнение, и тут оказался верен себе, рисовал самые радужные перспективы. Он был по-своему убедителен. Моррису осталось лишь проиллюстрировать его слова конкретными выкладками, представленными электронным мозгом. Получалось, что при применении деморфина достаточно использовать лишь тринадцать процентов рабочей силы против намеченных ранее сорока. Эти цифры вдохновили комитет не меньше аргументов Крюгера. Отборочная сетка была утверждена.

Итак, переселение стало возможно благодаря деморфину. В итоге — всеобщее благоденствие, никаких проблем.

Правда, раздавались и фразы сомнения. Значит, разбивать семьи? Что ж, мужчин и женщин по сетке набирается поровну, значит, они смогут заново устроить личную жизнь. Нет ли опасности революционных выступлений при опубликовании сетки? Есть, но нужно быть кретином, чтобы опубликовать ее. Публиковаться будут лишь списки первого эшелона, с которым полетят самые лучшие представители населения. Они-то и будут строить плацдарм для нового витка цивилизации.

И тут Крюгер снова взял слово: «Зачем нам нужны убогие, старые, ленивые и больные еще и там? Мало мы с ними тут намучились? Вы что, забыли, как несколько лет назад мы чуть не окочурились, когда начала расти ядовитая трава и пал скот? Забыли? Кто тогда нас спас? Пэт Моррис своим проектом переселения. Читайте, он спасает нас вторично. Чернь начнет верить в светлое будущее с утроенной силой, ну и пусть верит себе на здоровье». Крюгер захихикал, и кто-то

кинул каверзный вопрос: «Что же будет с оставшимися?» И тут прозвучала вторая историческая фраза Крюгера: «А все, что угодно. Вам-то что?»

Моррис, уже убедив себя и других, что сетка — наиболее разумный вариант переселения, вдруг представил себе день и час, когда тайну переселения постигнут те, кто оставлен, брошен, предан. Но тогда Моррис будет далеко от них. А вот когда эту тайну раскроют на Беане? Он увидел объятые ужасом лица, забастовки под сиреневыми небесами, виселицы с телами смутьянов. На него стало надвигаться страшное воспоминание о тех временах, когда только его план переселения оставил народ от выступлений, подготовленных левыми и радикалами. Моррис всех заставил плясать под свою дудку! И когда он с первой экспедицией ушел на Беану, и когда вернулся, сказав: «Да, это планета нашей мечты», — даже маленькие дети в самых темных семьях узнали его имя, стали чтить как героя. Но это было тогда...

Там, на планете его мечты, на ее зеленых песках, под красноватыми деревьями, кончится его слава? Моррису стало холодно. Он крепче зажмурил глаза, чтобы отогнать проклятые видения, подумал: «Завтра объявлю чрезвычайное положение, наберу рабочую силу согласно сетке и начну муштровать людей так...» — и услышал голос Шейлы:

— Не засыпайте, пойдемте купаться!

* * *

Грим смотрел на календарь. Его взгляд задержался на строчке плана дня: «Саад, рабочий завода Крюгера, приятель деморфинщика Надди». Ну и что скажет этот приятель? Повторит слова Надди? Грим с раздражением отшвырнул карандаш. Такого глупого следствия он, пожалуй, никогда не вел сам и не помнил, чтобы вели другие.

Ему стало не по себе, что он из-за этой глупости со стариком может оказаться не у дел. Невеселые мысли прервал Вернер, который, зайдя к нему в кабинет, сказал без всякого предисловия:

— Срочно свяжитесь со службой наблюдения, выясните, где Клаузен, и немедленно арестуйте его.

— Да, но...

— Это распоряжение верховного министра. Вот ордер. Сегодня с полудня объявляется чрезвычайное положение. Действуйте энергично.

Грим взял со стола квадратный, с гербом и печатью, подписанный Вернером лист. Ну и что же? Дело, стало быть, больше не терпит отсрочки. Придется поступать согласно указаниям.

Агент Эллис, который занимался наблюдением, доложил, что рано утром ассистент профессора Бенца Клаузен прибыл в столицу и в данный момент находится в лаборатории.

Грим был слегка удивлен. А впрочем, решил он, не все ли равно, где надеть на него наручники — в лаборатории, в горах?

Грим поехал в лабораторию. «Итак, как чувствовал себя профессор вчера утром, когда вы навещали его в той пещере? Ведь вы прячете профессора, не так ли? Как же вы могли оставить его, старого человека, без близких и родных, в незнакомом месте? Кто же теперь станет приносить ему еду? Или у вас есть сообщники? Они заменят вас? Да, вы верно рассчитали, что человек, пригласивший полицию, обычно вне подозрений. Но неужели вы не поняли, что исчезать сразу после звонка в полицейское управление слишком опрометчиво?» Потом Клаузена увезет наряд полицейских.

Так оно и произошло.

«Ну вот, — подумал Грим, глядя вслед полицейской машине, — теперь хотя бы комиссар Вернер и Верховное ведомство заполучат мальчика для битья», — и поехал на завод Крюгера, чтобы все-таки допросить Са-

ада. От своего плана действий Грим не отступался. Да и мало он верил, чтобы один ученый мог похитить другого. В той среде счеты сводят иначе.

Что творилось у Крюгера! Только удостоверение Центрального полицейского управления позволило Гриму проникнуть за оцепление. Охрана концерна, известная в городе своими серо-бурыми мундирами, держала кордон. Рабочих не выпускали из цехов. Солдаты охраны приготовились по всем правилам: надели пуленепробиваемые жилеты и глухие каски. Из отрывочных разговоров Грим понял, что рабочие атакуют охранников, пустив в ход тяжелые болты, детали, гайки. Теперь, похоже, передышка...

За оцеплением рабочие возбужденно обсуждали свои возможности сопротивления. Грим огляделся, спросил у первого же рабочего, где найти Саада.

— А кто его знает, был на конвейере, работал... — и указал рукой вдаль, куда-то за высокие стропила, подпирающие сводчатую крышу огромного цеха.

Грим направился туда, но что-то тяжелое угодило ему чуть ниже плеча. Не успел он оглянуться, как чья-то сильная рука потащила его в сторону.

— Садитесь, — за массивным станком, на ящике, сидела репортер «Верховных ведомостей» Рона Гек.

— Знакомьтесь, мой муж, — она кивнула на мужчину, который все еще держал Грима за рукав. — Вы что здесь делаете? Это не по вашей части...

— И по моей тоже. Нужно допросить одного рабочего, да разве найдешь его в такой неразберихе? Это что? Похоже, стреляют?.. Не высовывайтесь, могут угодить ненароком. С чего все началось?

— Утренние газеты читали? Списки первого эшелона им очень не понравились. Конечно, затронуто самолюбие: почему мой сосед признан более квалифицированным, чем я... — начала Рона.

— Не в этом дело, — перебил ее муж. — Они чув-

ствуют себя обманутыми. Как же, говорили, что вылетаем все вместе, а теперь выясняется — большая часть остается на Аркосе ждать лучших времен. Но самое главное, правительство поторопилось с чрезвычайными мерами, которые Крюгер довел до абсурда: лишение права на забастовку, отмена премиальных, увеличение рабочего дня. Удивительно: ресурсов никаких, если верить официальным данным, и вдруг ряд ведущих отраслей промышленности пускается на полную мощь. Вам не кажется это странным?

— Нет, — глухо отозвался Грим. — Я думаю о другом. Как добраться до конвейера. Мне не удастся встретиться с этим Саадом. Все какие-то обстоятельства мешают!

— Грим, а на вас разнарядка распространяется? Вы-то летите?

— Я? Нет. Во всяком случае, в списках управления меня нет. А вы, конечно, летите. — Грим помнил, муж Роны был вместе с Моррисом во второй экспедиции на Аркосе.

Гек тяжело вздохнул:

— Лечу пока только я. Вы, наверное, знаете, что от полета в первом эшелоне нельзя отказаться — все равно отправят под стражей. Вот Рона должна остаться. А это невозможно! Она ждет ребенка. Я говорил с Моррисом — он мне отказал, но адресовал к членам комитета, ко всем сразу! Деловит и безупречен!

— А ты не верил мне, что он уже на все плюнул! Вот и бунты, и трещит все по швам, а он развлекается с этой новой...

— Это вы о ком? — с опаской спросил Грим.

— Да о внучке профессора Бенца! — ответила Рона. — Это же надо! Сколько они с Рональдом прошагали бок о бок по Беане, и он посмел ему отказать! Ясно, голова кружится от чувств... Я в отчаянии.

Вот оно что! Грим почувствовал, что хочет забить в самый дальний угол, чтобы его никто не видел.

А в цехах стреляли. Рабочие оборонялись мужественно и стойко, выстрелы звучали все настойчивее, было видно, как падают защитники баррикад.

Грим содрогнулся. Но ему не хотелось пугать женщину, и он спокойно сказал:

— Вы в отчаянии? Но я не понимаю в таком случае, зачем вы искушаете судьбу здесь? Не забывайте старую истину: когда король бессилен, кланяются королеве. — Он встал и, прячась от пуль, за станками пошел к конвейеру.

Конвейер рабочие превратили в еще одну линию баррикад. К Гриму рабочие отнеслись спокойно: криминальная полиция — это не каратели.

— Саад? — переспросил его старый рабочий, и тут оглушительно заревели сирены.

«Так, — отметил про себя Грим, — пришлось все-таки вмешаться линейной полиции. Охранники перестали и теперь загребут и бастующих, и охранников, всех подряд, за нарушение общественного порядка».

Сирена смолкла.

— ...нас, — прорезался голос рабочего, — Саад не принимает, кроме денег, ничем не интересуется, отработал свое, предатель, штрейкбрехер, и домой.

Гриму стало ясно: Саада здесь не жалуют, рады, что им интересуется полиция.

* * *

Шейла принялась за завтрак и поймала себя на мысли, что торопиться с ним незачем — в лабораторию идти необязательно.

Шейле еще никогда не было так тяжело. Обещанный Моррисом гонорар за деморфин ей так и не выплатили. Сотрудники деда окатывали ее холодным презрением. Шейла начала получать оскорбительные записки, то и дело раздавались телефонные звонки: в каком качестве она летит на Беану? Неужели как агент по рекламе де-

морфина? Шейла поняла, что и арест Клаузена связывают с ее именем.

Если бы люди знали, перед каким выбором она стоит.

Пэт Моррис будто околдовывал ее. «Вы нужны мне, Шейла», — часто повторял он.

Ей порой казалось, он выверяет свои мысли ее суждениями. Они много говорили о сущности власти. Как-то она сказала:

— Мне жаль иногда, Пэт, что именно на вас падет вся тяжесть за судьбы многих.

— Я мелок?

— Нет, что вы. Вы талантливы. Столь дерзкая мысль о всепланетном переселении не может прийти в бесталанную голову посредственности. Но я не верю, что перелет принесет всеобщее благо, которое вы обещаете. Вы много сделали, сделаете еще больше. Но так или иначе образ кумира, который вы сейчас являете, рассыплется. Для такой личности, как вы, это будет страшный удар.

— Ерунда! Нельзя не обожать того, от кого зависит все. — Моррис усмехнулся. — Именно так и будет. Лучше скажите, Шейла, в чем ваше собственное представление о благе?

— О чем может мечтать сирота? О близком человеке.

Моррис довольно улынулся:

— Вы получите то, о чем мечтаете. Я подарю вам это счастье.

Ответа он не ждал, он был совершенно уверен в ответе.

Моррис не знал, что после их встречи утром к ней приходил Клаузен — пропыленный, заросший, но счастливый, как человек, исполнивший свой долг до конца. Он ей рассказал все. А через несколько часов Клаузена арестовали. Может быть, она должна теперь взять на себя дело Клаузена? Пойти к тем людям, которых

он назвал ей? Дедушка, конечно, так бы и поступил. Но посильна ли ей такая миссия? И куда-то запропастился Грим... Деликатный, все понимающий Грим...

Вошла служанка.

— Госпожа и господин Гек просят принять по важному делу.

«Гек? Кто это? — подумала Шейла. — Будто знакомое имя...»

Она прошла в спальню, переделалась и вышла в гостиную. В кресле сидела женщина, возле нее стоял мужчина, они были явно незнакомы Шейле. Отодвинув портьеру, Шейла включила люстру, и ее гости вздрогнули от неожиданности. Переглянулись, будто советуясь, кому начать разговор, начал мужчина:

— Нас привела к вам безвыходность ситуации. Моя жена не попала в списки. Она журналист. Оставить ее на Аркосе я не могу. У нас нет родственников, за ней некому будет приглядывать, она ждет ребенка.

— Но чем я могу помочь вам? — удивилась Шейла. — Я тоже не лечу первым эшелонам.

— Но вы можете поговорить с Пэтом Моррисом, — выпалила женщина, — все знают ваше влияние на него.

— Мое влияние? — Шейла опешила. — Почему?.. — ее прервал телефонный звонок. Извинившись, она сняла трубку и от голоса, который слышала, похолодела. У нее задрожали колени:

— Шейла, деточка, приезжай скорее,хвати что-нибудь поесть... — профессор Бенц озорно рассмеялся.

— Ты дома?! — Она и не слышала, как мужчина сказал женщине: «Скорее, пропустим сенсацию!» — не видела, как та моментально сорвалась с места и бросилась за дверь. — Дедушка!!!

— Ну, ну, — заворковал в трубке довольный всем и вся старческий голос, — ну-ну, ты же у меня умница, ты сильная... Лучше быстрее собирайся, у меня тут дела... — И повесил трубку.

Профессор Бенц опустил трубку на рычаг, покопался в кармане — мелочи не было. «Как неловко, придется спросить...» — смущенно подумал он, направился к дому, куда так странно поселила его судьба.

Тем уже далеким вечером, отужинав в одиночестве, он будто услышал под окном возню давних приятельниц — диких кошек, которые часто приходили к нему полакомиться. Выглянул с куском на вилке... Тупой удар по затылку, в глазах засверкало, потемнело, и свет он увидел здесь, в этом доме, который теперь можно рассмотреть с фасада. Скромный, очень скромный домишко!

Странные люди, эти Саады: построили клетку, засадили туда старого человека, решили на нем нажиться!

Он предложил им выкуп. Майда Саад ответила без обиняков:

— Если мы возьмем твои денежки, то ты нас в порошок потом сотрешь. Пусть лучше тебя выкупают, вот с ними мы любовно разойдемся.

Он ругался, угрожал, жаловался, но Саады только молча слушали. Потом, чтобы отвлечь, начали приносить ему газеты. Из них он узнал, что Шейла наладила промышленное производство деморфина. Удивило одно: зачем понадобился деморфин в таких количествах?

Газеты наперебой гадали, куда делся профессор Бенц. Однажды он даже посоветовал своим похитителям дать объявление в газете о выкупе за него, но Майда сказала:

— Надо сначала поглядеть, что за штуку ты, дед, изобрел, а то, может, и не стоит она ничего. А может, стоит больше, чем ты сам думаешь. Зачем нам спешить, вдруг прогадаем?

Он разъяснил этой женщине, что скоро деморфин станут продавать в каждом аптечном киоске. Майда

отреагировала очень здраво, Бенц понял, что она далеко не глупа:

— Все равно сиди! Скоро переселение. Как первый эшелон отлетит, так мы тебя под шумок и отпустим. Кто знает, выпусти тебя сейчас, еще в тюрьму угодишь. Тут в газетах написано, из-за тебя с переселением задержка. Вот уж не думала, что такой старик ракетным топливом заведует! А то бы в жизнь с тобой не связалась!

Газеты продолжали писать о профессоре Бенце. Поиски профессора стали популярным чтивом. Бедный Клаузен, и его заподозрили! Но главное он сделал. Как жаль, что не могут они понять, какая ценность у них в руках! Шейла в интервью некой газете сказала, что обнаруженная ассистентом Клаузеном природная органическая смесь требует тщательного изучения. Вот именно! Изучения — а кто будет заниматься этим изучением? Интервью Шейлы вселило в Бенца надежду. Шейла заявила, что останется на Аркосе до тех пор, пока профессор Бенц не будет найден. Вот и хорошо. Как только эти недалекие люди, удовлетворив свои чаяния, выпустят его на волю, они с Шейлой и займутся находкой Клаузена. Как всегда, вместе...

Но и деморфин все еще занимал мысли профессора Бенца. Когда он оставался один, он рассчитывал реакции различных проб, анализировал продукты распада. И тут... Он схватился за голову! Нужно немедленно что-то предпринять, нужно спасти...

— Послушайте меня, — обратился он к Сааду, когда Майда ушла по делам, — я хотел бы поговорить с вами как мужчина с женщиной.

Тототреагировал мгновенно: вытащил из-под тюфяка бутылку с мерзкой желтой жидкостью, прихватил пару стаканов и присел у решетки.

— Я не в том смысле, — смутился профессор, — дело короткое. Я не могу больше у вас оставаться, мои расчеты показывают... — и в самых примитивных выра-

жениях объяснил Сааду, чем грозит неизвестное пока свойство деморфина.

Саад кричал, ничего не обещал, ссылаясь на жену, на всякий случай проверил замок на клетке.

А Майда вернулась озабоченная и притихшая. Почти равнодушно выслушала мужа, подошла к клетке и спросила:

— Что ты там опять изобрел на нашу голову?

Профессор начал объяснять, но, видя ее ничего не понимающее и испуганное лицо, остановился:

— Не беспокойтесь, Майда, я не донесу на вас. Неужели вы не верите мне, старому человеку? Я понял, что люди вы не злые, не разбойники. Просто хотели жить чуточку лучше. Разве нет?

Майда хмуро кивнула, снимая замок:

— Теперь все будут лучше жить, переселение начинается. Я попала в первый эшелон. А он, — кивнула она на мужа, — пропадет здесь без меня, — и она всхлипла.

...Ах, до чего же хорошо было на воле! Бенцу казалось, что он забыл, как набирается номер на телефонном аппарате. Счастье, что Шейла оказалась дома. Со всем скоро они наконец увидятся. Детка, конечно, соскучилась. Скорее к ней. Но есть еще одно дело. А вот мелочи нет...

* * *

На стене всегда висели графики. Даже их сняли. Заменили этим списком — один ассистент, один лаборант, один оператор электронного мозга. Укомплектовали лабораторию! И решили обойтись без него, Морана...

Это понятно, Маттису покровительствует Крюгер, второе лицо комитета по переселению. Там, на Беане, Маттис возглавит лабораторию.

Моран слышал, как в машинном зале позвякивали

инструментами монтажники. Под руководством Маттиса демонтируется электронный мозг. Предприимчивым оказался Маттис! Весьма рационально обобрал лабораторию — остались одни столы да пробирки. Теперь вот вывозит компьютер. Помешать ему невозможно. Вот и он сам. Моран сказал жестко:

— Слушай, ты вообще что делаешь? Нам здесь еще работать.

— Для алхимических действий тигелей и реторт вам хватит, — криво усмехнулся Маттис. — Оставим этот разговор. А сейчас лучше сходи за гвоздями на склад, да потом поможешь донести ящики вниз. Устал я сегодня... — И повернулся к двери.

Моран скрипнул зубами, так и сжались кулаки. Что кулаки! Ими ничего не докажешь! Подобный демонтаж идет повсюду! С заводов и фабрик, институтов тянулись на космодром крытые грузовики. Вертолеты транспортировали громоздкие конструкции. После введения чрезвычайного положения сборы на Беану напоминали пущенный на предельные обороты мотор.

Зазвенел телефон. Моран автоматически снял трубку.

— Да! — крикнул он и тут же осекся. — Я рад, очень рад. Разумеется, сию минуту.

Что ж, у него, кажется, есть возможность подумать о месте в первом эшелоне — для себя. Конечно, за это место придется дорого заплатить. Но цена себя оправдывает.

* * *

Если бы не забастовка на заводе Крюгера, если бы не пришлось отсиживаться за станком!

Когда Грим в ответ на вопрос: «Кто там еще?» — привычно бросил «Полицейский инспектор Грим», за дверью раздался тричитания, женский плач, что-то загремело, будто обрушились стены, и только потом ему

открыли. Из-за плеча щуплого мужчины выглядывала женщина с красным трясущимся лицом. У мужчины вид был тоже неважный. Хозяева посторонились, пропуская Грима вперед, и мужчина мрачно сказал жене:

— Это все ты! Все твои фантазии! — и сокрушенно сел на промятый диван.

Грим шел с целью задать единственный вопрос: «Кому еще вы рассказывали о сообщении рабочего Надди?» Но теперь, глядя на странный беспорядок в доме Саадов, Грим понял, что этим вопросом не ограничиться.

Прямо посреди комнаты валялись сколоченные крест-накрест доски. Не надо иметь большого воображения, чтобы понять, что решетчатую стену обрушили только что, пока Грим стоял за дверью. За досками — низкий столик, табурет, застеленный тюфяк. На столике обрывки газет, свечи и исписанный почти до основания карандаш. Грим удивленно посмотрел на хозяев.

Под его взглядом женщина как подкошенная рухнула рядом с мужем и запричитала:

— А мы... Мы ему все! Ни в чем!.. Кормила старого, себе отказывала, постель ему стирала каждый день, чтоб не жил в нашей бедности... Все ему... Ночами не спала! А он... Седин своих не постыдился. И ты, — она бросилась на мужа, — ты ему еще и полфорлинга дал, чтобы он полицию вызвал!

Грим достал наручники. Второй пары у него не было. Но женщина и так покорно поплелась в машину за мужем. Она только ругалась потихоньку, размазывая по лицу слезы. Когда смотритель тюрьмы привел их в камеру, она сказала мужу:

— Нет худа без добра. А то нам пришлось бы расстаться... А из-за отлета вдруг амнистия выйдет.

Улики были против Саадов. Их участь облегчалась добровольным признанием, да, пожалуй, тем, что они сами предоставили свободу своей жертве. Эти соображения Грим высказал Вернеру, показывая веществен-

ные доказательства — записки профессора на обрывках газет, найденные у Саадов.

— Они утверждают, что, выйдя из их дома, профессор позвонил внучке, пригласил ее к себе на виллу, затем вернулся попросить еще полфорлинга для автомата, чтобы сделать еще один звонок. Сейчас профессор должен быть дома. Нужно ехать к нему, взять показания.

Когда Грим вошел в гостиную, профессор лежал на ковре. Возле него неподвижно сидела Шейла. Она подняла на Грима пустые глаза и отвернулась. Грим заметил перерезанный телефонный провод. У косяка противоположной двери понуро стоял Моран.

Профессор Бенц был мертв.

* * *

Крюгер нервничал. Моррис опаздывал на совещание комитета. Могут начать без него, и кто тогда докажет Моррису-старшему, что он, Крюгер, не допускал произвола, поступал сообразно условиям чрезвычайного положения, а вот то, что его личная заводская охрана оказалась за решеткой, — это уже недопустимо! В конце концов, это же частная собственность! Надо же, арестовать охрану! Подумаешь, нарушили общественный порядок, ну и что? Первый раз? Тут произошла остановка производства — это куда важнее. Все это результаты жалкого либерализма старого Рэва Морриса. Не хватало только, чтобы эти либеральные замашки перетянулись на Беану. Он так и сказал Моррису-младшему. Моррис-младший пообещал поднять вопрос на ближайшем совещании. Но теперь вот он почему-то опаздывал — могут начать без него. Старый Моррис, конечно, возмутится произволом предпринимателей, покажет пальцем на Крюгера, да еще, по обыкновению, обвинит его в провоцировании рабочих выступлений.

Наконец Пэт появился. Таким возбужденным его ни-

когда не видели. Когда докладывали о состоянии атмосферы, о выступлениях в рабочих кварталах столицы, он и не слушал. Его даже не затронул тот факт, что в городах угольного бассейна рабочие уже взяли власть, разогнали городское ведомство. У руля стали лидеры рабочей партии, этой язвы Аркоса, которую можно выжечь только скорейшим перелетом на Беану, где не будет ни одного, зараженного тлетворными идеями о всеобщем равенстве и ликвидации частной собственности. Выступить Пэт явно не собирался, и Крюгер решил действовать.

— Не пойму, что происходит, — насупился он и заговорил издали. Начал с ошибок, которых следует избегать на Беане. В конце концов получилось, что в экологическом кризисе виноват персонально Моррис-старший — дал промышленникам волю, не издал ни одного закона, гарантирующего охрану окружающей среды. Либерализм! Там недоглядел Рэв Моррис, там не усмотрел Рэв Моррис. Вот так же и Беану, планету живую, молодую, он доведет до... И вообще, промышленный прогресс необходимо ограничить, все равно за ним не угонишься. Так, воспроизводство продукта, и хватит!

Промышленники переглянулись, потом оживились. Крюгер перестал нервничать. Он знал желание большинства крупных промышленников и без обиняков высказал его:

— Считаю необходимым передать всю полноту власти комитету по переселению.

Хорошо получилось. Старый Моррис встал и ушел. Крюгер совсем успокоился.

— Пэт, — окликнул он Морриса-младшего, — что вы там дуетесь? Кажется, пока вы председатель комитета? Вот и занимайте место председательствующего! Есть еще кое-какие вопросы.

Моррис опустил в отцовское кресло. «Ну что ж, закономерно», — только и подумал он, глядя на бумаги с пометками отца. Потом сказал:

— Я должен сделать два сообщения. Профессор Бенц найден убитым на своей вилле.

— И поэтому вы сидели как в воду опущенный? — бросил Крюгер. — Ерунда, Пэт! Дальше-то что?

Моррис поднял голову:

— Межпланетная армада готова к отлету. Назначено время старта: послезавтра, рассвет. Сутки достаточны для окончательных сборов.

— С этого и надо было начинать, — буркнул Крюгер, — история с Бенцем — это уже история. И давно. Никакой связи, честное слово.

Но для Морриса связь между двумя событиями существовала. У Шейлы больше нет оснований отказываться от полета. На Аркосе ее больше ничто не держит, и она не так глупа, чтобы отказаться от официального брака с ним. Ведь дала же она ему понять, что об иных взаимоотношениях не может быть и речи.

Шейла подарит ему здорового, крепкого сына, которому он передаст власть на Беане. А отец? Жаль, но ничего не поделаешь! Закон развития. Будет нянчить внука. Сидеть на Беане где-то у чистого озера и ловить рыбку. Забыл, наверное, какое это удовольствие!

* * *

Вот и все кончено. Впрочем, нет. Кончено дело о похищении профессора Бенца. Сейчас лифт поднимет Грима еще на этаж, и он начнет дело об убийстве профессора Бенца.

Комиссар Вернер был явно расстроен.

— Ты вовремя пришел, я уже искал тебя. — Вернер барабанил пальцами по крышке стола. — Тебя вызывают в Верховное ведомство. Немедленно, к Моррису-младшему, впрочем, теперь он уже просто Моррис. — Вернер прокашлялся, пылливо глянул в лицо Грима. Тот молчал, потом Вернер встал, прошелся по ковру: — Да... Прокол... Тяжело вам тут будет без меня.

Завтра отлетаем. Слушай, Грим, — голос Вернера посуrowел, — говоришь, возле дома профессора обнаружены мужские и женские следы? Если хочешь, это следы Саадов.

— У них алиби... В тот момент, когда был убит профессор, я проводил в их доме обыск. Оба они находились рядом со мной, — сухо возразил Грим.

Вернер нетерпеливо махнул рукой:

— Они могли к этому времени вернуться домой. Ты не хронометрировал. Будь умницей и верь моему опыту. Да и не надо хронометрировать. Они преступники. И вообще не все ли теперь равно? Ту-ту, улетаем. А теперь давай, не мешкая, к Моррису.

Грим зашел к себе, чтобы взять протоколы допросов Саадов и осмотра места происшествия, заключения судмедэкспертов, — явно Моррис затребует эти документы. В его приемной сидела Рона Гек. Он кивнул ей:

— А вы умело подали сенсацию. Хвалю. Только не спугните мне убийцу, прошу вас.

Она поднялась навстречу:

— Я завтра улетаю. Я пыталась встретиться с вами вчера, но вы...

Грим посмотрел на нее строго:

— Слушаю вас...

Она присела на диван:

— Много объяснять не придется. Конечно, мои подозрения необоснованны. Но я кое-что видела возле дома Бенца... Вчера, помните, это же вы посоветовали обратиться к Шейле Бенц... Так вот, вчера мы были у нее. В это самое время и позвонил профессор. Я тут же, чтобы не пропустить сенсационное возвращение профессора, поехала к нему. Поймите, я не могла такого упустить! Дверь была заперта. Или мне не открыли, не буду утверждать. Но в доме кто-то был. Я обошла дом, хотела заглянуть в окно. Я ведь видела: машина профессора стоит у входа.

— Она там стояла с момента исчезновения Бенца.

Но это, конечно, **ничего** не значит, — хмуро вставил Грим. — Значит, женские следы у дома Бенца — следы Роны Гек, только и **всего**. А кто тот, оставивший мужские следы?

— Я чувствовала, **что** в доме есть люди, — продолжала Рона, — оттуда доносился голос молодого человека. Стукнула в окно, мне не ответили. Тогда я стала искать, на что бы **встать**, окно высокое, а голос, все тот же молодой голос, сказал: «Ваше открытие ошеломляюще, профессор!»

Ответ заглушил шум подъехавшей машины.

Я попыталась заглянуть внутрь, но вдруг там что-то хрястнуло, раздался вскрик, что-то упало. Я отскочила от окна и затаилась. Хочу предупредить вас сразу — я боялась себя обнаружить, поэтому видела меньше, чем могла бы. Словом, кто подъехал на машине, я не знаю. Слышала только, как открылось окно и из него кто-то выпрыгнул. Машина тут же развернулась и отъехала. Номер я рассмотреть не успела. Но это была машина богатого человека, очень богатого. Ошибиться я не могла. Рассказала вам только потому, что завтра улетаю. А вы останетесь. Благодарю вас, без вас мой отлет был бы немыслим. Это моя благодарность вам. Прощайте, я желаю вам всего самого лучшего. — Рона дружески улыбнулась Гриму, но так стремительно направилась к двери, словно боялась сказать что-то еще. У двери она остановилась:

— И прошу вас ни в коем случае не ссылаться на мое имя.

— Я понимаю. Но скажите, кто-нибудь еще знает, что вы были там? Муж?

— Да, он знает.

— Кто еще?

— Я звонила в редакцию, — Рона вдруг растерялась, — я не могла не сообщить, что нашелся профессор Бенц.

Грим собрал бумаги и, как только Гек ушла, направился в Верховное ведомство.

Моррис его слушал внимательно, как показалось Гриму, еще внимательнее он разглядывал его, мило улыбался и доброжелательно кивал. Когда Грим закончил, он сказал:

— Вы провели обстоятельную, полезную работу. Ее продолжит комиссар Вернер. Сейчас вы отправитесь в управление и сдадите ему дела. О том, что он пока задержится на Аркосе, Вернер узнает по нашим каналам. А вас я назначаю ответственным за массовую посадку третьего и четвертого кораблей. Вы внесены в списки первого эшелона. Зайдите, конечно, домой, возьмите все необходимое. На космодроме вы поступите в распоряжение головного пилота Оуна — передадите ему этот пакет, — Моррис подошел к сейфу, достал объемистый, залитый сургучом пакет, — здесь очень важные документы. Прошу...

Грим бросил короткий взгляд на ноги Морриса. Но тут же одернул себя. Как можно подозревать такого человека! Даже из чувства ревности.

Моррис закончил со вздохом:

— Вот, собственно, все то дело, ради которого я приглашал вас.

* * *

Моррис стоял на люковой площадке головного корабля. Отсюда хорошо были видны поле космодрома, стартовые конструкции, длинная вереница автомобилей и автобусов, оркестр, море цветов, в котором словно на волнах покачивались людские головы. Сверхалось дело его жизни. Но Моррис не испытывал ни радости, ни гордости. Он смотрел в бинокль на людские лица. Он сделал для этих людей все, что мог: открыл планету, которая станет их вторым домом, создал оптимальную модель перелета. Подумать только — планета, не зна-

ющая голода! Каждому человеку — много места, много травы, чистый воздух, прозрачная вода, лучи Эпсилона. И плюс к этому раю — весь технический комфорт, весь научный потенциал планеты, уже отдавшей технике и науке свой воздух, свою воду, свое тепло...

Он опустил бинокль. Те, по ту сторону поля, залитые слезами, улыбающиеся через силу... Как не хотят они отпускать тех, кто уходит! Если бы они знали, что расстаются навсегда! Они сломали бы эти решетки, бросились бы к кораблям враждебной лавиной...

Моррис рассматривал своих спутников и также видел на их лицах слезы. Всей семьей, с детьми, летят только те, в чьих семьях и муж и жена способны принести пользу на Беане. И, конечно, семьи элиты. Но не о них речь. Остальным кажутся лишними цветы, последние цветы Аркоса, ради торжественного старта Моррис приказал их срезать в правительственных оранжереях.

Моррис отвел глаза. Вот по полю идут избранные... Четвертый корабль начал посадку. Моррис подправил окуляры и увидел Грима. Ну что ж, лучший способ удущить врага — принять его в свои объятия. И что она нашла в этом Гриме! Однако ее почему-то нет... Неужели не придет даже проститься? А может быть, последнее «прости» уже сказано?

Вчера он встретился с Шейлой последний раз. Моррис приехал к ней, выразил соболезнование и сказал:

— Мне удалось выхлопотать для вас место в первом эшелоне.

Она резко перебила и попросила отдать ее место жене репортера Гека — у той, оказывается, уважительная причина. Хорошо. Он тут же позвонил Крюгеру и, конечно, уладил этот вопрос. Еще кто-то остался без места в корабле...

— Ваше место — только для вас, Шейла. — Он думал, что его повинование сделает ее мягче. — Хотя ваш научный статут уже не имеет принципиального значения для общества, но тем не менее...

Она перебила его:

— В таком случае в каком качестве я должна лететь?

— Моей жены, — Моррис произнес это четко и весомо.

Шейла выразительно глянула на него. В этом взгляде было все. Если бы она просто сказала: «Я не люблю вас...» — и то Моррису было бы легче. Ему отказывали, унижая. Но Моррис оказался готов и к этому. Он заговорил как можно мягче:

— Послушайте, Шейла, я не деспот. Я ни к чему вас не принуждаю. Но я вас уверяю: вы будете со мной счастливы. У нас есть время. Присмотритесь ко мне. Чувство основывается на поступках. Я не знаю, как это выразить, но там, когда нас не будут мучить разные побочные трудности, не будут отвлекать ненужные встречи, вы поймете, как важно иметь рядом преданного человека. Да что я говорю! Главное, мы будем рядом. Мало ли что может случиться со вторым эшелон, подумайте, Шейла! Так что вам в любом случае лучше лететь этим рейсом со мной, он более надежен. На Бене ваше горе начнет затихать, вы сможете разобраться в себе, во мне. — Он подошел, положил руку на ее плечо, она дернулась от его прикосновения. — Ваша жизнь наладится...

— Моя жизнь наладится и здесь, и без вас. — Шейла сбросила его руку.

Пусть остается. Он достойно отомстил ей. Она разделит его страдания.

Первое, что Моррис сделал, вернувшись от Шейлы в Верховное ведомство, это две замены в списках первого эшелона. Вместо фамилии Маттиса — фамилия Моран. Этот человек блестяще отреагировал на новые результаты экспериментов Бенца — или ему просто не захотелось оставаться на Аркосе? И вместо фамилии Вернер — фамилия Грим.

Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, Моррис опять

навёл бинокль на поле. Вот и госпожа Гек. Странно, отлетела от Грима, словно наткнулась на привидение. А ее муж разговаривает с инспектором вполне дружелюбно. Рождение ребенка у Геков даст начало первому поколению уроженцев Беаны, поколению, выбравшемуся из звездного мрака. Что-то станет с этим поколением, с ребенком Геков! Дети, оставшиеся без родителей... Ну и что? Их воспитает вся планета. Два материка Беаны — вот удача! Морриса затрясло, так лихорадочно его мозг работал в последний раз разве что при составлении проекта сетки отбора людей к перелету. Деморфин, интернаты и два материка — эта комбинация создаст уникальные условия, уникальное общество! Общество, где каждый будет наделен собственной порцией счастья. Каждый! Каждый по-своему.

Моррис опять навёл бинокль на тех трех. Геки отходят, идут на посадку. И тут Моррис увидел Шейлу.

Энергично работая локтями, она рвалась к ограде. На секунду в душе Морриса вспыхнула радость — может быть, она передумала, решила лететь с ним? Но разум отбросил надежду: Шейла достаточно умна, чтобы понимать, подобные решения не принимаются наспех. И опять робко екнуло сердце: она одумалась и пришла проститься, — тогда он подхватит ее на руки и унесет в корабль безо всяких рассуждений. Подчинившись этому чувству, он стремительно рванулся к лифту, скорее, еще есть время! И остановился. Он увидел, как через ограду к Шейле потянулся Грим. Надежду сменило любопытство — жестокое, злое. Моррис потом не раз удивлялся своему хладнокровию, с каким он рассматривал в бинокль эту сцену. Шейла протягивала Гриму руки, он целовал их, она гладила его голову, вот они прильнули к решетке в едином порыве... Моррис опустил руку с биноклем. На секунду закрыл глаза, круто повернулся, надел шлем и вошел в люк корабля.

Когда он диктовал в микрофон слова команды, то

зримо представлял, как толпа лавиной ринулась к кораблям, слепой силой разорвала те сцепленные руки, смяла последнее объятие. Он объявил двухминутную готовность.

Потом он ждал, когда командиры линейных кораблей эту готовность подтвердят, думал, что хорошо бы запомнить эти последние секунды на родной планете. Потом скомандовал: «Старт!»

Когда головной корабль, описав орбитальную дугу, начал выходить на расчетную траекторию, Моррис увидел перед собой серп Аркоса, на который набегала темнота, и в этой тьме он заметил короткую вспышку. Система Крюгера не подвела: единственная космическая связь Аркоса оборвалась навсегда. Моррис перевел дыхание и отвернулся. Аркос погрузился во мрак.

Часть вторая

ШЕСТЬ АВАРИЙНЫХ СУТОК

Сигнальные огни действительно отказали. Я был чист перед совестью и долгом космолетчика, когда садился на Беану. Я был безмерно рад, что я снова на Беане и снова увижу Бэки. У меня в запасе шесть неиспользованных аварийных суток. В пределах этого времени я не нарушаю графика. Земля ждет меня, ведет радиомаяком. За это время я смогу все решить...

Это мой последний рейс в систему Эпсилона. На Гамме мы вели геологические разработки. Я, Алексей Гончаров, «безвоздушный извозчик», как называют в шутку транспортных космолетчиков, доставлял на Гамму геологические партии, транспортировал на Землю образцы пород. А в этот последний рейс я спустил на планету автоматическое оборудование, и теперь трудно сказать, прилечу ли на Беану я или кто-то другой. Это обстоятельство поставило меня перед проблемой, всю тяжесть

которой я ощутил только теперь. Я могу потерять Бэки.

Я любил ее. Теперь, в этот последний рейс, я понял, что должен увезти Бэки на Землю.

Но встретила Бэки меня без особой радости. Она торопилась на пресс-конференцию в Верховное ведомство Беаны. Я удивился. Во-первых, потому, что Бэки политикой не занималась, а во-вторых, обычно она приглашала и меня на разные мероприятия, к которым проявляют интерес газеты. Сегодня же Бэки заявила, что если я хочу, то могу посидеть дома и подождать ее.

— Эта пресс-конференция — наше внутреннее дело, не для твоих нежных ушей.

Сама смутилась от собственной резкости и добавила:

— Если тебе не хочется оставаться одному, может быть, ты посидишь в машине? Я не думаю, чтобы нас задержали надолго, вопрос достаточно ясен.

— Бэки, у меня всего шесть суток, и мне было бы жаль... — начал было я. Она перебила меня, заторопилась, и мы поехали.

К Верховному ведомству мы приехали раньше назначенного времени. Зашли в кафе «Эпсилон». У стойки стоял парнишка — молодой, невзрачный. Все, что я запомнил, — его нервическидвигающиеся руки. Правда, он был «под грузом».

Бармен поставил на наш столик коктейли. И тут парень подошел к нам.

— Я про тебя слышал, — он взялся за столик, — ты Бэки Гек из «Вечернего Эпсилона». И ты очень ничего!

Бэки рассмеялась.

— Бармен, — крикнула она, — еще коктейль для этого юноши!

Но тот не стал ждать, выпил из ее бокала. Бэки вспыхнула, но сдержалась, пододвинула ему стул и предложила сигарету. Он закурил, но сел прямо на стол:

— У тебя славная кожа... — Он хотел погладить Бэки, она увернулась.

— Ух ты, змейка! Думаешь, ты такая знаменитость, что и потрогать тебя нельзя простому парню? Не бойся. Я тебе ровня. Я Херли Чвай, программист Верховного ведомства. Ты должна была обо мне прослышать, это я составлял ту программу... — Он горделиво повел подбородком.

— Хорошо, только сядь на стул, — нервно ответила Бэки.

— Я холост. Я на тебе и жениться могу. Я четыре ночи не спал. Ты знаешь, сама об этом написала. Закончили мы ее только утром... Ну, наши и дали! — Он повертел в воздухе пальцем. — Только я в это не верю.

— Поверишь! А замуж я не собираюсь. Так что считай наш разговор оконченным, — у Бэки зло блеснули глаза, — ты уже выпил свое?

— Слушай, я устал. В голове пусто. Мы все там как взмыленные.

И тут парень обратил внимание на меня:

— А... Ты с этим типом! — внимательно посмотрел на мой костюм. — Он вроде не наш. Беанец ее уже не устраивает! Конечно, это твое дело, но обидно...

Я рванул, чтобы отшвырнуть наглеца. Но Бэки меня остановила. Она решила сама постоять за себя:

— Пойди проспись! Потом поговорим на свежую голову.

— Ах, так! Ты хочешь сказать, что я пьян?! Вон отсюда!

Я схватил негодя за шиворот, чтобы выбросить его из кафе. И в этот момент он вынул из кармана пистолет. От неожиданности я опустил руку.

— Ты, выматывайся! — крикнул он мне. — Ну! Она идет со мной! Считаю до трех.

И вдруг раздался выстрел. Парень упал. К нему подошел беанец в синем костюме, заглянул в лицо и спо-

койно вышел из кафе. Я подхватил побледневшую Бэки и потащил ее к машине. Она нервно рассмеялась:

— Ну вот, началось... Я думала, Верховные сто лет его утверждать будут. — Перевела дух и добавила с непонятной мне холодной, злой интонацией: — Неплохое начало для репортажа...

— Что утверждать? — не понял я.

— Верховное ведомство приняло новый закон. Возьми газету — я там все в подробностях расписала. — Она бросила мне на колени вчерашний номер «Вечернего Эпсилона» и пошла в Верховное ведомство.

На первой полосе под крупной шапкой «Мы хотим оздоровить общество» стояло интервью Бэки с одним из Верховных министров.

«Разнузданность наших нравов, — читал я, — давно требует принятия самых безотлагательных мер. И вот власти планеты, внимая многочисленным жалобам ее жителей, вынесли четкое и строгое решение: за всякое отступление от норм нравственности и морали — смерть!»

Что это такое? — меня будто кипятком облили. Я отказывался верить своим глазам. Что за страшный сон? Мракобесие, средневековье, инквизиция...

— Грандиозное начинание, — сказала Бэки, вернувшись с пресс-конференции, — я всегда верила в прогресс и его достижение любыми средствами. Цель абсолютно благородна.

— Я ничего не понимаю. Это странно, Бэки! — Она не слушала меня. — Все это... Как можно?..

— Забавный случай, — она явно не слушала меня, поглощенная собственными мыслями, вчера, когда прессе рассказали о новом законе, редактор газеты «Производственный континент» назвал его необдуманным и антигуманным. Вчера же его избили до полусмерти. Ой!

Мне сегодня везет! Это он! — И с этими словами Бэки выскочила из машины.

Обернувшись, я увидел беанца в синем костюме. Бэки о чем-то оживленно поговорила с ним и вернулась в машину весьма довольная.

— Он согласился.

— Кто и на что? — неодобрительно отозвался я.

— Элдар Крауф, член комиссии семнадцати, тот, что спас нас от негодяя... Он согласился. Понимаешь, я получила в редакции разрешение на серию репортажей. — Она прилегла на руль и повернула ко мне голову. — Это признание, милый, когда журналисту отдают целую тему, это великолепно... И я хочу, чтобы у этой серии был герой, как бы тебе лучше объяснить... ну, единый тематический стержень.

— По-моему, у этой темы уже есть стержень. Дуло пистолета.

Бэки обиженно поджала губы и включила мотор.

— Приготовься к головокружительной езде, постараюсь выжать из него все, — это уже об электромобиле, — надо спешить: я должна успеть еще переодеться.

— Что?

— Мы едем на свадьбу. Не могу же я появиться в высшем обществе в таком виде.

Бэки свернула на узкую улочку, сияющую витринами. Я опешил, потому что привезла она меня в магазин мужской одежды.

— Неужели ты считаешь, что я соглашусь пойти с тобой в общество, когда ты в такой дурацкой униформе? И так четыре года хожу как с бельмом на глазу! Мне надоело, что на тебя оглядываются, — говорила Бэки, водя меня среди стеллажей и вешалок. — Надо быть как все, не выделяться.

Заставила меня надеть костюм беанской моды — я чувствовал себя в нем актером, играющим в исторической пьесе. Переубедить Бэки все равно было невоз-

можно. Мой летный комбинезон она завернула в бумагу и бросила в багажник машины.

— А теперь домой! Я приведу себя в порядок. Знаешь, эта свадьба прямо-таки символична: женятся сын владельца фабрики и дочь хозяина универмага. На свадьбе, кстати, будет Крауф. Я пригласила его. Надо же завязывать отношения. Он симпатичный человек. Я уверена, тебе он понравится. Он преподаватель философии, работает в университете.

Да, Крауф внешне производил весьма достойное впечатление. Но он был членом комиссии семнадцати, он был человеком, который мог убить — чудовищно... Я заговорил с ним первым:

— Мне трудно судить о действиях вашего правительства, понимаю, я — чужак, но должен сказать: слишком это дорого — платить жизнью за нравственный грех. Конечно, воспитывать людей необходимо, но насилие не та мера. Человек может попасть в такую ситуацию, когда поступок будет иметь двойное толкование.

Мы уже возвращались с «символической» свадьбы, ситуация казалась мне подходящей для разговора.

— Должен быть предел всему, и новому закону тоже, — сказал я.

— Ну, конечно, — с иронией отозвался Крауф, — было бы, наверное, куда гуманнее, рассматривая закон как воспитательную меру, пристрелить нарушителя морали, а потом воскресить, пригрозить пальчиком: «Не делай так больше, мальчик!» Но такого не бывает.

Крауф вдруг резко нажал на тормоз. Впереди на дороге образовалась пробка.

Крауф пошел посмотреть, в чем дело. Вернулся он через несколько минут.

— Предел... — проворчал он, глядя на меня, — предел... Пойдемте, Алексей, вам это будет интересно.

Пробравшись между машинами, мы вышли на перекинутый над мелкой речкой мост. У парапета стояли

люди, они, смеясь, смотрели вниз. Мне не понравился их смех. Кое-кто свистел, как на футбольном матче.

— Смотрите! — приказал Крауф.

В воде вверх колесами лежала машина. На берегу в отчаянии бегал невысокий молодой человек.

— Да она давно готова! — крикнул ему кто-то.

Из редких реплик я узнал, что в машине осталась девушка.

Я бросился вниз, понял, что за мной кто-то бежит.

Вытащить из воды малолитражку труда не представило. Взломали замок, открыли дверцу. Молодой человек взял на руки свою спутницу. Я хотел сделать ей искусственное дыхание, но Крауф остановил меня:

— Ты не бог. Иди скорее вперед, пока за нами не увязались. — И потащил за рукав. У дороги толкнул вперед, когда я еще раз оглянулся.

— Иди-иди! Бэкки волнуется.

И тут за моей спиной захлопали выстрелы. Стрелял Крауф. Вернулся в машину как ни в чем не бывало — ровный, спокойный голос:

— Мы слишком поздно подъехали! А эти подлецы нашли себе развлечение, вместо того чтобы... — И он злобно усмехнулся.

— На этом, дорогие друзья, пресс-конференция закончена, — объявил начальник следственного отдела Верховного ведомства Кибрит Эллис.

«Вот и все, — устало подумал он, — сейчас заеду за Ингит и домой... Надо только на минуту зайти в отдел».

— К вам весьма настойчивый посетитель. — Секретарь Эллиса привстала, чтобы открыть перед ним дверь.

На стуле для посетителей сидел высокий довольно плотный человек. Его лицо показалось Эллису знакомым. Человек поднялся навстречу. Эллис сухо сказал:

— Вы ко мне? Слушаю вас...

— Меня зовут Рэв Дрибл, я продавец газет и хочу

стать членом комиссии семнадцати. Вот то дело, которое привело меня к вам.

— Я не имею никакого отношения к комиссии семнадцати. Вы обратились не по адресу.

— Но вы — начальник следственного отдела? Кто же еще занимается этим?

— И тем не менее, — устало ответил Эллис, — кроме того, комиссия уже укомплектована. Мы напрасно теряем время, молодой человек.

Собеседник Эллиса встал, сгорбился, что-то пробормотал себе под нос и поплелся к двери.

На пороге он обернулся:

— Послушайте, но ведь кто-то из членов комиссии может заболеть, отказаться, погибнуть, наконец!

— Хорошо! — с расстановкой произнес Эллис. — Оставьте свои координаты. При необходимости я найду вас.

«Кто же еще этим может заниматься? — невольно повторил Эллис слова посетителя, сидя в машине у школы, в которой работала его невеста. — Этот идиот прав, они щелкнули меня по носу. Решили, что я и без того наделен большой властью, а она мне не по чину».

...Эллис всегда приходил на службу вовремя. Даже раньше положенного. Сегодня утром он еще раз разложил на столе, затем снова собрал и перелистал страницы секретного доклада. Невольно чувствовал, как ему жаль отдавать в чужие руки эти бесценные сведения — он держал в руках судьбы сотен беанцев.

Как обычно, министр за вторым завтраком принимал подчиненных. Когда Эллис вошел, министр старательно намазывал джемом крохотный сухарик.

Дождавшись, когда министр отопьет из чашки дымящегося, покрытого розовой пенкой молока и проглотит кусочек сладкого сухарика, Эллис неторопливо разложил перед ним свои бумаги и торжественно сказал:

— Перед вами список лиц и организаций, противопоставляющих себя обществу. Недовольных своим пра-

вительством. В основном это те, кто проживают на Производственном континенте или связаны как-то с ним. Производственный континент всегда был источником смуты.

Министр, разжевывая, проговорил:

— Можете забрать эти бумаги. Ни к чему они. Вы слышали, новый закон уже входит в силу?

— Разумеется, — ответил Эллис, а в голове пронеслось: «Издевается, знает, что новый закон должен проходить по моему отделу, все эти головорезы должны отчитываться передо мной, подчиняться только мне!»

— Так вот, после введения закона о борьбе за нравственность мы будем жить в идеальном обществе. А от того, что мы отловим этих тараканов, — министр собрал разложенные Эллисом документы в аккуратную стопку, уложил ее в папку и протянул ему, — ничего не изменится. Появятся новые. Работа, проводимая вами, очень важна для нашего общества, и когда вы понадобится мне, мы вернемся к этой теме. А сейчас я прошу вас заняться вот чем. Потолкуйте с репортерами. Разъясните им новый закон.

Эллис был недоволен. Мало того, что ему фактически выразили недоверие, отстранили от акции семнадцати, да еще как мальчишку на побегушках отправили беседовать с журналистами...

Ингит ждала его дома. Эллис понял, что давно. Зря он караулил ее возле школы — мог бы и не тратить время. И спросил резко:

— Где пропадала?

— Ничего не скажешь — нежный возлюбленный! — ответила она.

— Интересно! — воскликнул Эллис. — Где ты была?

Ингит промолчала. Это не понравилось Эллису. Он повторил вопрос.

— Я вообще не была сегодня в школе. Я ходила к родителям некоторых моих учеников. Беседовала. Понятно?

Эллис заметил беспокойство в глазах Ингит, насторожился и поспешил перевести разговор на другую тему:

— Ты видела газеты? Там довольно любопытные вещи.

— Ты имешь в виду новый закон?

Эллис кивнул:

— Сволочи!

— Кто? — Ингит подняла на него глаза — ее взгляд опять не понравился Эллису.

— Верховные.

— Первый раз слышу от тебя такое.

— Первый раз... Я тоже первый раз... Так унижить! — Эллис поведал о своих горестях, сказав в конце, что мириться с подобной ролью он не намерен. Но тут Ингит встала:

— Взял бы да и женился на чьей-нибудь дочке... Стал бы им ровня.

Эллис косо, недобро посмотрел на нее — захотелось выпить вина.

— Рад бы! — хмыкнул. — Вот только ты мне и подходишь. Сама должна понимать! Мой отец на Аркосе был всего-навсего агентом наружного наблюдения... — Но, увидев выражение ее лица, смущенно пробормотал: — Я не хотел тебя обидеть. Ты же знаешь, как я люблю тебя! — Он раскупорил бутылку, выпил, потом еще и еще, и начал рассказывать, как рано или поздно он им всем свернет головы, что они сами дали ему эту возможность.

Ингит слушала, подперев щеку кулачком.

А утром Эллис проснулся в одиночестве. Ингит не оставила даже записки.

Я не мог говорить с ними, знал только одно: не хочу быть здесь. И попросив Крауфа остановить машину у ближайшей станции, отправился в аэропорт, а оттуда вертолетом на Космобазу.

...База находится на острове, недалеко от второго Производственного континента Беаны. На нем заводы и рудники.

Бэки как-то говорила, что рабочие и инженерный состав там на особом положении.

На земной Космобазе работают местные, беанцы. Они выделены нам Верховным ведомством по специальному распоряжению. Руководит ими Дзей Оун, толковый инженер, приличный администратор. Утром он пришел ко мне. Его лицо было расстроеным.

— Ну, Дзей, — спросил я его, — как идет установка вашей системы бортового освещения? Я думаю, легче смонтировать новое, чем делать ремонт. Возможно, — добавил я, чтобы поднять настроение инженера, — вашим вакуумным лучеиспускателем заинтересуются на Земле и со временем оснастят не только мой «Байкал».

— Работать некому, Алексей, — нервозно ответил он, — вы знаете, конечно, механик по освещению у нас был один.

— Ну и что?

— Его убили.

— Что он сделал?

— На мой запрос в Верховное ведомство ответили, что кара была справедливой. Больше ничего не знаю. Жалко, неплохой был парень... Да что там, в сегодняшних «Утренних новостях» сводка: за один вчерашний день комиссия ликвидировала сорок восемь человек. Говорят, их не семнадцать, а человек двести. Больно уж они оборотистые. Только за один день, подумайте! К тому же, как мне известно, сводки убитых на Произ-

водственном континенте вообще не публикуются. А там убивают на каждом углу и непонятно за что.

— Работают, — выдавил я в ответ.

— Я потерял одного из друзей, — мрачно продолжал Оун, — впрочем, вы были свидетелем расправы над ним.

Я настороженно поднял глаза.

— Я должен был встретиться с ним в кафе «Эпсилон». Он собирался сказать мне что-то важное, звонил мне. Это было вчера утром. Через витрину я видел, как над трупом моего друга стоял некто в синем.

Я кивнул. Я не знал, рассказывать ли Оуну, за что поплатился жизнью его приятель...

— Собственно, особенно близки мы никогда не были, — продолжал инженер, — но он мне был друг. По убеждению, по общему делу... А сейчас я должен уйти, — неожиданно закончил Оун, поднимаясь со стула. — Проводится сбор жителей острова в поддержку нового закона. Хотите со мной? — вежливо осведомился он.

— А что я там буду делать?

— Ничего. Сидеть и слушать.

Я подумал, может быть, этот сбор объяснит мне, как цивилизованное общество могло прийти до подобного решения? Как мог возникнуть чудовищный замысел, противоестественный законопроект, как вообще могла возникнуть сама мысль о нем? Как, наконец, люди могли согласиться на зверскую миссию?

С улицы донеслись выстрелы. Казалось, с каждым часом они звучат все чаще и чаще, и беанцы воспринимают их уже как звуки детской хлопушки. Потому что иначе можно сойти с ума! А как я воспринимал это? Может быть, я что-то недопонимал? В моих размышлениях были только вопросы, но не было ответов.

И тут меня осенило.

— Дзей, вы не знаете, в библиотеке базы есть история Беаны? Хотя бы краткая?

Он пожал плечами:

— Вероятно... Зачем вам? Так пойдете со мной?

Я отказался. Оун откланялся, от двери презрительно бросил:

— Не понимаю... Зачем? Что вам Беана? Прилетел — улетел...

— Прилетел — улетел? — Я схватил инженера за рукав, втащил обратно в комнату, усадил в кресло. — Да я уже сутки думаю, как предотвратить резню! Око за око, зуб за зуб... Это уже было, это уже известно в обитаемом мире! И ни к чему доброму никогда не приводило! Я не верю в подобный способ борьбы с недостатками! Надо что-то делать, надо предупредить Верховное ведомство о страшных последствиях этой политической авантюры! Но, чтобы что-то сказать, я сам должен понять, что привело ваше правительство к необходимости введения нового закона. Мы на Земле считаем, что любые общественные явления не происходят на голом месте, их готовит историческая необходимость или... исторические заблуждения! — Я начал увлекаться, сбился, смутился, но главное сказал. — Бороться за нравственность, не запрещая официальных публичных домов, порнографических изданий, фильмов и спектаклей, проникнутых ужасом, насилием, унижением человеческого достоинства, невозможно. Но ваши власти на это почему-то закрыли глаза. Я давно уже заметил, что ваши правители, особенно сам Верховный, любят декларировать свое человеколюбие, приверженность к неотъемлемым правам людей. А между тем сами изобрели новую форму не просто попрания этих прав, а физического уничтожения сограждан, лишения их права на жизнь. Как-то не стыкуется. И зачем все это?

— Да, — подавленно произнес Оун, — я тоже хочу понять, где корни нового закона. Только наша официальная история здесь ни при чем. Эта изящно изданная книжка расскажет вам, как была обжита дикая пла-

нета, спасена цивилизация, но, я думаю, все происходило куда прозаичнее, если хотите, даже трагичнее. Дело в том, что первое поколение аркосцев, переселившихся на Беану, погибло. Погибло внезапно, почти одновременно, безболезненно, заметьте. Мне было девять лет, когда я потерял мать — я помню немного Аркос, меня увезли ребенком. Отец погиб еще раньше, но при выполнении задания. А мать... В то время... не было эпидемии. Адаптационную несовместимость не сочли причиной массовой гибели, ведь смерть обошла членов правящих семей. Вот загадка, над которой мы ломали головы всем интернатом: как вы понимаете, сирот нужно было растить, об этом Верховные позаботились. Подростков и малолетних детей разместили на втором, менее обжитом по тому времени континенте планеты. На этом континенте разместилась и промышленность, вывезенная с Аркоса. Так сложился Производственный континент. Сироты стали не только его жителями, но и основной рабочей силой. Высшее техническое образование, только техническое, заметьте, получили немногие. Словом, дети унаследовали профессию родителей. Дети инженеров стали инженерами. Удел остальных — труд и низкопробные развлечения. На Главный континент по специальным разрешениям еще могут выехать инженеры и менеджеры, а остальные...

— И какую связь вы усматриваете с новым законом?

— Пока никакой. Только я хочу вас спросить: зачем Беане такая огромная армия? От каких врагов планетогосударство должна защищаться? Пришельцы вряд ли позарятся на наш скудный мир. Да и с пришельцами нам не справиться. И все же армия существует. Может быть, эта армия в один прекрасный день... Не знаю, я ничего не знаю. Только где гарантия, что и наших детей однажды не заберут в интернат для круглых сирот? Иногда я думаю, что наша с женой бездетность во благо... Как ни горько так думать! — Оун фыркнул. — Кстати, вы не бывали на Производственном континенте?

— Не довелось.

— И не доведется. Даже если вы очень захотите туда поехать. Добавлю, что всем нам, находящимся в контакте с землянами, предписано в разговорах касаться только технических проблем, возникающих при совместной работе. И все. Это я уж такой болтун попался. То, что положено знать об эпохе переселения, вам, вероятно, расскажет книжка. А молва говорит недоброе об этом времени. Первые переселенцы вымерли, потому что так было нужно элите — тогда это было сто три семьи, они использовали людей для возрождения цивилизации на новой планете и убрали каким-то образом, чтобы сделать из их детей своих рабов. Однако существует память...

— Вы говорите страшные вещи, Дзей!

— Что делать! Но не буду отягощать вас больше. Пора.

* * *

После ухода Ингит Эллис проснулся с ощущением, что знает, что делать дальше.

Не спеша оделся, не спеша позавтракал, sprysнул лацканы серого с искрой костюма дорогими мужскими духами, закурил и спустился в гараж. Ровно через двадцать минут он уже входил в свой кабинет.

— Вы помните некоего Дрибла? — спросил Эллис секретаршу. — Разыщите мне его.

Секретарша порылась в бумагах и сообщила:

— У него есть домашний телефон. Кроме того, место его розничной торговли газетами — вход в парк Верховного ведомства. Это рядом.

В кабинете Эллис первым делом открыл сейф и взял папку с секретными данными о двух тайных организациях Беаны, готовящих заговор против правительства. В папке хранилось досье на руководителей этих организаций и на рядовых их участников. Эллис знал, что ее

вожди ведут между собой нескончаемые переговоры об объединении. Но что-то мешает им договориться. Одно-го из лидеров Эллис знал, и неплохо. Серт Смелл, руководитель организации Главного континента, служил некоторое время в Верховном ведомстве, потом его перевели на должность директора научно-исследовательского центра. Это был благообразный, барственный человек, о котором Эллис порой думал, что ему абсолютно все равно, чем и как руководить, лишь бы быть у руля. Эллис понимал, раздумывая о Смелле, что именно мешает ему соединиться с организацией Производственного континента: его собственное честолюбие. Некогда Эллис делал на Смелла ставку как на человека, который, сам того не подозревая, превратит организацию в оппозиционную ложу, демагогический клуб несогласных. Конечно, со Смеллом было бы проще. Но с другой стороны — Эллис и Смелл были слишком хорошо знакомы, чтобы пойти на откровенное сотрудничество, к которому готовился теперь Эллис.

Пройдя карандашом по списку, Эллис остановился на фамилии Дзей Оун. Раскрыл его досье, и в это время секретарша ввела Дрибла. Эллис поднял на него глаза:

— Как видите, я не обманул ваших ожиданий. Я помнил и думал о вас. Правда, по-прежнему никаких связей с комиссией у меня нет. И тем не менее я готов что-то предложить вам. Вы работаете на улице. Там же работают и наши уважаемые рыцари справедливости. Так что вам ничего не стоит выследить их.

Дрибл ответил, раздумывая:

— Кажется, я понял вашу мысль.

— Но учтите, я дарю ее вам безвозмездно. Когда вы войдете в контакт с одним из них — как вы это делаете, меня не интересует, — то тут же поставите меня в известность. Если о ваших контактах с комиссией я узнаю через третьих лиц, это в моей власти, я сыграю с вами нехорошую шутку, другого выхода у меня не будет. По новому закону, ни один беанец не имеет права выяв-

лять круг лиц, его исполняющих. Ну а в случае удачи я получу возможность нажать на известные мне пружины, чтобы и дальше помогать вам.

Дрибл ушел довольный. Эллис опять взял досье Оуна: «Дзей Оун, закончил Высший технический колледж. Работал на заводе по производству электродвигателей, по личной просьбе переведен на экспериментальный завод вертолетных конструкций. Там вступил в тайную организацию. Женат. Бездетен. По протекции Серта Смелла переведен на должность главного инженера Космобазы Земли».

Эллис закрыл папку и взял в руки машинописную копию программы действий организации Производственного континента. Пункт первый утверждал равноправие Главного и Производственного континентов.

Эллис покачал головой: легче осушить водное пространство между ними.

Пункт второй: «Передача всех производящих промышленных и сельскохозяйственных предприятий, принадлежащих пятидесяти семи семьям и другим частным лицам, в общую собственность».

Эллис попытался представить себе, как это может выглядеть на практике. «Ну, допустим, — думал он, — завод большой, их много там, пусть хозяйничают... если смогут выкинуть пятьдесят семь. А мелкие предприниматели, мелкие хозяйчики, которых полным-полно на Главном континенте? Они не смирятся...» Пункт третий: «Ликвидация наследственной власти и установление власти нового правительства, созданного на основе всеобщих равных выборов для всего взрослого населения обоих континентов».

Далее следовали пункты об интенсивном развитии производства, справедливом распределении доходов. Это уже не интересовало Эллиса. Он понял: радикалу Оуну никогда не удастся заставить Смелла и его сторонников выступить вместе с ним. Эллису стало ясно, что ему нужен Оун.

Через пару часов он был на Космобазе. Оуна нашел возле ворот. Отработанным движением показал удостоверение. Они вошли в административное здание, молча сели друг против друга.

— Как вы относитесь к новому закону? — спросил Эллис.

— Закон принят, как утверждается, под знаком гуманизма, — пожал плечами Оун.

— Ваш ответ меня не удовлетворяет, но другого я не ждал. Здесь курят? Надеюсь, взрывоопасные вещества вы храните в другом месте? — Эллис затянулся, выдохнул сигаретный дым. — А теперь позвольте напомнить вам содержание нескольких бесед, которые вы вели три дня назад в обществе радиста базы Миккаса Пру, инженера-технолога Вирена Краста и лаборанта Сея Рода. Вы высказали мысль, что примером для аморального поведения служат наши досточтимые пятьдесят семь семей. За два дня до этого...

— Достаточно, — сказал Оун. — Я все понял. Что вы хотите?

— Это вы поймете несколько позже. — Эллис встал, прошелся по комнате. — Должен вам сказать, что меня не устраивает новый закон.

— И поэтому вы пришли ко мне?

— Я мог бы пойти к Серту Смеллу. Но я не считаю его достаточно деловым человеком, он слишком озабочен собственным благополучием. Считаю, что ничего, кроме вреда, человек этот не принесет вашей организации. Учтите, я давно слежу за вашей подрывной деятельностью. И у меня есть основания сделать выводы относительно вас всех. И Смелла в том числе. Но ближе к теме. Я предлагаю вам сотрудничество.

— Интересно, — усмехнулся Оун, — вы-то чем можете быть недовольны?

— Это уже мое дело. Я мог бы и не отвечать на ваш вопрос. Но я скажу. Мой отец был младшим полицейским инспектором в пятьдесят три года. Почему я так

хорошо помню эту цифру? Именно из-за возраста отца оставили на Аркосе, как лишнего в деле строительства... нового витка цивилизации. Мать моя была удачливее, но и ее карьера не пошла дальше определенных рамок. Мой путь был очень сложен. — Эллис усмехнулся. — Вы никогда не клеветали на своего начальника? Не приходилось? Оттого вы здесь и прозябаете. Мне это приходилось сделать дважды. Не скажу, чтобы оба мои руководителя были порядочными людьми, они были как все. Только они стояли надо мной и мешали мне.

Оуна передернуло:

— Вы чересчур откровенны.

— Если даже я не нравлюсь вам, все равно выбирать не приходится. Так что давайте ближе к делу. Я хочу разогнать, а возможно, и физически уничтожить эту банду — пятьдесят семь. Помочь в этом мне может только ваша организация. Вот почему мы сидим за одним столом, хотя признаться, — Эллис неожиданно добродушно рассмеялся, — ваша конторка меньше всего похожа на зал переговоров.

— Почему вы так уверены в наших силах? — уже спокойно, по-деловому спросил Оун. — А если мы не сможем помочь вам?

— Э, бросьте. Я слишком хорошо знаю ваши возможности. Но если вы убедитесь, что не можете помочь мне или не хотите, что равнозначно, то завтра вся ваша организация, а вы лично уже сегодня, окажетесь за решеткой.

— Вы страшный человек.

— Об этом мне говорили, — с усмешкой заметил Эллис, — и не раз. Скажите что-то поновее. И не куксись. Мы люди разные, но пока у нас общая цель. Пока мы нужны друг другу.

— Что вы предлагаете?

— Вот это уже разговор. — Тон Эллиса повеселел. — Первое. Ваша организация должна сейчас вести свою работу так, будто этой встречи не было. Второе.

Мои приказы, если хотите, рекомендации, их я буду давать лично вам, должны исполняться точно и в срок. В срок, — повторил Эллис, — до минут. Вам понятно? И, надеюсь, вы согласны?.. Ну а если согласны, то, насколько мне известно, дело в вашей организации на мази. И вы ждете удобного повода для выступления, не так ли?

— Да, — коротко отозвался Оун.

— Повод я беру на себя. Ваша первая задача: начать выявление и по возможности физическое истребление членов комиссии семнадцати. Обо всех ваших шагах в этом направлении вы должны уведомлять меня незамедлительно. Вот мой телефон, — Эллис протянул Оуну визитную карточку. — После вашего звонка я буду указывать место встречи. И больше никаких разговоров вестись не должно. Безопасность вашей организации и залог успеха в ваших четких действиях и моих руках. И последнее. Вы проводите профилактику корабля землянина? Не форсируйте, а, говоря профессиональным языком, саботируйте ее.

* * *

Я углубился в чтение истории Беаны. Она показала мне потоком бессвязных фактов. Больше всего меня удивила глава, посвященная обоснованию того, что технический прогресс на определенной стадии ведет к экологической катастрофе. Неужели непонятно, что можно и нужно просто разумно сочетать технический прогресс с охраной окружающей среды? Ан нет... Регресс, по-беански, является разумной мерой стабилизации общества. Стало быть, борьба за регресс — то есть борьба с прогрессом, который ведет к экологическому кризису?..

Я хотел поделиться своими соображениями с моим инженером. Когда я растолковал ему противоречие постулатов общества и основополагающего принципа но-

вого закона, то мне показалось, будто он невнимательно слушал. Тогда я спросил:

— Какие-то неприятности, Дзей? — Оун вздохнул, словно освобождаясь от гнетущих мыслей. — Уж не я ли подвел вас?

Вид у моего инженера был не из лучших.

— Скорее я могу вас подвести, — почему-то ответил он. — Да, слушаю вас с почтением.

— А у вас общий стиль, — усмехнулся я. Переход от равнодушия к угодничеству был явно нарочитым.

— С кем? — Оун насторожился.

— С автором этой книжки, — я положил перед ним историю Беаны.

— Я же говорил вам, у нас все прекрасно! — В голосе Оуна послышалось раздражение.

Да что же это такое? Что могло так выбить его из колеи? Даже рассказывая мне о гибели друга и сотрудника, он выглядел ровнее.

— Не помешал вам? — растерянно спросил я.

— Вы напрасно обижаетесь, Алексей, — почти мягко ответил инженер. Чувствовалось, как он переламинает свое настроение. — Вы хотели поговорить об истории нашей планеты, не так ли? Так вот. С переселением все ясно? Значит, стали жить. Кто как мог. Точнее, как кому сказали. Сто три семьи, их слуги в довольстве и роскоши, а прочие, вот именно, прочие — в неустанном труде, дабы не лишиться ста трех их привычной роскоши и привычного довольства. И вот тогда прочих стали развлекать, как — вам прекрасно известно.

Я не сводил глаз с бледного лица Оуна. За неторопливым течением его речи угадывалась горечь.

— И когда среди веселья и адского труда была создана техническая основа нашего существования, началось на первый взгляд непонятное. Как бегун, разорвавший финишную ленточку, переходит на шаг, так и промышленные мощности Беаны стали вдруг работать вполсилы. Рабочие руки вдруг стали никому не нужны.

— Что же случилось? — невольно вырвалось у меня. Кажется, я правильно «прочел» главу о прогрессе и регрессе. Плановый регресс — вот в чем дело.

— Ничего не случилось, — спокойно ответил Оун, — уровень производства обеспечивает лишь удовлетворение потребностей элиты. Остальные получают на поддержание жизни. Таким образом наши правители ни в чем себя не ограничивают, расходуют природные и людские ресурсы исключительно для себя. Они твердо решили, что одного глобального экологического кризиса и космического переселения с них достаточно.

— Но есть же выход из положения, — возразил я, — есть возможность овладения новыми видами энергии, помимо электрической. Взять самое простое: энергию вашего светила. Не говоря уже о термоядерной.

— А зачем тратить на исследования, разработки, когда и так хорошо? Зачем это пятидесяти семи? А что касается научного и технического застоя... Он влияет только на тех, кто трудится, это их жизнь становится все невыносимей. Конечно, люди не хотят мириться с существующей ситуацией. На Производственном континенте не раз, протестуя, полностью останавливали производственный цикл. Ну и что? Пятьдесят семь спокойно жили на запасах, ожидая, когда гонимые голодом люди снова придут к конвейерам. Более того, они допустили к ним дополнительные рабочие руки из числа не имеющих работу и за короткий срок наверстали упущенное, чтобы потом снова сбавить темпы — и все текло по-старому.

— Живя на Главном континенте, и не подумаешь, что все так скверно.

— Теперь, я надеюсь, Алексей, вы понимаете, зачем планете-государству, не имеющей внешних врагов, такая большая армия и столь разветвленный государственный и полицейский аппарат? А вот зачем понадобилась еще и комиссия семнадцати, этого я не понимаю... И без нее прессинг достаточно тяжел.

Заскрипела дверь — ее осторожно приоткрыл наш радист. Оун вздрогнул. Я невольно подумал, что Миккас Пру подслушивает нас. В руках радист держал коробку. Заговорил Оун, будто очнувшись или вспомнив что-то:

— Простите, Алексей, Миккас хотел бы обратиться к вам с просьбой. Но застеснялся, наверное. Раз вы едете в город, передайте эту коробку сестре Миккаса. Она одинокая женщина, хотелось бы ей помочь.

...Сестра Миккаса Пру жила в зоне отдыха. На лестнице ее дома, видимо, забыли включить освещение, и, поднимаясь, я всякий раз щелкал зажигалкой, чтобы высмотреть номер квартиры. Поднявшись на пятый этаж, я невольно посторонился: в полумраке маячила какая-то фигура. Вспыхнул огонек сигареты — передо мной стояла Бэки! Я изумился.

— Стой! — шепотом окликнула она меня. — Ты куда? Как ты здесь оказался?

— Я могу спросить тебя о том же... Я в триста восьмидесятую.

— Ничего себе! — Тон Бэки изменился. — Там живет одинокая женщина.

Я не хотел, чтобы Бэки думала обо мне плохо:

— Здесь живет сестра радиста нашей базы. Он просил передать ей посылку.

В это время наверху отворилась дверь, мы услышали женский голос и в ответ на него — голос Крауфа:

— В Верховном ведомстве уже есть определенное мнение на этот счет.

И тут грохнул выстрел.

Я все понял и почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Когда мы сели в машину, долго ехали молча. Но все же я не выдержал:

— За что ты ее?

— Злобная, агрессивная клеветница. Словом, захотела в нынешней ситуации стать тем палачом, который получает шапку казненного.

— Неплохо... Вот, кстати, реакция на вашу деятельность, Крауф. Но что же она хотела, эта женщина?

— Грубо говоря, деньги, — резко бросила Бэки.

— Да... — со вздохом произнес Крауф, — деньги — это сила.

Помолчал и, вдруг обернувшись ко мне, заговорил:

— Когда в Верховное ведомство пришло анонимное письмо с проектом нового закона, его показали юристам, и те сначала посмеялись, а потом заявили, что об анонимке стоит подумать.

— Чтобы установить кровавую диктатуру? — в упор спросил я.

— Да о чем вы говорите, Алексей? — укоризненно ответил Крауф. — Кровавая диктатура... Да, выборной системы Беана не знала никогда, но наша демократия достаточно развита.

— Я, конечно, не философ, не космический провидец, я просто женщина. Но позвольте мне сказать, — Бэки смотрела на нас, как на демагогов. — Человека нужно воспитывать, чтобы он стал человеком. Много есть к тому способов, педагогических и прочих, но они малоэффективны, иначе откуда грязь и нечисть? А вот при воспитании под страхом смерти во втором, третьем поколения мерзость выведется как чума.

Когда мы подъехали к ее дому и Крауф начал прощаться, к нам подошел молодой человек.

— Я, собственно, к вам, — он протянул Крауфу руку, — но я не знал, где вы живете, выяснил только, что здесь вы бываете. Поэтому пришел сюда.

— Вы что, следили за нами? — удивленно спросила Бэки.

Тот не удостоил ее ответом.

— Меня зовут Рэв Дрибл, — представился он, — я решил войти в комиссию семнадцати. Мне слишком многое пришлось пережить, чтобы отказать себе в этом. Я надеюсь на вас. Я знаю, что личные обиды плохие

советчики в деле справедливости, но у меня есть моральное право судить подлецов и негодяев.

— Кто же мог вас так обидеть? — усмехнулся Крауф.

— Это не уличный разговор, — сказала Бэки, — к тому же я страшно голодна. Идемте...

Дрибл смутился и пошел за нами.

— Это серьезный разговор, вполне серьезный, — повторял он, снимая в прихожей пальто, — я расскажу вам все, и вы меня поймете. Но сначала ответьте, как вы стали членом комиссии? Вы что, умнее, справедливее других? Вы что, бесребреник? — допытывался он у Крауфа.

Мы прошли в комнату. Неожиданный гость заинтересовал меня.

— Может быть, бесребреник, — задумчиво ответил ему Крауф, — разглядывая висящий над тахтой фотографический портрет Бэки. — Может быть... За работу в комиссии нам не полагается дотации. Я живу на средства, заработанные преподаванием философии в университете.

— Ага, значит, у вас общий взгляд на мир, поступки людей, и поэтому?.. — не унимался Дрибл.

— Мировоззрение здесь ни при чем, и вообще, я боюсь, что не смогу ответить на ваш вопрос. Меня вызвали, и я согласился.

— Неужели вы никогда не задумывались, почему вызвали именно вас, а не вашего коллегу, недруга, приятеля? И вы просто так согласились? Вы что, безжалостны по натуре?

— Нет, — ответил Крауф, — некоторые даже считают, что я человек мягкий. Врагов у меня нет. Я думал, прежде чем согласиться. И видите ли, я уверовал...

— Вот! — Дрибл с облегчением вздохнул. — Этого мне от вас и надо. Я тоже уверовал в то, что единственный способ поставить людей на место наконец найден.

Я уверовал и ощутил в себе право быть орудием возмездия ради справедливости.

Глядя еще на одного поборника справедливости, я думал, что присутствую при шутовском спектакле.

— Справедливость! Вы-то тут при чем?! У вас что, суда нет? — спросил я.

— Правосудие имеет дело с готовыми преступниками, — обернулся ко мне Крауф. — Но ведь не в природе разумного существа страсть к грабежу, обману, ко всему, что четко квалифицируется в своде законов. Важно другое. Чтобы стать насильником, нужно испробовать свою силу над слабым, затем над более сильным и так далее к вершинам подлости, к преступлению. Все логично, закономерно. Но комиссия карает тех, кто является потенциальным преступником. Лучше убрать язву сразу, чем ждать ее прободения.

Бэки принесла ужин.

— Так кто же вас так обидел? — серьезно спросила она Дрибла, усаживаясь к столу и приглашая нас.

Дрибл поведал нам свою историю. Он был одним из способнейших сотрудников химического института. И работал под руководством личности заурядной. Его руководитель понимал, что только благодаря таланту Дрибла, его знаниям лаборатория делает значительные успехи. Его грызла зависть.

Когда-то Дрибл был женат, но с женой прожил недолго. Расставшись, они не имели друг к другу никаких претензий. И вдруг в научный центр по координации исследований пришло письмо от некоего врача, оказавшегося приятелем начальника Дрибла. В нем утверждалось, что Дрибл много лет отравлял свою жену неизвестными химическими веществами, о чем врач, наблюдавший женщину, считал своим долгом уведомить руководство центра.

Все кругом были уверены, что Дрибл не злоумышленник, даже знали, что письмо врача инспирировано заведующим лабораторией, находились к тому и пря-

мые доказательства. Однако бывшая жена Дрибла подтвердила обоснованность обвинения.

Директор, к которому Дрибл обратился за помощью в восстановлении справедливости и своей репутации, замылся и сокрушенно сказал, выразительно подняв глаза к потолку: «Я не в силах изменить то мнение...»

— Теперь мне ничего не остается, как торговать газетами, более почтенного занятия недостойн, — закончил Дрибл свой рассказ.

Крауф удивился:

— Я знаком с вашим директором. Серт Смелл, не так ли? Он всегда производил впечатление человека добродушного, преданно служащего науке. Как же он не смог отличить клевету от правды?

— А как вы отличаете клевету от правды? — не удержался я.

— А вообще, вам, Рэв, — обратилась Бэки к Дриблу, — крупно повезло, что вы вляпались в эту историю до принятия нового закона.

Дрибл в конце концов признался, как нашел нас. Он видел, как на мосту Крауф стрелял, по его выражению, в «гогочущие пасти».

Крауф посмотрел на часы и поднялся. Дрибл пошел за ним. Я тоже встал.

На улице светили редкие фонари.

— Ну, что? — спросил Крауф. — Куда вас повезти?

Дрибл назвал адрес, а я — ближайшую вертолетную станцию.

Крауф обошел машину, открыл переднюю дверцу — она-то и спасла его. Из темной подворотни соседнего дома раздались выстрелы. Крауф удивленно дернул головой и схватился за левое плечо. Мы с Дриблом бросились к раненому. Но все же я успел посмотреть вслед убежавшим. При свете уличного фонаря я ясно разглядел фигуру Дзея Оуна, моего тихого инженера.

Бэки казалось, что более страшной ночи она не переживала. Выстрелы, рана Крауфа, мысль, что под эту пулю мог попасть Алексей. Она же любила его.

Алексей... Нередко ей казалось, что он держится с ней так, словно она маленькая девочка, несмышлениш. Конечно, он хочет, чтобы она стала его женой, она сама хотела бы этого, только как объяснить ему, что здесь, на Беане, она тоже будет ему верной подругой, как и там, на его прекрасной родине. Он говорит, что на Земле не знают, что такое деньги. Там не нужно думать о зарплате, а нужно просто работать в собственное удовольствие. И ты будешь счастлив. Но если это правда, то жить там ей будет страшно. Ведь она воспитана в совсем иных правилах, может незаметно для себя сделать промаху, ее осудят наверняка...

Бэки передернула плечами. Нет, нечего ей делать на Земле, хотя бы до тех пор, пока она не узнает... Пока она не узнает сама и не расскажет о своих знаниях беанцам. В этом она поклялась своей матери перед ее смертью. Как это было давно! Пятнадцать лет бесплодных поисков и невероятно напряженного ожидания... Архивы молчат, газеты молчат. Но Бэки верит все равно, истина откроется. Теперь она думала, что новый закон сметет ту ложь, что опутала всю планету, сделает явное тайным. Надежда вряд ли сбыточна, но вдруг... Нужно использовать все средства — истина, которую она ищет, слишком дорога. Не для нее одной. Правда, порой ей уже казалось, что все это красивая сказка, порожденная надеждой на лучшую долю, возникшая среди таких же одиноких женщин, как ее мать. Бэки смутно помнила подруг матери, льющих горькие слезы... О чем только? Этого она уже не помнила, а спросить было не у кого. И если она не дочь национального героя, как утверждала мать и повторяли ее подруги, то... То все в ее жизни было верно: и ограничения, барьеры. Или, может быть,

все, что сделал отец, не имело такого значения, которое дало бы его дочери свободу и достаток? Мог он оказаться никому не нужным энтузиастом-одиночкой?

Рассказать Алексею — он скажет, что цивилизация, достигшая космоса, не смогла сделать подобного шага назад. Это верно, Беане не под силу освоение даже близкого околопланетного пространства. Но ведь Алексей наверняка знает, что Беана — дочерняя планета далекой родины аркоссцев, это знают все.

Когда Бэки вошла в гостиную, Крауф и Гончаров сидели и тихо разговаривали.

— Вот они и «работают» под вас, Элдар... — убеждал Гончаров.

— Это исключено. Мы стреляем мечеными пулями. Преступники попадут за решетку, если, разумеется, поблизости не будет одного из нас.

Опять спорят о законе! Дался же он Гончарову! Бэки в сердцах резко подвинула кресло к тахте и сказала:

— Алексей, приготовь завтрак, а я поработаю сестрой милосердия.

Гончаров отправился на кухню. Бэки вдруг с облегчением подумала, что вот наведет комиссия порядок, все вернется к прежнему, Алексей будет прилетать и улетать, она снова будет писать на темы морали и быта, Крауф снова займется университетской деятельностью, а Дрибл... Дрибл, может быть, вернется в лабораторию.

Дрибл пришел после завтрака. Он порадовался, что рана Крауфа оказалась неопасной, и предложил заняться святой местью — он знал, где живет его недруг, директор института.

Крауф пожал плечами — почему Дрибл решил наказать свою месть против него, а скажем, не против заведующего лабораторией?

— Логично, — поддержала Дрибла Бэки, — ведь это при попустительстве Смелла откровенный дурак стал руководителем, равнодушие Смелла поощрило подлость женщины. Представьте себе, что Смелл повел бы

себя порядочно, защитил бы Дрибла и подлость выявилась бы сразу, виновные были бы наказаны. В том-то и дело, что часто подлость бывает скрытой.

Потом она помогла Крауфу надеть пальто, проводила его и Дрибла до двери. Когда вернулась в комнату, Алексей сидел на прибранной тахте, и по его лицу она поняла, что сейчас он начнет с ней тот разговор, который они оба не то откладывали, не то избегали... Она принялась за уборку квартиры, думая, как бы объяснить ему, что убегать с Беаны она не имеет права... Объяснить так, чтобы он поверил ей, понял ее. И, на что Бэки совсем не надеялась, помог ей. Но позвонили с Космоба-зы. Гончаров заторопился.

А Бэки пошла в редакцию. Зашла в секретариат узнать, стоит ли в номере ее вчерашний репортаж. Но ответственный секретарь редакции сказал, что материал из номера сняли. У ведущего редактора какие-то замечания... Ведущий редактор встретил Бэки хмуро: «Вы торопитесь на полосу газеты прямо-таки на «крыльях вдохновения». Это, кажется, из вашего же последнего шедевра...»

Бэки вспыхнула. Тот взял со стола гранки: «На вашу тему идет в номер статья чиновника из Верховного ведомства, — он помолчал, усмехнулся. — А потом снова будем печатать вас, и только вас... Пока все это не закончится...»

Бэки в гневе вернулась в свой отдел. Как всегда, утрам там сидела секретарь, Дея. Она тихо разговаривала со своей старшей сестрой Ингит.

— Сволочи, — сказала Бэки, Дея и Ингит повернулись к ней, — мой вчерашний репортаж сняли. Чин из Верховного есть чин из Верховного, это я понимаю. Но ведь насмеваются!

Дея вздохнула. Ингит поцеловала сестру и вышла.

Через некоторое время в коридоре слышались возбужденные голоса. Дея приоткрыла дверь. Из суматошных, разрозненных фраз она поняла, что ответственный

секретарь и ведущий редактор номера только что лишены жизни по новому закону. Но кто это сделал? Не смерть двоих потрясла людей, а весть: «Он среди нас!»

«Не он, а она, — про себя поправила Бэки, — надо же! Ингит, сестра тихони Ден! Такая нежная, такая воспитанная девушка! Невеста влиятельного человека... Как все обманчиво! Вот и Крауф на вид вполне приличный человек... Пойди разберись. Дрибл, бредящий местью и убийством... А может быть, прав Алексей, утверждая, что новый закон открывает в людях самые подлые, низменные инстинкты?..»

Бэки уже не могла работать. Сидела у стола, равнодушно перебирая бумаги, стараясь заглушить внутреннюю дрожь.

Неожиданно пришел Крауф.

— Я не поеду с вами сегодня, — вяло сказала она, стараясь не смотреть ему в лицо.

— Я, собственно, не за тем. Бэки, вы должны знать: Алексею надо немедленно улетать с Беаны. Немедленно.

* * *

Конечно, я погорячился. Как говорил наш старый профессор психологии — прежде чем начать разговор, оцените возможности аудитории. Правда, это касалось правил психологии контакта. Но я всегда полагал, что мы с Бэки люди близкие. И я расшумелся. Назвал Крауфа добровольным убийцей, ее — пособницей... Она обиделась. Потом я соглашался, что расстаться с Беаной ей трудно. Убеждал в какой уже раз, что на Земле ей будет лучше, что там она сможет служить истинным идеалам справедливости.

По тому, как Бэки замедлила движения, я понял, что мои слова она слушает с вниманием. И тогда я общил ей, что пойду в Верховное ведомство и скажу прямо: вы перестали быть людьми. За вмешательство во

внутренние дела планеты меня, вероятно, вышлют с Беану. Но ведь кто-то должен назвать вещи своими именами. Кто-то должен сказать во всеуслышание, что человек не может существовать среди смертей в ожидании собственной! Я вполне осознаю последствия моего визита к Верховным и поэтому тороплю Бэки. У меня может не оказаться в запасе и суток. Мы вообще можем расстаться навсегда.

Бэки заплакала.

— Знаешь, — сквозь слезы прошептала она, — мне следовало давно рассказать тебе все, но я боялась, что ты поймешь меня превратно. Мне было шесть лет, когда умерла моя мать, — Бэки забила в угол дивана, — а отец... — Судя по всему, Бэки собралась мне сказать что-то чрезвычайно важное для нее, собиралась с духом, искала слова. — Он улетел в космос. Это было в эпоху переселения. Отец и те, кто находился с ним, были объявлены национальными героями... Но... Я никогда этого не чувствовала. Я часто думаю, как я выросла, как выучилась, как не свихнулась! Ведь совсем одна, родственников не было. Умирая, мать сказала, что я должна восстановить правду об отце. Беана и космос — что может быть несуразнее, правда? Словно кто-то вычеркнул целую страницу жизни, истории! Но я хочу знать.

— Куда они могли лететь?

Бэки горестно вздохнула:

— Об этом полете никогда никто не вспоминает. В архивах изъяты все документы. Видно, на его организацию ухлопали массу средств, которые не оправдались.

Зазвонил телефон. Бэки ответила и тут же протянула трубку мне. Я услышал голос Дзея Оуна. Он длинно и путано извинялся, объяснял, как ему удалось разыскать меня. Срочно звал на базу — что-то там стряслось. Я сказал Бэки, что, к сожалению, должен ехать, вернусь, мы разберемся...

Оун ждал меня. Он расхаживал по своей конторке

как ни в чем не бывало. В первые минуты у меня даже зародилось сомнение: а не обознался ли я вчера?

Оун обратился ко мне с просьбой. И мне показалось, что и эта просьба связана со вчерашними событиями.

— Все ясно, — кивнул я инженеру, — я сделаю все, как надо. Кстати, этого человека зовут не Серт Смелл?

Оун удивленно посмотрел на меня:

— Откуда вы знаете?

— Да так, случайно, — я не хотел вдаваться в подробности. Вчерашние выстрелы, покушение на Крауфа — наглядное доказательство, что на Беане появились силы, способные так или иначе противостоять комиссии.

Может быть, Смелл и недостойный человек. Я слышал версию Дрибла. И слышалось в ней мне нечто искусственное. Не могу объяснить, почему. Интуиция, должно быть. Но я не знаю объективных обстоятельств этого дела. И не в Смелле суть. А в том, что началось сопротивление.

— Дзей, — мне показалось, что я говорю чужим голосом, вкрадчивым и тревожным. — Дзей, — повторил я, запинаясь. — Поймите, на место убитого вами в комиссию придет другой. В эпоху земных революций цель была достигнута иными средствами борьбы. — Я осекся под взглядом Оуна.

— О чем вы, Алексей? — Он наигранно пожал плечами. — Поверьте, я не понял. Вы правильно записали адрес?

Я пришел в изысканно обставленную квартиру. Ответив на рукопожатие хозяина, сказал:

— Ваш друг, который послал меня, не смог вас предупредить. Комиссия начала охоту за вами.

Я никогда не видел мужских истерик. Это было страшно. Успокоившись, Смелл вяло опустил на стул и сказал:

— Надо жену и дочь отправить за город. Я не хочу, чтобы они знали... Комиссия неумолима. От нее никуда не деться. Спасибо, что предупредили.

Он ждал, когда я уйду. А я сказал:

— Я помогу вам. У вас есть машина? Собирайтесь.

— Это бесполезно. Я знаю, как они действуют. Они найдут того, кто им нужен. Везде и всюду.

— Но не на Космической базе Земли.

Смелл поднял на меня удивленные глаза.

— Я как-то сразу и не подумал... Да-да, конечно, я знаю о высоком благородстве сыновей Земли...

Больше мы не обменялись ни словом. По пути, километрах в тридцати от города по трансконтинентальному шоссе, я увидел, что за нами следует машина Крауфа. Он гнался за нами.

Кончилось все отвратительно. Крауф обогнал нас и в метрах трехстах стал поперек дороги. И тут Смелл сделал отчаяннейшую глупость. На полном ходу он выбросился из машины. Ко мне подошел Крауф:

— Если вы, Алексей, немедленно не покинете Беану, я не отвечаю за вашу жизнь. И кстати, я не забыл вашей попытки спасти родственницу радиста вашей базы.

Второе приглашение убраться вон я получу у Верховных. Значит, туда, потом за Бэкки — и на старт! Ничего, как-нибудь долетим без бортового освещения. Впрочем, меня могут выслать и под конвоем, я не успею даже по телефону связаться с Бэкки. Значит, сначала к ней.

Не ответив Крауфу, я сел в машину Смелла.

У самого въезда в город, рядом с новостройкой, прострелили обе шины задних колес. Началось непонятное.

Я вышел из машины, огляделся. Казалось, я один. Кругом навалены стройматериалы. Стемнело, рабочий день закончился. Стояла тишина. И тут прожужжала пуля.

В космосе я не раз встречался с опасностью, но всегда решительно шел ей навстречу, зная, что моя жизнь в моих собственных руках и зависит только от меня, от моей сноровки, ловкости, от моих знаний. А сейчас мне казалось, что метеоритные потоки, радиа-

ция, излучения белых карликов, плазма ничто по сравнению с невидимыми комочками свинца.

Впереди лежали трубы, достаточно большие, чтобы спрятаться. Я не стал раздумывать. А потом услышал, как кто-то, может быть, даже Крауф, ходит рядом. Вдруг этот кто-то стал простреливать трубы. Они гудели и ахали, повторяя звук выстрела. Потом все так же неожиданно стихло. И я услышал шепот:

— Здесь, налево, дыра в заборе. За забором — стройка. За ней — вертолетная площадка. Спешите...

И я услышал удаляющиеся шаги. Вылез из трубы, огляделся. Никого. Поехал к Бэки.

В первую минуту я подумал, что ее нет дома. Решил позвонить Оуну. Но тут в темноте вспыхнул огонек сигареты — Бэки сидела в кресле. Я зажег свет. Она не шевельнулась. На полу у кресла были разбросаны испитые листки.

— Работала?

— Делала вид...

Я сел напротив.

— Мне больше нельзя оставаться здесь, Бэки...

— Знаю, — в ее голосе мне послышалось безразличие, я удивился.

— Что с тобой? Я сейчас иду в Верховное ведомство, иду вместе с тобой, возможно, нам немедленно придется улететь. Что ты на это скажешь?

— Ничего, — Бэки не изменила позы.

— Как же так? — Я собрал с пола испитые листки, спросил мягко: — О чем сочиняла?

— Все о том же. О выстрелах и трупах. Репортажи... Как пристрелили артистов. Тебе интересно? Открой бар, там, кажется, что-то есть.

Я выставил на стол початую бутылку, рюмку для Бэки. Налил. Она выпила залпом. Она прежде никогда не делала этого при мне.

— Что сидишь? — Она в упор посмотрела на ме-

ня. — Пей! Не можешь? Не хочешь? Пей! Жить легче будет. Давай не церемонься.

— На кого ты сердишься?

— На себя. — Бэки порывисто встала, отошла к окну и затихла. Вдруг заговорила незнакомым мне голосом: — Знаешь, Алексей, трупы, трупы, трупы... Мне жутко. Я все время надеялась, что новый закон во благо. Я все ждала лучшего. Я и рубрику в газете повела потому, что чувствовала необходимость выявлять подлость, которую необходимо уничтожить. Ты никогда не интересовался моим прошлым. Ты даже не знаешь, сколько выпало мне на долю. Сколько гадости мне пришлось увидеть и перенести. Хотя ты всегда заявлял, что мы — самые близкие люди на свете... Лестно, конечно, — она усмехнулась, но... В этом мире мне все так же приходилось ждать, когда уничтожат подлость и гадость так же, как это сделали в твоём — лучезарном, стерильном, прекрасном... Теперь мне кажется, что я уже не знаю, где гадость, где подлость, где расшатанная психика, недостаточность воспитания, слабость характера или жажда крови, чужой крови. Я не знаю, где добро, где зло. Раньше было проще... — Голос Бэки посуровел. — Вчера, когда в вас стреляли, я впервые попала в положение жертвы. Человек даже не знает, за что. Некому объяснить. Подходит respectable человек — и в упор...

— Ужасно!

— Что ужасно?! Да что ты видел ужасного в своей жизни? Знаешь, землянин, ты... ты перестал чувствовать! Сострадать! Тебя... Да ведь тебя убить надо! — Ее трясло. — Да, тебя необходимо убить!

Я увидел в ее руке пистолет.

— И это сделаю я. Я убью тебя. За все сразу.

— Ты с ума сошла... Что с тобой?!

— Может быть, такое время, можно свихнуться. Но сейчас я говорю истину. Кто позволил тебе делать из меня игрушку? Я никогда ничего от тебя не требова-

ла, никогда! Как тебе это было удобно: улетел, прилетел... Но ты никогда не брал на себя ни единой моей печали... Пока над твоей головой было ясно, ты почему-то не звал меня за собой в свой идеальный мир. А ты задумывался хоть раз, как я живу, когда ты улетаешь? Здесь, на Беане, среди раздражающих тебя несовершенств, когда жду тебя? Когда страдаю, тоскую... — она махнула рукой. — Почему я должна зависеть от твоих настроений? Мне было плохо и одиноко. Скажу правду: я тебе всегда была верна. Даже когда ты улетал на Землю. Я тебя любила.

Она подняла револьвер. Происходящее не укладывалось в сознании. Я не понимал, что с Бэкки, — уж не больна ли она. Я не верил, что она нажмет на курок. И поднять на нее руку я не смел. Казалось, прошла вечность. Бэкки с силой отшвырнула револьвер. Он ударился о стену, посыпалась штукатурка, что-то тяжелое ударилось об пол.

На полу среди кусков штукатурки лежал плоский металлический предмет.

* * *

Поговорив по телефону с Дриблом, Эллис набрал номер Оуна, но тут же нажал на рычаг. И усмехнулся. Кажется, он перестает доверять самому себе. Ну и что? Не он выдумал эту систему, не ему и бояться ее. Странный однако этот Крауф — доверился первому встречному. Но главное, он согласился убить Смелла. Пожалуй, за этот пункт своего плана Эллис опасался больше всего — кто его разберет, этого Крауфа, ревнителя справедливости.

Остальное — в своих руках. Оун управляем вполне, в этом Эллис уже убедился. Инженер легко попался на крючок. И, отбросив привычную осторожность, Эллис отправился на Производственный континент.

Входя в квартиру Оуна, Эллис невольно отметил ее убогость. В полутемной прихожей стоял тяжелый запах.

— Что у вас так темно? — здороваясь с хозяином, спросил Эллис.

Тот пожал плечами:

— В нашем районе энергию ограничивают.

— Простите, забыл.

— Извиняться должен я. Жена лежит, поговорим на кухне.

— Нездорова? Жаль... — проговорил Эллис, раскрывая портфель. — Вот что. Здесь пачка пропусков за моей подписью. — Эллис сощурил глаза. — Я всегда чувствовал ваше недоверие. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что мы связаны накрепко. В случае неудачи нас ждет общая участь. Впрочем, — помедлил Эллис, — сегодня к вечеру все должно быть ясно. Либо мы, либо... А сейчас необходимо найти землянина. Дело в том, что Серту Смеллу грозит комиссия. Как вы понимаете, у меня есть возможность узнавать их намерения. И думаю, что самое подходящее убежище для него — Космобаза Земли. Пока мы не решим...

— Без Гончарова я не могу поместить туда постороннего.

— Не перебивайте. Вы и не должны близко подходить к Смеллу. Его приглашением на базу должен заняться землянин. Он сейчас у некой Гек, журналистки. Вот ее телефон. Поторопитесь. Это все, что я хотел сказать вам. Ждите моего звонка. Как вы понимаете, я не зря пересек пролив. Надеюсь, к вечеру вы получите долгожданный сигнал к началу действий. И повод к выступлению.

Оун взял машину и направился навстречу Гончарову.

Хорошо, что никто не обратил внимание на его электромобиль. На обочине лежал мертвый Смелл. Около него был тот, в которого они вчера стреляли — Оуну стало невыносимо обидно, что он промахнулся. Гонча-

рова не было. Видимо, он разделил участь Смелла. Обескураженный, Оун поехал на базу. Лишь переступил он порог своей конторки, как раздался телефонный звонок:

— Вы были на трассе и все видели, не так ли? — спросил Эллис. Оун понял, что отвечать необязательно. — Так вот, немедленно передайте своим людям в ваших газетах и на радиостанции информацию о вопиющем преступлении комиссии. Этот произвол откроет глаза беанцам. Вместе с землянином правительство убило доверие к себе. — Оун вздрогнул. Эллис подтверждал его догадку. — Наверное, вам не надо растолковывать, — добавил Эллис после паузы, — что лучшего повода для выступления наших сил не найти. — Эллис рассмеялся и повесил трубку.

О, как же Оун ненавидел Эллиса! Теперь ему стал ясен его план. Вот зачем понадобилось спасти Смелла. Смелл был только приманкой.

Но как бы то ни было, решил Оун, дело превыше личных отношений, и к вечеру радиостанция Производственного континента каждый час передавала экстренное сообщение: «Комиссия распоясалась. Честные беанцы должны ответить ударом на удар...»

* * *

Крауф очень любил этот уютный ресторанчик рядом с университетом. Он приходил сюда, когда ему бывало грустно, здесь он отмечал и радостные дни. Не заглядывая в меню, Крауф сделал заказ.

Когда машина Гончарова повернула к городу, Крауф почувствовал, как вспотела рука, сжимавшая пистолет. Еще несколько минут назад он совершал над собой насилие, заставляя себя убить землянина. Отрезвили его

тогда слова Дрибла: «В кого вы целитесь? Вы подумали о последствиях?»

Крауф ответил Дриблу только удивленным взглядом, но пистолет опустил.

...Рассматривая теперь грани бокала, Крауф раздумывал, неужели этот юнец подметил то, в чем сам Крауф едва признавался себе? Бэкки... Если тот выстрел необходим, пусть его сделает другой человек. Так вульгарно избавляться от соперника — это не для него. К тому же Крауф не испытывал к землянину дурного чувства.

Официант принес закуску. Крауф неторопливо поковырял в ней вилкой, одобрил соусом. Да, Дрибл, увы, прав... Он не мальчик, чтобы стыдиться внезапного, быстро разгоревшегося чувства. Кусок оказался пресным. Крауф откинулся на спинку кресла, и перед его глазами встало лицо Бэкки. Крауф вздохнул. Но что так привязывает ее к землянину? Почему она выбрала его? Ведь видятся они нечасто. Стало быть, есть что-то более сильное, чем пространство и время. Крауф уже сам начинал убеждаться в этой несложной мысли.

Он вспомнил о своей прежней жизни. Университетская деятельность, общение со студентами, друзьями, искусство, спорт, забота о рано овдовевшей сестре и ее маленькой дочери. Теперь новое состояние души вполне связывалось с непривычной, странной, ему не свойственной обязанностью. Хотя, если разобраться, должен же кто-то стоять на страже покоя сограждан. Почему не он, которого в юности называли совестью школы? Кому же еще быть судьей, как не ему, если он выше всего на свете ставит справедливость? Было бы куда страшнее, окажись на его месте стяжатель, карьерист, подонок, презирующий и подозревающий всех и вся.

— Не угодно ли свежую газету?

Крауф вздрогнул. Разносчик протягивал ему свежий,

пахнувший типографской краской номер вечернего выпуска. Крауф машинально бросил на поднос разносчика мелочь, машинально развернул газету. Заголовок первой страницы поразил его. Он наскоро расплатился с официантом, забыв сдачу, и отправился к Бэки.

...На его звонок никто не отозвался, но в прорези замка он увидел свет. Толкнул дверь, она легко отворилась, видно, забыли запереть. И тут он услышал резкий голос Гончарова:

— Теперь тебе все ясно? Какая чудовищная связь! Я чувствовал...

В ответ — подавленный голос Бэки:

— Мы с тобой бессильны против этой страшной машины!..

Гостиная Бэки потрясла Крауфа не меньше, чем заголовок газетного сообщения. В стене, отделяющей спальню от гостиной, зияла дыра. На полу, среди обломков штукатурки, лежал дамский пистолет. А Бэки и Гончаров склонились над какими-то бумагами. Они даже не заметили, как он подошел к ним.

— Не ожидал вас увидеть здесь, Алексей, — сказал Крауф, протягивая Гончарову газету так, чтобы заголовок сразу бросился в глаза. Гончаров недоуменно посмотрел на Крауфа, перевел взгляд на Бэки и, бегло пробежав газетное сообщение, прошептал:

— Дела...

Бэки взяла газету из рук Гончарова и побледнела. Гончаров улынулся ей:

— Нет, я не выходец с того света. Просто попал в переделку, не хотел расстраивать тебя, не рассказал...

— Прости меня, — вдруг прошептала Бэки, — прости...

Гончаров погладил ее по голове. Крауф потупился. Потом понимающе кивнул и спросил:

— Что тут у вас такое? — Он обвел руками комнату.

Бэки загадочно взглянула на Гончарова и протянула Крауфу листки в металлической папке:

— Это бумаги моей матери.

В папке лежало два письма. Одно из них, несомненно, было написано женской рукой.

«Моя девочка, мне бы хотелось, чтобы эти документы рано или поздно попали к тебе, потому что кто-то должен знать правду, но я боюсь, ты сама вряд ли будешь в состоянии открыть ее. И все же пусть ты встретишься с моими записками как можно позже — если будущее для нас в молчании, это может быть небезопасно для тебя. Поэтому я доверяюсь тайнику и случаю.

Все, кто прилетел на Беану так называемым первым эшелонem, гибнут. С каждым днем растет недавно освоенное кладбище. Умирают те, кто принимал деморфин. Практически же деморфин принимало все взрослое население Беаны. Одни больше, другие меньше, но разве в дозах дело... Счастье, что у тебя, Бэки, есть пенсия за отца и кое-что из наших сбережений. Ты избежишь государственного интерната, куда забирают осиротевших детей. Я приняла большую дозу деморфина, началось это еще на Аркосе. Дни мои сочтены. Поэтому считаю разумным рассказать тебе о содержании последнего письма твоего отца — это единственная память о нем.

Все началось с деморфина. Я убеждена в этом, иначе его свойства стали бы известны еще на Аркосе. Но там мы их не знали, радовались, что таким простым аптечным средством можем увеличить свои возможности: например, трудоспособность. Деморфин снимал утомляемость, высвобождались ночные часы, когда само желание выспаться исчезало после приема таблетки. Когда состоялся перелет, деморфин насаждался принудительно. Мы работали круглые сутки, принимая его. Потому что прилетело нас на Беану ровно столько, сколько необходимо, чтобы в кратчайший срок наладить жизнь — отстроить город, запустить производство, начать новый этап цивилизации. И как утверждалось, под-

готовить таким образом экспедицию — за оставшимися на Аркосе согражданами, близкими, друзьями... Сделать все требуемое в сжатые сроки могло бы, наверное, только большое количество людей. Но хотя нас было мало, мы понимали, что больше и не требуется (поэтому остальных предательски бросили на гибнущем Аркосе). А работали мы за троих — день и ночь. И вот теперь расплачиваемся за это сиротством своих детей. Это хуже собственной смерти. Моррис, кровавый вампир, рассчитал верно: он дал нам время воспроизвести себя в детях, и больше мы оказались уже не нужными... Мы стали игрушками в руках этого человека, так же, как и те, кто теперь задыхается на Аркосе, погибшем из-за варварского отношения к нему. Природа отомстила жестоко — люди умирают в угаре промышленных газов и отходов, среди отравленной воды и пищи. Смерть здесь, смерть там — вот печальный итог перелета. И кто знает, может быть, заложив фундамент новой цивилизации на этой планете, мы уже начали процесс разрушения и здесь, и наших далеких потомков ждет участь несчастных аркосцев. Страшно думать об этом.

Ты спросишь, как могло случиться, что на погибающей планете остались люди, ведь перелет был мерой спасения? Да. Но это была мера спасения элиты. Увы, элите нужна прислуга, поэтому нас и взяли. Остальных обманули. Чудо, что отец мог взять меня с собой: помогло мое умение шить, вторая профессия. Брали же строго ограниченное число людей, определявшееся специальной «сеткой набора». На Аркосе объясняли, что берут лучших. «Сетка набора» явилась «сеткой выживания» на новой планете. Зачем лишние рты? Опять идти к экологическому кризису? Была бы воля Морриса и ста трех, они бы всех нас оставили на Аркосе. Но, явившись на Беану в полном составе своих семейств, они пошли на то, чтобы мы «воровали» их чистый воздух, ультрафиолет, натуральные продукты

питания — мы для них необходимое зло. И, не считаясь с нашей тоской, привязанностями, семейными и родственными узами, нас, как рабов, обманом привезли сюда. Несколько отчаянно смелых людей пришли к Верховному правителю Моррису и сказали ему примерно то, что я здесь написала. Этим они обрекли себя на страшную участь.

Народу объяснили, что экспедиция на Аркос не направляется потому, что с планетой нет связи. Аркос молчит. О деморфине, который, как выяснилось, разрушает клетки мозга, народу тоже дали разъяснение. По официальной версии, во всем оказался виноват ученик изобретателя, который заведомо не предупредил правительство. Его казнили. Деморфин был мгновенно изъят из употребления. Народ успокоился. Тем более было объявлено, что, поскольку аркосцы не дают о себе знать, на Аркос направляется космический корабль с добровольцами. В их задачу, как писали в то время газеты, входило долететь до Аркоса и выяснить причины отсутствия связи, сообщить о скором выходе второго эшелона.

Среди добровольцев, отправившихся на Беану, был и твой отец. В экипаж корабля вошли также полицейский инспектор Грим и супруги Мишле. Командиром корабля был пилот Оун, начальником экспедиции — крупный предприниматель Крюгер. Теперь я уверена, что экипаж составили те, от кого Моррис по каким-то причинам желал избавиться.

О, если бы ты видела, как их провожали! Это был праздник. Только с праздником не вязалась мрачная, как черный столб смерча, ракета, даже иллюминаторы оказались задраенными. Никто не видел улетающих. Народ ликовал, предвкушая радость встречи с близкими. Как только ракета поднялась и скрылась из виду, официальная пропаганда, еще вчера неумолчно расписывающая перспективы полета, замолчала. Если твой отец вернется, правда победит. Если нет —

сделай все, что не смог сделать он. Ради этого стоит жить.

Рона Гек».

Крауф аккуратно свернул письмо и взял второе. Оно было написано на неровных обрывках каких-то счетов.

Желтая шероховатая бумага, строчки гуляют, буквы прыгают, но прочитать все же можно:

«Родная моя Рона!

Вот уже восьмой день, как мы в разлуке. Организаторы перелета, видимо, сочли наше общение с близкими излишним. Не разрешено даже писать, бумагу мне достал человек, который передаст тебе письмо. Но сделать это он сможет только после старта. Предстартовый карантин больше похож на тюремное заключение. Мы не общаемся даже друг с другом. Но кое-что я знаю о своих спутниках. Крюгер целый день пьет и в пьяной горячке во все горло распевает неприличные песни. Кто-то говорил мне, что в юности он был портовым грузчиком, потом разбогател на махинациях. Невольно веришь в это. Супруги Мишле спят, а когда не спят, то ссорятся. Крюгер и Мишле — мои соседи, рядом, за стеной то ли комнаты, то ли камеры. Об Оуне и Грима мне ничего не известно.

Не перестаю удивляться составу экипажа. Пилот Оун — единственный грамотный в астронавигации человек, но у него нет второго пилота. Я не говорю, что нет врача и радиста. Начальником экспедиции является Крюгер только потому, что он второе лицо государства. Но что он понимает, разве он способен реально руководить полетом? Грим, хотя и энергичен, и имеет профессиональные навыки руководства, но, как и супруги Мишле и я, — откровенный балласт.

Я не верю в возвращение на Беану. Может быть, нам удастся сесте на Аркос, но вот взлетим ли мы оттуда? Мы не располагаем ни специалистами, ни материальными ресурсами. Я думаю, нас убирают. Но зачем?

И почему таким странным способом? Наверное, никто, кроме Морриса, не может ответить на этот вопрос. Но именно этот вопрос убеждает меня в том, что наш полет только начало и что Беану ждет нечто страшное. Планы, рожденные в мозгу Морриса, направлены только на укрепление его личной власти. И он будет изыскивать все новые способы ее укрепления, искореняя память о своих преступлениях. Порой я думаю, чья же участь ужаснее — наша ли или тех, кто будет жить? Что ждет тебя и нашу девочку?»

Крауф нехорошо усмехнулся, эта девочка ввела в свой дом его, Крауфа, ввела в дом, где предсказывалось его появление. Никогда Крауфу не было так тошно, как сейчас.

Он аккуратно сложил письма в металлическую папку

— Ну как, Крауф, у вас нет желания отправить нас к праотцам за раскрытие государственной тайны? — печально спросил Гончаров.

Крауф посмотрел на Бэки. Она сидела неподвижно.

— Тайны? Почему тайны? Здесь, — он ткнул в папку пальцем, — здесь только вопросы. Почему на Аркосе остались люди? Что с ними? Где тот космический корабль? Что с отцом Бэки, наконец? Ответов нет.

— Да, ответов нет. Но я их найду. Бэки, ты отвезешь меня на Космобазу, — сказал Гончаров, — теперь мне понятно, почему по договору с вашим правительством Земля имеет право вести разработки только на Гемме, сколько мы ни просили доступа на другие необитаемые планеты вашей системы... Теперь ясно, что я должен делать.

Когда в ночном небе исчезла космолодка Гончарова, Бэки тихо простонала. Крауфу захотелось ее утешить:

— Он вернется...

Она молча пошла к машине. Крауфу показалось, что

она плачет. Он отвез ее домой, а час спустя писал в Верховное ведомство: «...Закон лжив. Нравственное оздоровление общества не может идти безнравственным путем. Отсюда логически вытекает, что закон не что иное, как прикрытие неблагоприятных целей властей. Ради спасения цивилизации Беаны требую немедленного пересмотра и отмены закона».

Подписавшись, Крауф сам отнес письмо в Верховное ведомство.

* * *

Посадочную площадку я нашел довольно быстро. Однако не обнаружил лоцманских знаков, да и на позывные ответа не получил. И, только открыв люк, увидел людей. Их лица были сосредоточенны и враждебны. Говорили они по-беански.

Конечно, мне следовало подготовиться к тому, что они примут меня за беанца, за предателя, врага. Объясняться с капитаном вооруженного отряда пришлось долго. Он никак не мог взять в толк, где это — Земля, и, главное, как я смог добраться оттуда, из такого далека... А я никак не мог решить, стоит ли объяснять, что прибыл с Беаны.

Главное, что беспокоило капитана охраны, — зачем я к ним вообще явился. Говорить обычное, что говорит землянин при контакте с иным разумом — о связи цивилизаций, о единстве Вселенной, язык не поворачивался. Ничего себе единство! Брошенная, преданная планета..

Мне ничего не оставалось, как повести с капитаном беседу о помощи высокоразвитых цивилизаций космического уровня. Лицо капитана стало еще более суровым:

— Нашим отцам, когда они боролись за будущее, никто не пришел на помощь. Мы в ней уже просто не нуждаемся.

Что ему ответить?! Словом, моя цель для него так и осталась непоясненной.

Потом приехал Председатель Объединенного научно-го совета Аркоса Вилли Клаузен. Он захотел осмотреть мою космолодку. Я понял, что с этим человеком могу быть откровенным.

...Мы стояли у люка, и я объяснял ему принцип устройства двигателей моей космолодки. Жаль, что он не видит моего корабля, тогда, быть может, и поверил, что я с Земли. Конечно, он старался верить всему, но не верил до конца. Я выходил за рамки его представлений о реальности. Он внимательно осмотрел пульт управления, засмеялся:

— Да... Мы вот только собираемся запустить вокруг Аркоса искусственный спутник — установить на нем антенну дальней связи, наладить сообщение между континентами нашей планеты. Пока у нас со связью плохо.

Я никогда не жалел так, что со мной нет Бэки, как в эти часы, когда мы с Клаузеном облетали планету. Нет, не смирились аркосцы с предательством, остались не доживать, а жить на этой планете, разбудили ее к новой жизни!

Как я хотел, чтобы Бэки видела все это собственными глазами!

Клаузен сидел перед экраном обзора и восхищенно поглядывал на овал штурвала.

— На чем, говорите, работает ваша лодка?

Когда я назвал источник энергии, Клаузен неожиданно воскликнул: «О, великие Бенцы!» — и попросил немного изменить курс.

— Пожалуйста, чуть западнее. Я покажу вам место, откуда началась новая цивилизация Аркоса.

Минут через десять под нами показалась гористая местность.

— Здесь мой отец нашел это вещество, — Клаузен быстро написал несколько формул, — мы называем его бенценит, по имени ученого профессора Бенца, который

предсказал его месторождение и исключительные свойства. А внучка профессора, Шейла Бенц, нашла лученит. Только не знала, что его лучи смертельны. Работала буквально голыми руками. Замечательная была женщина! Но заболела неизвестной болезнью, рано умерла. А сколько еще могла сделать! Сейчас лученит изучается и, как предсказывала Шейла Бенц, имеет прямое отношение к энергетике. Но мы пока не знаем, как использовать его энергию — впереди много работы. Понятно, что в основе лежит принцип распада вещества, но вот как овладеть реакцией...

— Смотрите! — воскликнул Клаузен. — Видите белый постамент? Это то самое место, где мой отец нашел бенценит. Мой отец — он был любимым учеником Бенца. Давайте спустимся, чтобы вы могли лучше рассмотреть обелиск.

Мы пролетели над небольшим горным плато. Странно выглядели эти горы. Будто великаны много лет назад пригоршнями выбирали из них породу, а из гигантских ладоней сыпались в беспорядке мелкие камешки. Я сказал об этом Клаузену.

— А что вы хотите, — отозвался тот, — при режиме ста трех разрабатывали полезные ископаемые так, что в отвал шла порода, содержащая огромный процент руды.

Некоторое время мы летели молча, пока Клаузен не сказал с тоской в голосе:

— Мало того, что нас бросили на умирающей планете, они сняли с Аркоса всю производственную базу, весь технологический комплекс. Мы остались сидеть перед обеденным столом, на котором не было ничего, кроме посуды с объедками. В полном смысле этого слова... Последние годы доотлетной эры домашний скот вымирал, гибли пастбища...

— Отчего же? — в обзорном экране я видел альпийские луга.

— Загрязнение биосферы. Нам все пришлось начинать сначала. Вот сейчас вы увидите, как мы перестроим

ли города! Сами, все сами... С нуля. Сто три перед отлетом даже взорвали радиостанцию, а с ней и космическую антенну, которая была когда-то на Аркосе. Повторить это сооружение мы пока не можем. Как сто три боялись, что кто-то узнает о нашей трагедии! Подлецы!

Мы летели над рекой. Она служила ориентиром моему спутнику. Промелькнуло водохранилище с плотиной электростанции, на его глади я заметил несколько парусников.

— Это мы проводим традиционные соревнования молодежи, — сказал Клаузен, — теперь по реке плавать неопасно. Старики рассказывают, что было время, когда капля речной воды, попав на кожу человека, вызывала язвы. Конечно, — продолжал Клаузен, — мы не сразу поняли, что преданы. Убедил нас в этом взрыв космической антенны. К тому же, охраняя себя, старый режим совершил оплошность — в переносном смысле, разумеется. С их точки зрения, в наказание на Аркосе были оставлены представители левых и радикальных партий, в том числе и рабочей партии общественного развития. Теперь это наша правящая партия. Она взяла власть в свои руки, когда сто три бежали. Трудно было, конечно. Нужно было накормить население, одеть, обуть, согреть. Начинался голод, за ним — эпидемии... Лидеры рабочей партии общественного развития начали с самого главного — со всеобщей обязанности трудиться на благо всех и справедливого распределения результатов труда. Только так можно было поднять промышленность, оздоровить города, очистить окружающую среду. Через пять лет голод был побежден. Но все, чего мы добились, мы добились лишь благодаря установлению власти большинства и признания всеобщего равенства. Разве мы заставили бы владельцев оставшихся на Аркосе предприятий тратить средства на очистные сооружения?

— Знаете, Вилли, — сказал я, — давайте сделаем вот что. Я ограничен временем. Мне бы хотелось побыстрее попасть в вашу столицу, посмотреть на нее.

Клаузен предложил мне встретиться с руководителями рабочей партии общественного развития.

Эти люди с интересом выслушали мой рассказ о Земле, о достижениях нашего социального и технического развития, о сотрудничестве в космосе и о том, какой вклад мы могли бы внести в развитие Аркоса.

Потом я рассказал о Беане. Мои собеседники были потрясены.

— Мне кажется, — сказал я, — они боятся вашей мести. Знают свою вину и боятся. Боятся, что честные люди Беаны узнают о вашей участи... или о вашем примере. Есть еще одно обстоятельство. Когда сразу после перелета на Беану население заподозрило что-то неладное с так называемым вторым эшеломом, началось общественное возмущение. В ответ власти отправили к Аркосу корабль. Думаю, его посадка на Аркосе и не была запланирована.

Председатель Совета общей исполнительной воли на минуту сосредоточенно задумался. Потом сказал:

— Верно. Много лет назад было зафиксировано приближение к Аркосу космического тела, но было ли оно искусственным или естественным, мы не знаем. Тело прошло по касательной и исчезло в пространстве. Мы тогда зафиксировали время его прохождения и точные координаты. Специалисты могут дать вам точную справку.

Справку от специалистов по космобаллистике я получил исчерпывающую. Но мне был нужен компьютер, чтобы высчитать, могла ли орбита беанского корабля пройти по касательной к орбите Аркоса. Аркосцы таким мощным компьютером не располагали. Значит, обсчет я мог произвести только на борту «Байкала». Но когда аркосцы узнают о его результатах? И как? Подумав, я предложил оставить на Аркосе аппарат связи моей космолодки. Конечно, установка не обладала мощностью аппарата «Байкала», но для ближайшей космической связи была пригодна вполне. Она могла оказаться не-

оценимой и для установления сотрудничества Аркоса с другими планетами. Так и порешили...

По моим подсчетам, я прилетел на Беану вовремя. Но я все же ошибся. На базе о моем отсутствии знали. В ангаре, где обычно стояла моя космолодка, был произведен обыск.

* * *

Утром, за рабочим столом, Эллис просматривал свежие газеты. Он был доволен. Все они со ссылкой на радиостанцию Производственного континента комментировали акцию комиссии семнадцати — убийство землянина. В это время Эллиса вызвал министр.

— Ознакомьтесь, — он протянул докладную Крауфа, — автор уже арестован. Думаю, не стоит тянуть с этим делом. Но неудобно расстреливать на месте. Все-таки он был одним из лучших агентов. Придется судить по старинке. Сегодня же и казним.

Лицо Эллиса выразило недоумение.

Министр зевнул:

— Вы полагаете, возможен иной приговор? Да, вот что, — министр потянулся в кресле, — что это за белиберда? Бред наших газетчиков заходит слишком далеко. — Он протянул Эллису номер газеты «Производственный континент». — К шумихе мы привыкли. Но это уже чересчур. Я-то знаю, что землянин жив-здоров. — Эллису стало жарко. До него с трудом дошли следующие слова министра: — Займитесь редактором и издателями этого листка. Продумайте время суда над Крауфом. И кстати, это мнимое убийство тоже припишите Крауфу. Дайте сводку по суду над Крауфом прессе. Опровергать убийство землянина не нужно.

Эллис механически собрал со стола министра документацию и словно во сне отправился к себе.

...Ему удалось многое — он загнал Гончарова в ту-

пик, лишил электромобиля, прострелив шины, заставил прятаться среди стройматериалов. Эллис видел, как землянин залез в жерло готовой к установке канализационной трубы, как выскочил из нее, когда Эллис выстрелил в раструб, как спрятался в другую. Эллис опять стрелял, землянин снова прятался, потом затих. Напоследок, чтобы не было сомнений, Эллис расстрелял всю обойму в пустоту раструбов. Было все так же тихо. И Эллису стало по-мальчишески интересно: где, в какой трубе он уложил властителя Вселенной? Но трупа землянина Эллис не нашел...

С растерянностью Эллис справился быстро: так ли уж все потеряно, если землянин жив? Сегодня каждый беанец знает, что из-за произвола правительства комиссия убила землянина. Сегодня еще люди негодуют и ропщут. Убит человек, чьи моральные качества вне сомнений!

Условным кодом он связался с Оуном. Нужно теперь только дожждаться суда над Крауфом. Тут Эллис продумал все детали.

В зале были министры, тот, кого назначили в комиссию на место Крауфа, подсудимый и Эллис.

Крауф держался спокойно.

— Каким образом, — спросил Верховный министр подсудимого, — вы, будучи привлечены к выполнению величайшей акции правительства, могли прийти к выводу, что ваше правительство заблуждается?

— К этому меня подвели действия правительства, моих коллег по комиссии и мои собственные действия.

— Вы уничтожили тридцать граждан. Неужели вы считаете, что во всех тридцати случаях действовали несправедливо?

— Да.

Эллис попросил слова.

— Разве вы не согласны, что новый закон — это воспитательная мера, которая наиболее радикальна, наибо-

лее действенна, чем любая другая для нравственного возрождения нашего общества?

— Новая акция обострила низменные чувства в беанцах.

Со своего места поднялся преемник Крауфа по комиссии. Это был Дрибл.

— Крауф...

— Называйте его подсудимым, — поправил Верховный.

— Итак, подсудимый, — Крауф внимательно смотрел на своего бывшего «подопечного» и чувствовал, как в рту собирается горечь. — Мы поняли, что вы хотели выразить своей докладной, но хотелось бы знать, что побудило вас написать ее. Возможно, какой-то конкретный импульс или просто разочарование в своей деятельности? В последнем случае, что послужило источником разочарования? — От продавца газет не осталось и следа. Перед Крауфом стоял холодный, умный, собранный, расчетливый и властный противник.

— Покушение на жизнь землянина, — голос Крауфа звучал твердо.

Эллис вздрогнул. Значит, и Крауфу известно, где прячется Гончаров? Он спросил:

— Что вы можете сказать об участии землянина? Где вы прячете его? Или его труп?

— Я? — Крауф недоуменно улыбнулся.

— Вы знаете, — с нажимом произнес Эллис, — где землянин. Откуда у вас сведения, что было произведено только покушение, что убийства не совершилось? Вы настаиваете на истинности этих сведений? Суд требует ответа.

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Эллис собрался задать следующий вопрос, но неожиданно двери с предупреждающей табличкой «Вход только для министров Верховного ведомства» распахнулись. На пороге стояло несколько человек. Они были вооружены.

...А потом Эллис, распорядившись об аресте Верховных, перешагнул порог кабинета министра, чтобы самому сквитаться с бывшим руководителем.

Тот поднял голову — ему уже объявили об аресте — и с иронией сказал:

— По нестройному топоту ног в коридоре я понял, что правительство отправилось в свой последний путь? Вы, Эллис, добились своего... Не случайно я никогда не мог понять вас. Вы — человек с двойным дном. Этого я, увы, не знал. Скажите, под вашим вторым днищем нет третьего? Я не верю, что вы в заговоре с чернью. Насколько мне известно, вы человек брезгливый. Ну, ладно. Ответьте мне: а на Беане сохранен закон о последнем желании приговоренных к казни?

Эллис, заранее отрепетировавший все, что он скажет министру и как потребует от него списки и адреса членов комиссии семнадцати, не ожидал, что человек, перед которым он недавно опускал голову, а теперь мог бы лично расстрелять, будет держаться с таким достоинством и заставит его испытывать вместо превосходства унижение и беспомощность.

— Да, — тихо сказал Эллис, — но тут же взял себя в руки и уселся перед министром в непринужденной позе.

— А вы не удовлетворены, Эллис. Поэтому решили переговорить со мной. Вы желаете знать, как можно познакомиться с членами комиссии?

Этого Эллис и вовсе не ожидал. Ответил вызывающе:

— Разумеется, вы интересуете меня как человек, имеющий прямые связи с государственными преступниками. Я обязан найти и уничтожить их. Итак?

— Что? — министр недоуменно поднял бровь.

— Ключ от сейфа, где хранятся документы.

— Позвольте, Эллис, я вскипачу молока? Это последнее желание обреченного. Тем более сейчас время моего второго завтрака. Кстати, в сейфе ничего нет. Ключ я отдам. Там хранятся документы совсем иного характера — вы будете разочарованы.

Эллис сказал устало:

— Вы же понимаете, сопротивление бесполезно. Я все равно найду документы. Кстати, в архиве я уже обнаружил перфокарту, составленную неким программистом Чваем. Там расчет... И итоги. Да, скажите, что за результат вычислил программист? Точнее, его машина. Я не понял.

— Весь обсчет — блеф. Вы правда ничего не поняли? Значит, мы вас переоценили. Вы оказались рядовой личностью. Но я вам объясняю. После введения нового закона люди стали думать не о том, довольны ли они своей жизнью и своим правительством или нет, а о том, что каждый из них — грешник. — Министр сделал паузу, тщательно собрал крошки со стола в пухлую квадратную ладонь, бросил их в корзину для бумаг. — Мы-то с вами знаем, что все грешники, не так ли? Только в разной степени. Так вот, люди начали думать не о том, как жить получше, а о том, как остаться в живых. Теперь вам, надеюсь, ясно, что было незачем вести учет бесконтрольной и аморальной акции? Разве дело в том, чтобы отправить на тот свет десяток хулиганов? Нет, не об этом мы думали. А хорошее прикрытие для борьбы с чернью — «борьба за нравственное оздоровление населения?» Поэтому мы не привлекали к акции вас, наш обиженный дружок, исключительно зная ваше служебное рвение. Как видите, в чем-то мы недооценили вас, а в чем-то явно переоценили.

Эллис растерянно спросил:

— Но ведь комиссия посылала отчеты?

— Посылала. Я их в глаза не видел. Их тут же уничтожали. Зачем лишняя писанина?

— А принцип подбора комиссии? Там же был специальный подбор!

— Это я однажды решил развлечься. — Министр засмеялся. — Я пригласил учителей младшей школы. Они страшно тряслись, бедные старушки, когда сидели в этом кабинете. А я попросил их рассказать об их учени-

ках, которые им запомнились необычайностью поведения и характера. Так вот, одна рассказала о девочке, плакавшей от чужих обид, другая — о мальчугане, которого называли совестью школы. Он был не по годам совестлив. Третья — о мальчишке, беспощадном даже к себе. И так далее. Потом я нашел этих детей, уже выросших. Было интересно проследить за их судьбами. Сравнить, какой был ребенок и что из него вышло.

— Но какое отношение...

— Эх, Эллис, Эллис! Вы в одной ситуации видите семь вариантов семи поступков, а эти люди видели только по одному. В экстремальных условиях, в которых постоянно пребывали члены комиссии, налет условности, привычек, традиций, мироощущений пропадает. Люди возвращаются к мироощущению своего детства. Они жалки, но одновременно страшны, эти взрослые дети. Кстати, у меня есть один человек, который непосредственно занимается комиссией семнадцати. И непосредственно занимается персонально вами, Эллис. Он не ребенок. Он взрослый, серьезный человек. Эх, Эллис, уж коли вы захотели власти, то явно начали не с тех. — С этими словами министр посмотрел на часы, вынул головку завода и направил ее в рот. Глаза его остекленели. Эллис понял, что в часах была ампула с ядом. Ему стало досадно: он ничего не узнал. Но теперь понял: надо спасать из тюрьмы Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что сказал министр во время их предыдущей встречи: «Я-то знаю, что землянин жив-здоров». Об этом знал Крауф. Эллис еще недолго задерживался в кабинете министра. Поспешно обыскал труп. Да, ключи от сейфа министр всегда носил с собой во внутреннем кармане.

В сейфе хранилось несколько папок. Эллис судорожно схватил их и, бросив на стол, стал искать материалы о комиссии. Их действительно не было. Не было ничего, что так или иначе могло быть связано с пресловутой комиссией. Но постепенно Эллис начал интересоваться находкой. Толстую папку под грифом «Совершенно се-

кретно» — «Протокол перелета Аркос — Беана» он отложил, пролистав. Интересно, но длинно. Протокол о высылке государственных преступников показался ему вообще неинтересным. Он сам их выслал на полярные рудники немало. И тут он увидел радиоперехват: «На Беане Эпсилона законодательно действует так называемая комиссия семнадцати, члены которой наделены правом убивать на месте каждого по своему усмотрению. Цивилизация в опасности: население планеты ежедневно уничтожается. Выяснил существование в системе Эпсилона на планете Аркос пробеанской цивилизации. По некоторым данным, планета была обречена на гибель ввиду экологического кризиса. Пытаюсь узнать подробности и принять меры. Космолетчик первого класса Алексей Гончаров».

Эллис похолодел. Но успокоила его копия приказа агенту второго ранга Миккасу Пру установить в стартовое устройство космического корабля «Байкал» электромины. Верно сориентировались, отметил Эллис. Ключ на старт — Земля берет свой корабль на радиомаяк. А то, что одновременно с двигателем срабатывает электромина, легко списать на стартовую катастрофу. Главное, ключ-то только у землянина... И в корабле он был — живой и невредимый. Для Земли это факт, не поддающийся сомнению.

Чудесно! «Байкал» пока стоит на месте. Дальше Пру сообщает, что землянин вылетел на космолодке к Арко-су. Кто же мог подсказать адресок?

И как ни жаль было времени, Эллис принялся внимательно читать папку, содержащую первую государственную тайну Беаны.

* * *

Крауфа опять усадили на скамью подсудимых.

— Вы обвиняетесь в жестокости и преднамеренном убийстве тридцати человек. Вы обвиняетесь в предна-

меренном совершении тягчайшего преступления против гуманности. Есть ли у вас возражения?

— Нет.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я подчинялся правительству, которое направило меня на эту акцию.

— Прежнего правительства не существует. Его члены смещены и подлежат суду, — сказал председательствующий.

В это время в зал вошел Эллис — Крауф сразу узнал его. Не взглянув на скамью подсудимых, Эллис подошел к председательствующему. Крауф увидел, как тот, на вид непоколебимый и ровный, вдруг смутился.

Эллис поднял голову и посмотрел на подсудимого:

— Вы привлечены по ошибке, Крауф. Дело в том, что Дзей Оун, — он кивнул на председательствующего, — и все мы знали вас как неукоснительного и последовательного исполнителя жестокой воли Верховного ведомства. И только я знал, что вы изменили свой образ жизни. Мы приносим извинения за досадное недоразумение и надеемся, что вы станете нашим другом.

Спустя некоторое время, сидя за столом с Дзеем Оуном и Эллисом, Крауф пытался свести концы с концами. «Почему эти люди ищут моей дружбы?» — взволнованно спрашивал он себя.

Дзей Оун, глава нового правительства, уже не держался независимо и сухо.

— Итак, вы глава переворота? — с сомнением обратился к нему Крауф.

Тот покосился на Эллиса и утвердительно кивнул.

Слушая разговор Оуна и Крауфа, Эллис посмеивался про себя. Он хорошо помнил те цели, которые преследовал, когда отдал распоряжение Оуну, своему нынешнему руководителю, о немедленном выявлении и истреблении членов комиссии. Во-первых, устанавливая их личности, члены организации Оуна ему самому давали выход на этих людей. Во-вторых, в случае неудачи

выступления организации он смог бы представить правительству не только списки заговорщиков, но и конкретных участников покушения. Это придало бы вес пошатнувшемуся в последнее время престижу Эллиса.

— Так что вам нужно от меня сейчас? — мысли Эллиса прервал вопрос Крауфа.

— Вы, как никто, можете нам помочь.

— Вряд ли.

— Но, кроме вас, никто не знает в лицо членов комиссии. Это первое. Вы должны быть осведомлены об их злодеяниях. Это второе. А третье, и самое главное, как я слышал, из всех членов комиссии вы были наиболее справедливым. Конечно, если это слово уместно по отношению... Вы понимаете меня. Вы должны помочь нам по борьбе с карателями.

— Что ж, — сказал Крауф, — есть возражение. Кроме меня, членов комиссии знают Верховные.

— Они расстреляны, — поспешно вставил Эллис.

— Кто приказал? — удивился Оун.

— Я, — кратко ответил Эллис и продолжал тоном, не терпящим возражения, — даже в архиве не осталось никаких данных о семнадцати. Видимо, министр юстиции держал с ними личную связь. — Говоря так, Эллис продолжал сомневаться, что министр мог действительно пустить акцию на самотек.

— Не кажется ли вам, Эллис, — медленно проговорил Дзей Оун, — что расстрел без суда и следствия уподобляет нас тем карателям, с которыми мы боремся? Вы поступили опрометчиво и своевольно.

— А при чем здесь я? Это воля большинства, — безразлично ответил Эллис и быстро взялся за чашку. — Единственное, что удалось обнаружить в архивах, — это перфокарта, составленная программистом Чваем.

Оун встрепенулся:

— Он убит. Это вы убили его, Крауф. И видимо, не случайно. Он что-то знал.

Крауф удивленно покачал головой:

— Помню, в кафе «Эпсилон» он издевался над женщиной, угрожал пистолетом. Был сильно пьян. Но что он мог... Нет, и в голову это мне не приходило тогда!

В разговор вступил Эллис:

— Не думаю, что вы много потеряли, Дзей. Программист мог сообщить вам, что разработанная машиной социологическая программа перспектив применения закона определила, что закон противоречит основам существования демократического общества, общества вообще и является способом укрепления власти. Что же касается деятельности комиссии семнадцати, то машина дала довольно пространный итог. Я его даже специально выписал. — Эллис покопался во внутреннем кармане пиджака и извлек аккуратно сложенный листок, прочитал: — «Открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил с использованием крайних форм насилия против народа и лжесоциальной демагогии».

— Знай мы все это раньше, — горячо сказал Оун, — мы могли бы сразу разобраться, разоблачить и предотвратить наступивший кошмар.

— Увы, — задумчиво проговорил Крауф, — сделанного не вернешь. Подумайте к тому же, как я могу доносить на людей, с которыми недавно был тесно связан?

— Стало быть, — нахмурился Оун, — вы отказываетесь нам помогать?

— Вы столько перенесли в этот день! Подумайте, Элдар! Отдохните и подумайте. Отвлекитесь от личных переживаний, и верное решение придет само собой. Иначе страшно подумать... Резня может принять катастрофические масштабы, мы окажемся бессильны.

Домой или к сестре Крауфу ехать не хотелось. Когда он вышел на улицу, то понял, что единственный человек, к которому его тянет, — это Бэки.

Крауф шел по пустынным улицам. Точно все попря-

тались. Или вымерли. Или перебиты его бывшими приятелями. Кто знает? И чем ближе подходил Крауф к дому Бэкки, тем сильнее ему казалось, что все пережитое — кошмарный сон.

Дверь квартиры оказалась опять открытой. Но на этот раз хозяйки дома не было. В растерянности Крауф прошел в гостиную — следы недавнего разгрома были тщательно убраны, стена заделана. Видимо, Бэкки в редакции, решил Крауф. Он уже хотел развернуться и отправиться в редакцию «Вечернего Эпсилона», но его остановил голос Эллиса.

— Что, пришел за документацией? Беглянка, судя по всему, утащила ее с собой. — Крауф похолодел.

Чувствуя, что севший голос выдает его, он с натушной легкостью ответил:

— Что за документация?

Эллис отозвался из полумрака:

— Иди сюда. Я уже кое-что нашел. Раз ты здесь, поговорим. Думаю, ты расскажешь мне многое, если не все.

— За кого ты меня принимаешь?

— За натуру сильную, хотя не лишенную романтического начала, словом, за того, кто ты есть. Оружие на стол!

Крауф невольно повиновался.

— Видишь, насколько я оказался прав! Итак, ты категорически отказался от своей деятельности?

— Да.

— Тогда будь логичен до конца. Если ты не с ними, то против них. Не так ли? Да ты сядь.

— Возможно, да.

— Значит, ты с нами. Поскольку мы против них.

— Нет. Я не предатель.

— Это лозунги. Они хороши для других случаев. Итак, имена и адреса твоих коллег. Я жду. Что ты рассказал землянину о перелете? Что тебе рассказывал

твой отец — ведь он был врачом первой экспедиции? — без всякого перехода вдруг спросил Эллис.

Крауф подавил внутренний трепет:

— Ничего. Да и мне известно не больше, чем всем.

— Что сейчас на Аркосе? Что знает землянин? Зачем он летал туда?

— Спросите у него. Как я понимаю, это его профессия.

— Ну что ж, я приглашал тебя к деятельности гуманной. И гуманным образом. Теперь я заставлю тебя и, прости, негуманными методами. — Эллис оглянулся. — А квартирка неплохая... Да, ты не знаешь, где хозяйка? Не летит ли с землянином? Откуда он узнал об Аркосе?

Крауфа передернуло. Эллис встал с кресла, толкнул дверь в спальню, вошли трое. Один из них шагнул к Крауфу и заломил руки за спину. Пытка продолжалась около четверти часа. Эллис молча рылся в бумагах на столе Бэки. Крауф терпел, все время поражаясь себе, что такое можно вытерпеть...

Потом трое отошли, смотрели на Крауфа, словно любясь своей работой.

— Уходите, — тихо сказал им Эллис.

Он сел на тахту, держа в руках несколько листов. Палачи вышли, притворив за собой дверь.

— И теперь ты не хочешь помочь справедливости, брат мой?

Крауф вздрогнул.

— Я правильно назвал ваш пароль? Не сопротивляйся, все равно твои «братья» в моих руках. Я даже знаю, когда пароль семнадцати произносится: если один просит другого оказать чисто техническую помощь. Так?

Крауф обессиленно застонал.

— Меня интересует землянин и Аркос. Что задумал землянин? Зачем он туда полетел? Зачем радировал на Землю о нашем новом законе? Что он хочет? Денег? Власти? Говори, или никто не узнает, кто убил тебя и за что.

— Откуда тебе известен пароль? — спросил Крауф. Эллис засмеялся:

— Предпочитаешь поменять тему? Ну, хорошо... Ни за что не отгадаешь. Я тут разбирал бумажки этой милой дамы... Неплохой репортер. Так стремилась к эффекту присутствия в одном из своих репортажей, что невзначай выболтала государственную тайну.

— Не клевети.

— И в мыслях нет. Правда, опубликовать этот репортаж она при старом режиме не успела, иначе по головке ее не погладили бы. Жаль, что так же легко она отнеслась и к другой государственной тайне. Мне не пришлось бы сейчас развлекаться с тобой. Имей в виду, я эту куклу держу за волосы. Она близка с землянином? Она в курсе его дел? Так вот, если ты сейчас не выложишь мне все как есть, я разыщу репортершу и на твоих глазах мои ребятишки поиграют ее ребрышками...

— Ты изверг!

— Я?! Ну же... Я ведь никогда не называл тебя палачом.

— Прекрати или...

— «Или» не будет. Я уважаю твои чувства.

Крауф проскрипел зубами:

— Это что, продолжение пытки?

— Да нет. Давай вернемся к нашей теме. Значит, говоришь, нужно спросить у землянина? Что ж, обязательно спросим. И все же для начала все вопросы — к тебе. Ты, увы, упрям, но мы не дети, мы сломим твоё упрямство. Тебя будут пытать долго и страшно, пока ты не заговоришь или не умрешь. А умрешь ты не скоро, здоровье у тебя отменное — слабых в комиссию не брали. Но если вы с землянином разговоритесь, я приглашу врача, и, может быть, ты поправишься. Когда вернется землянин?

— Не знаю.

— Ну, что ж, поедem в госпиталь, брат мой. Мои ребята что-то перестарались сегодня, а мне нужно узнать

многое. И что тебе говорил твой отец, и что знает Гек, и что привез землянин с Аркоса, все-таки интересно, какие там новости.

В госпитале Эллис приказал сиделке доносить ему обо всех, кто придет навестить Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что тот человек, о котором говорил министр, занимается не только комиссией, но и им самим, персонально.

* * *

Гоночная неслась на огромной скорости. В ней трое. Среди них — женщина. Кто же из них тот самый?.. Когда вышли на межконтинентальное шоссе, Эллис подумал: а вдруг в комиссии стало известно об отступничестве Крауфа? О том, что он попал в переделку с новыми властями и, возможно, пойдет на сговор с ними? Тогда вряд ли эти люди пришли бы в госпиталь к Крауфу. Или они не имеют отношения к комиссии.

По межконтинентальному ехали долго. Эллиса уже начала утомлять серая лента дороги между редкими белыми зданиями сельскохозяйственных комбинатов. Потом начались леса — зона отдыха. Вероятно, все-таки не то — эти трое едут развлекаться. Эллис совсем приуныл и чуть было не потерял из вида гоночную машину, когда она неожиданно для него свернула на боковую трассу.

Он остановился. Посмотрел, как гоночная ушла за кустарник. «Другой дороги здесь нет», — подумал он и повернул в сторону города.

Порой Эллис до боли отчетливо понимал, что обида, которой, по сути, и не было, завела его слишком далеко. На дорогу, где все зыбко и неясно. Уж не перехитрил ли он свою судьбу, исковеркав дорогу, по которой было так уверенно, легко и надежно идти? К тому же дела принимали оборот еще более неприятный, чем предрекал министр. В рискованные планы Эллиса вмешался еще и

землянин. Чем он опасен? Комиссия семнадцати была нужна Эллису лишь затем, чтобы, опираясь на нее, прибрать власть к своим рукам, а не делить ее с Оуном и его соратниками. Но привези землянин на Беану правду об Аркосе и Великом перелете, расскажи он всему этому сиротскому, выросшему в интернатах поколению, которое составляет основное население Беаны, что такое деморфин, который сначала обратил людей в рабов, а потом убил их, какую роль во всем этом сыграли Верховные, поток гнева сметет и самого Эллиса, и порождение Верховных — комиссию семнадцати, на которую Эллис сейчас делал свою ставку. Справиться с этим потоком не помогут ни самый жестокий террор, ни самая извращенная демагогия о защите морали, нравственности, прав человека. Эллису самому было жутко, когда он читал отчет о так называемом перелете.

Ставя машину в гараж, Эллис грустно напевал свой любимый мотив. А в целом все же, хотел он думать, день прошел неплохо. Он узнал, где их логово. Вошел в квартиру, прошел на кухню, налил себе вина, собрался выпить и услышал голос своей невесты:

— Здравствуй, а меня ты не хочешь угостить?

События последнего времени научили Эллиса ничему не удивляться, но появление Ингит его поразило.

— Ты... — прошептал он пересохшими губами, — откуда ты? Как я рад, что ты не забыла меня! В моей жизни многое изменилось! Знаешь, я теперь большой человек...

— Знаю...

— Тебе, наверное, сейчас трудно живется? Но теперь все наладится. Мы будем жить вместе, все будет хорошо.

— Сейчас большинству живется нелегко.

— О, да ты, конечно, голодна. У меня есть все! — Эллис засуетился.

— Спасибо, — в голосе Ингит прозвучала насмешка. Эллис не обратил на это внимание.

— Я понимаю, я все понимаю. Но не говори так. Ко-

нечно, трудно сразу вернуться к прошлому. Это пройдет, главное, что ты пришла. Ведь ты же пришла...

— Да. Но не за тем.

Эллис невольно обернулся. И увидел направленный на него пистолет. Он понял, что помешать ей не сможет. И он прошептал:

— Помоги справедливости, брат мой...

Ингит остолбенела.

* * *

Первым делом я обсчитал на компьютере «Байкала» возможную траекторию полета космического корабля с Беаны. Компьютер указал мне и оптимальное время для старта, до него оставалось теперь несколько часов.

База словно вымерла. Ни Оуна, ни его подчиненных. Следы обыска... Значит, и здесь побывала комиссия семнадцати.

К счастью, я быстро нашел Бэки. Она была в редакции.

— Тут такое творится, — закричала она в трубку, — так все улаживается... — Я ни слова не понял, Бэки, как всегда, захлестывали эмоции, и, остановив ее на полуслове, я начал:

— Слушай внимательно. Аркос жив. Но корабль твоего отца там не садился. Слышишь? Не садился... Но кажется, я могу найти его, даже, возможно, транспортировать на Беану. На Аркосе я оставил радиосвязь моей космолодки. — Бэки молчала. Но по звукам в трубке я понял, она плачет. И сказал: — На базе я один. Вылетаю в полночь. Жди меня на базе не позднее завтрашнего полудня.

Я направился к «Байкалу». У дверей рубки меня остановил телефонный звонок, и я услышал голос Оуна:

— Я никогда не верил сплетням о твоей гибели.

— Благодарю... — все, что у меня нашлось в ответ, — где вы, Дзей?

— Читай газеты, узнаешь. Прошу тебя, навести Крауфа, он в центральном госпитале.

— Что с ним, где вы, Дзей? — снова спросил я, но Оун положил трубку.

На базе мне удалось найти последний номер «Производственного континента».

Итак, во главе нового демократического правительства мой тихий инженер. Это меняет дело. Надо ехать к нему, рассказать об Аркосе. И нужно, чтобы в поисках пропавшего космического корабля и в поисках разгадки трагических событий на Беане приняли участие и люди планеты. Это же их дело. По пути к Оуну я решил навестить Крауфа.

У постели Крауфа дежурила пожилая сиделка. Увидев меня, она тихо выскользнула из палаты.

На Крауфа было больно смотреть.

Он силился улыбнуться:

— Я не ждал вас, Алексей...

— Что случилось? Кто посмел?

— Вам нужно немедленно улетать. При нынешней ситуации остается только удивляться, как вы еще живы. И вы и Бэкки... А у вас, Алексей, самая страшная роль — роль соглядатая.

— Какая ситуация? О чем вы говорите, Элдар?

— Эллис, вы не знаете его, но запомните это имя, Эллис ищет членов комиссии. Но не для справедливого возмездия. Увы, это я понял только здесь. Он найдет их и для своих целей начнет использовать, они жестоки, они пойдут за ним. Эллис узурпатор... Помните о Моррисе, о нем писала мать Бэкки? Эллис достойный его премьер. Но вместе с тем, как всякий подлец, он боится... Поэтому он хочет знать, что тебе известно об Аркосе...

— Чем я могу помочь вам, Элдар?

— Дело не во мне. В беанцах. Эллис поднял черное знамя.

— Вы говорили об Эллисе с Оуном?

— Увы, да. Но Оун пребывает в розовой эйфории. —

Крауф умолк на полуслове, в комнату вошла сиделка со шприцем в руках. Я простился.

Из госпиталя я отправился прямо в бывшее Верховное ведомство. Мне удалось встретиться с Дзеем Оуном. Встреча вышла натянутой и бесполезной. Оун не поверил мне. Эллиса Оун хорошо знал, считал его надежным человеком. И тут в разговор вступил темноволосый человек, сидевший спиной к нам, — он разбирал документы в пухлой папке.

— Я бы серьезнее относился к Эллису, Дзей, — мрачно заметил он. — Я бы не доверял бы ему полностью.

— Это наш попечитель безопасности, — представил мне его Оун, заметив мой интерес к этому человеку. Я внимательно смотрел на него, он был довольно молод, но в его темных волосах уже пробивалась ранняя седина.

К рассказу об аркосской цивилизации Оун отнесся с восторгом:

— Вот, наконец-то мы протянем друг другу руки! В едином порыве мы объединим усилия и преодолеем искусственный, ненужный барьер, что возведен между нами общими врагами. Вы должны рассказать об Аркосе сегодня же на нашем заседании Совета попечителей.

— У нас будет время для подобного выступления. К тому же завтра у меня будут новые факты. Сегодня в ночь я стартую. Будьте осторожны, — сказал я на прощание Оуну, — берегите себя и своих друзей.

Он пожал мне руку.

...Стартовал я нормально. Правда, к моему удивлению, в момент старта на Беане погасло освещение. Главный континент погрузился в глубокий мрак. Только за кромкой океана слабо светилось зарево — продолжал работу Производственный континент. «Что же случилось на Главном?» — беспокоился я. Но когда «Байкал» выходил за пределы беанской атмосферы, я увидел: Главный континент вновь озарился переливами огней.

Ингит знала только одно — Эллис назвал пароль, и она выполнила свой долг: привезла его на виллу. Конечно, ей могли возразить, что тот, Дрибл, тоже назвал пароль. Ну и что? Тот пришел сам. Этого она привела. Есть определенная разница. В конце концов он знает пароль, а друг он или враг — в этом можно разобраться...

— ...Планета в руках ублюдков. Они поведут цивилизацию вспять. Они распустят общество, развратят его. Только потому, что не умеют, не могут твердой рукой держать бразды правления. Вы — новая элита Беаны. И вы должны держать бразды правления. Вы должны спасти планету от полного краха. Я пришел, чтобы помочь вам.

— А если нам не нужна ваша помощь? Если мы и сами имеем ясное представление, что нам делать? Такой поворот беседы не входил в ваши планы?

— У меня не было и нет никаких иных планов, кроме одного желания: спасти планету, — последняя фраза прозвучала патетически, это Эллис понял по насмешливым взглядам слушателей и на минуту замолк.

— Чтобы спасти планету, надо иметь над ней власть, — скептически сказал кто-то, — нам же, как я понимаю, предстоит еще ее захватить. Для этого нужно хотя бы появиться в Верховном ведомстве. Это опасно — не сидят же они сложа руки.

— Они отменили аппарат насилия. Охрана невелика, — твердо сказал Эллис.

Комиссия молчала. Кто-то отозвался из темного угла:

— Мы должны подумать, не так ли?

Раздалось нечто вроде одобрительного гула.

— А вы, Эллис, — продолжил тот же голос, — покуда отдохните. У нас приготовлены для вас вполне приличные апартаменты.

Дрибл брел по некошеному лугу. Его мысли были заняты одним: как же эти люди примут его?

Из-под ног выпорхнула птица. Он засмеялся. И сам удивился своему смеху — такому счастливому и спокойному. Так беззаботно он радовался только рядом с матерью...

Дрибл проводил глазами птаху и решил отдохнуть. Сел на траву и с ясной отчетливостью понял, что близок к итогу, к цели того главного дела, начало которому положил его отец.

Отец был трезвым и дальновидным политиком, но и он вряд ли предполагал, что все так обернется. И хорошо, что письмо отца, где излагались принципы закона, у Дрибла с собой. Письмо — главный козырь при встрече с бывшей комиссией.

Отцом Дрибла был бывший Верховный министр Аркоса Пэт Моррис. Дрибл узнал это в день своего совершеннолетия, когда отца уже не было в живых. В тот день мать вручила Дриблу предсмертное письмо отца и маленький конверт, о котором упоминалось в отцовском письме.

«Когда ты поймешь, что планета на грани социальной катастрофы, приложенное письмо ты отправишь в Верховное ведомство на имя своего дяди. Он придет к власти после меня, но ему никогда не понять, как разумнее всего сохранить свою власть.

Эта мысль не давала мне покоя. Некогда мне казалось, что проблема решена в эпоху переселения, когда я рассматривал второй континент Беаны как резервацию для черни. Судьба дала мне в руки средство, не буду обременять тебя его описанием, благодаря которому мне удалось заселить второй континент людьми, не представляющими иной жизни, кроме труда. Однако среди тех, кого я пытался превратить в трудовую касту, началось

расслоение. Социальное расслоение рано или поздно приводит к общественным противоречиям. Выделились технократы. Рано или поздно они захотят политической власти и станут опасны. На Главном континенте, увы, произошел тот же процесс. Те, кого я рассматривал как обслуживающую касту, постепенно богатея, сформировались в мелких хозяйчиков, средних собственников. Вряд ли они скоро задумаются о политике, но придет и их черед разделить власть с Верховными.

Все начнется с политического недовольства. Противопоставить ему я могу только свое завещание. Эту тайну я доверяю только тебе...».

В день, когда Дрибл узнал о принятии нового закона, министр юстиции, ближайший друг отца, сказал ему:

— Теперь ты должен сделать все, чтобы акция правительства не превратилась в акт самоубийства. Ты должен знать об этих людях все — не захотят ли и они добиться власти! Это желание необходимо пресечь в корне!

И еще министр добавил, что искать связь с комиссией Дрибл должен самостоятельно, не разрушая кропотливо созданной легенды.

Дрибл усмехнулся, вспомнив, как легко ему удалось поймать Эллиса на крючок. Жаль только, что не удалось сорвать его планы до конца. Ну что ж, землянина он, по крайней мере, спас... Этот профессиональный провокатор Эллис создал для толпы достаточно подходящий миф: комиссией убит лучший из людей...

Теперь осталось повести за собой эту комиссию, предложив ей целенаправленно бороться за реставрацию традиционной власти Беаны, но под руководством новой элиты — семнадцати. Но вдруг они не захотят идти за ним? Что тогда?

Дрибл встал с травы, отряхнул брюки и отправился на виллу, которую сам же приобрел для комиссии на случай... Впрочем, он не думал тогда, на какой. Он счи-

тал, что должны же где-то собираться вместе и общаться, отдыхая, борцы за справедливость! Министр одобрил приобретение.

* * *

Когда случилось это, ему стало страшно — кажется, впервые в жизни. Он закричал. Но вскоре умолк — что о нем подумают?! Слабак? Слюняй? Остался наедине с трупом и полез от страха на стенку!

И тогда Эллис забарабанил в крышку люка и начал громко выкрикивать: «Его нельзя упускать! Его нельзя упускать!»

«Братья» не скоро откликнулись. После того, как он крикнул, уже без паники в голосе, но и без надежды, что его услышат, — «Мы проиграем, если дадим ему уйти!» — наверху загревели замками. Значит, отметил Эллис, они все-таки были рядом.

— Сегодня стартует корабль землянина. Он летит на Аркос, Беане грозит интервенция, колонизация... Они отомстят!

Эллис рассчитывал, что от этих слов наверху должна начаться паника. «Братья» пойдут на разговор, а поэтому выпустят его отсюда. Он не будет голословен, он выложит перед ними три документа, которые придадут комиссии решимости и силы. Те два, из министерского сейфа, и этот — добытый таким неожиданным и невероятным путем.

Вообще в этой истории не было ясно только одно: если не Крауф, как предполагал Эллис, а Дрибл человек министра, то зачем комиссия сунула его, как и Эллиса, в подвал? Может быть, они не знали?.. Или не поверили Дриблу? Или планы Дрибла оказались им неудобными?

Удивительная встреча! Дрибл играл под простачка. Куда же ему было деваться после суда над Крауфом? Только уходить вместе с комиссией. Эллис решил подыграть ему, сказал, что комиссия пленила Дрибла по наущению Крауфа. И тут они разговорились по-приятель-

ски. Так, на дружеской ноге, Эллис вел обычно негласные допросы. Дрибл этого не знал, не понял и проговорился.

— Власть — бесспорно, удел избранных. Всякое отклонение от этого правила преступно. Я пытался внушить эту мысль комиссии, но увы...

Эллис все понял. Так говорить мог только человек министра. Значит, Дрибл стоит не только на пути комиссии, но и на его пути. И неизвестно еще, какими средствами борьбы он располагает. Эллис не помнил, как кинулся на Дрибла, как покатались они по холодному полу, как Дрибл пытался схватить его за горло и он, чувствуя удушье, вцепился Дриблу в волосы, потом сел ему на грудь и молотил головой о каменную стену, пока голова не стала в его руках податливой и теплой от крови. И вот тут-то он узнал, что такое ужас...

...Когда Эллиса привели в дом, в ту же большую комнату с длинным столом, там уже собрались все члены комиссии. Эллис рассчитал точно — в неопределенной ситуации охотнее верят худшему.

— Когда улетает землянин?

— В полночь. Так он сам сказал Оуну.

— Что можем сделать мы?

— Самое большее — не дать ему добраться до Арко-са. Он летит туда уже не на космолодке, как в первый раз, на грузовом корабле. Ясно, он готовит десант! Вот и его радиogramма на Землю.

Пожалуй, этот козырь оказался самым действенным. Боевая группа быстро собралась. Ингит была с ними. Эллис отозвал ее в сторону:

— Не суйся туда. Там могут быть дела серьезные. Под стартовым устройством землянина — электромина.

— Почему ты молчал об этом?

— Мина может не сработать. Наконец, он мог ее обнаружить. Подстраховаться же необходимо.

Ингит отошла, задумавшись, а когда уехала боевая группа, она услышала голоса из соседней комнаты:

— Да, выслушать его следует. Честно говоря, тот тип мне сразу не понравился. — Ингит увидела, как к тем двоим подошел Эллис. — Тебе, приятель, повезло, — это было обращено уже к Эллису, — у тебя глотка оказалась мощнее. Тот тоже что-то горлопанил о важном сообщении.

Эллис сразу понял, о чем идет речь. Он знал, что хотел сообщить комиссии Дрибл. В кармане его пиджака он нашел письмо, содержание которого расшифровывало перфокарту программиста Чвая: «Создание комиссии наемных убийц, безусловно, дохлая кошка в политической игре. Она устроит мелких хозяйчиков и убедит их в необходимости твердой единоличной власти диктатора. Мелкие хозяйчики поддержат акцию — и станут самой надежной опорой власти. На Производственном континенте комиссия, став средством устрашения, окажется орудием подавления революционных выступлений. Действие закона пройдет два этапа. Как уже явствует, сначала он будет средством укрепления наследственной власти. Вторая стадия его развития будет протекать подспудно и неотвратимо. Ее суть будешь знать только ты: рано или поздно члены комиссии, став людьми, непохожими на других, — сверхжестокими, сознающими свою избранность, не знающими пределов и ограничений, — придут к реальной власти. Возможно, это будет связано с кровавым переворотом. Верховных члены комиссии либо вышвырнут с политической арены как старый хлам, либо сохранят как музейную реликвию, придавая своим действиям внешне благопристойный вид привычной демократии. Ты должен стать над этими людьми и повести их за собой.

Я хотел бы передать тебе крепкую власть. Власть Верховных изживает себя. К тому же перешагнуть через традицию я не смею... Поэтому я могу лишь начертать перед тобой тот путь, который приведет тебя к твоему законному месту. Не кори, что этот путь окажется тернист».

Больше всего Эллиса поразило то, что письмо Морриса и перфокарта Чвая раскрывали его собственные самые сокровенные устремления...

— Так вот, — начал Эллис, — теперь пора переходить к конкретным действиям. Борьба за власть начинается с борьбы за независимость. Думаю, все знают Верховный банк. Из банка есть тайный вход в Верховное ведомство. Я проведу вас в комнату заседаний Оуна. Ни один его министр или, как они себя называют, — Эллис хохотнул, — попечитель, не вооружен. Оружие, видите ли, противоречит их нравственным нормам.

— Что мы будем делать после захвата власти? Как исправлять ситуацию? Кто нас поддержит?

— Нас? Вы знаете, что происходит на континентах? О да, чернь ревет от восторга, а остальные? Расстреляны только Верховные. А мелкие предприниматели, лавочники, крупные фермеры? Они не спешат на зов Оуна отдать на всеобщую потребу свое небольшое хозяйство. Вспомните о членах пятидесяти семи семей и о тех, кто им близок! Оун лишил их всего и заставил прятаться. Пока они робко сопротивляются. Но приди мы, и они с радостью выйдут нам навстречу. Мы, и только мы, нужны им. А что мы будем делать? Править! И так, как на Беане, этого не делал никто и никогда!

Ингит не дослушала Эллиса. Пожалуй, она никогда еще не испытывала такого желания посоветоваться. Она не знала человека более способного дать верный совет, чем Крауф. Ингит потихоньку вышла, вывела из гаража машину, стараясь не привлекать к себе внимания, и направилась в город.

Когда ей в госпитале сказали, что у Крауфа был землянин, она крайне этому удивилась.

— Слушайте, Крауф, вы знаете хотя бы, чем этот тип грозит Беане? — сразу спросила она.

Крауф улыбнулся и тихо сказал:

— Гончаров мирный человек, сегодня он улетает на Землю.

— Он сказал вам это твердо? — Ингит подошла близко, взялась за спинку кровати.

— Совершенно точно. В полночь он улетает навсегда.

Насчет полночи — это верно... Ингит взглянула на часы. До отлета землянина оставалось сорок минут.

— Так вот, чтобы вы знали. Эллис получил данные, что Гончаров летит вовсе не на Землю. Он готовит интервенцию аркоосцев. Оказывается, они живы, их месть... Поэтому нужно сделать все, чтобы Гончаров не взлетел. И хотя под стартовым устройством заложены электромины...

Крауф внимательно глянул на Ингит, с трудом сел на постели, перенес с тумбочки к себе на колени телефонный аппарат.

— Бэки, — сказал в трубку, — под кораблем Алексея взрывчатка, электромины. Предупредите его, если успеете.

Ингит долго не раздумывала. Предателю — смерть!

Спокойно перезарядив оружие, Ингит пошла к машине. Она ехала к городской энергоподстанции. Если эта Бэки захочет помочь землянину, другого пути у нее нет.

Что ж, противница оказалась достойной. Умная женщина безошибочно поняла, как следует поступить. Ее машину Ингит увидела недалеко от энергоподстанции. Электромобиль летел на предельной скорости, и Ингит усомнилась, что догонит его. Когда подъехала к подстанции, перевела пистолет на автоматический режим. Пришлось убрать и охранников, и дежурных рабочих.

Бэки была уже у пульта. В ту секунду, когда Ингит взвела курок, она взялась за рубильник. Ингит выстрелила. Бэки повисла на рукоятке...

Все погрузилось во тьму. Ингит досадовала — землянин успел стартовать.

Шло совещание правительства Дзея Оуна. Попечитель права написал отчет, в котором признал, что изолировать от общества бывшую комиссию семнадцати пока не удастся. После установления на Беане демократических норм гражданской жизни все они скрылись.

— Они убили Эллиса, — сказал попечитель здравоохранения.

Оун поднял печальные удивленные глаза.

— Главный врач центрального госпиталя, куда Эллис поместил Крауфа, доложил мне, что Эллис начал слежку за посетителями Крауфа. И пропал сам. Видимо, напал на след негодяев. Увечья Крауфа тоже дело рук семнадцати. Они отомстили ему за отступничество.

— Эллис шел по верному пути, — вставил попечитель права. — Надо почтить его память.

Все молча переглянулись.

— Я не могу в это поверить, — прошептал Оун, подумал, что, к счастью, не доверился словам Крауфа и Гончарова о страшных замыслах Эллиса. — Если у Эллиса есть родственники, позаботьтесь о них должным образом. А сейчас перейдем к вопросу о ходе национализации промышленности и распределении доходов от производства.

— Творится полная неразбериха, — начал попечитель промышленности, — вчера электромобильный завод и несколько других предприятий Производственного континента вообще прекратили работу. Предприятия захватили вооруженные бандиты, которые встретили огнем вышедших на смену рабочих. Судя по всему, бандиты — ставленники бывших владельцев. Неизвестно кто убил главного инженера швейного комбината, которая первой сняла пломбы с законсервированных цехов и пустила туда работниц из числа незанятых...

— И вы на это смотрите?.. — негодуя спросил Оун попечителя права.

— К сожалению, я не могу все сделать. Мой аппарат — всего несколько работников, которых я привез с Производственного континента. Мы с попечителем безопасности занимаемся формированием дозоров из населения. Кроме того, мы уже вооружили работников четырех предприятий на Производственном континенте для защиты производственных комплексов.

— Почему только четырех?

— Неизвестными взорван арсенал. Оружия пока больше у нас нет.

Слово взял попечитель народного благосостояния:

— Нужно принять меры, в первую очередь касающиеся...

Но попечители так и не узнали, что он хотел сказать. За их спинами открылась потайная дверь, и загремели выстрелы.

— Здесь не все, — сказал Эллис, — птички выпорхнули. Недостает попечителя транспорта, внешних сношений и безопасности.

Эллис взял записку из рук мертвого Оуна.

— Дурачье! Вместо того чтобы искать нас, они принялись за комбинации с промышленностью. Итак, дело сделано. Перейдем в другое помещение, необходимо обратиться к народу с воззванием. Его выработкой мы и займемся.

* * *

Когда я догнал корабль беанцев, то увидел, что обшивка его была во многих местах пробита микрометеоритами. А вот антенны, очевидно, повреждены крупным метеоритом. Сопла двигателей обгорели давно, заметил я их только потому, что знал: они должны быть где-то там... Очень странная конструкция была у последнего корабля беанской цивилизации. Вот, собственно, и все, что я смогу сказать Бэкки. Погибший корабль. Я опустил на себя рычаг космического причаливания.

Огромные ангарные манипуляторы «Байкала» захватили эту махину и начали медленно втягивать в шлюзовую камеру. Автоматический регулятор манипуляторов прикидывал, как бы ловчее это сделать. Наблюдая на экране возню манипуляторов с кораблем, я невольно вспомнил прошлогоднюю рыбалку на Земле. В сети запутались две рыбины. Щука наполовину заглотила крупного окуня, но никак не могла понять, что даже ее хищная пасть имеет ограниченный объем. Она била хвостом, но расстаться с добычей не могла. Вот и манипуляторы бьются, не понимают, что в шлюзовую камеру «беанец» полностью не зайдет. И быть нам вместе, как той щуке с полузаглоченной добычей. Манипуляторы все же сработали на совесть. Минут за двенадцать «беанец» почти до половины зашел в шлюзовую камеру. Еще через минуту сработала автоматика роботов, которые взяли на себя люк корабля. Железным «малышам» пришлось нелегко — кончилось все тем, что их электронные мозги приняли крайнее решение: я увидел на экране, как из железных лапищ заструились тонкие струйки лазера. Люк отпал, как засохший листик с ветки. И я услышал нечеловеческий вой.

Я бросился в шлюзовую камеру. Забыл, что нужно было отключить роботов. Их железные лапы крепко схватили меня за локти. Я рванулся, оставив в лапах этих бездушных истуканов всю верхнюю часть комбинезона, вошел в беанский корабль. Тут же включилась сирена опасности. Я понимал, что сзади меня горит табло «Белковое существо опасно для человека!» — это мои стражи наказывали меня за мой бунт. Перестраховщики!

А белковое существо сидело в углу отсека и смотрело на меня.

Только потом я догадался, что он безумен. Когда, собрав все мужество, я улыбнулся ему, подошел ближе, заговорил, он по-обезьяньи запрыгал от меня в сторону. Я понял, что он испугался. Его желто-белые, слипшиеся

в колтун волосы мешали рассмотреть лицо. Я спросил:
— Кто вы?

Существо — мне было бы страшно назвать его человеком — ответило мне диким хохотом, на секунду притихло, и в его глазах неожиданно проблеснул разум:

— Крюгер.

Надеясь, что просветление продлится, я задал ему вопрос:

— Где Гек? Грим? Где ваши спутники?

Если гримасу, исказившую его лицо, можно назвать улыбкой, он улыбнулся. В глазах промелькнуло лукавство, и он заговорщицки подмигнул мне: поманил заскорузлой рукой в соседний отсек.

...В углу были свалены человеческие кости.

— Пойдем на ледник, там интересно, — звериным прыжком он подскочил ко мне и взял за руку. Роботы расценили этот жест по-своему. Они усыпили Крюгера.

...Не зная назначение этого отсека, я попал в него случайно, там я и нашел бортовой журнал, а еще дневник инспектора Грима. Эти записи многое разъяснили мне.

ЗАПИСИ ИНСПЕКТОРА АНРИ ГРИМА

Старт мы перенесли довольно тяжело. Сейчас включилось гравитационное устройство. Я пишу... Оун отказывается вести бортжурнал. Незачем и не для кого. Я не верю в это. Я надеюсь, что мои записки будут прочтены. Даже если прав пилот, распускаться нельзя, нельзя терять человеческий облик. Я определил себе занятие. Более почтенное, чем пьянство или брань. Мишле ругаются друг с другом, клянут весь белый свет, — омерзительно... Крюгер сидит возле холодильника и пьет. Я пытался остановить его. Он сказал, что теперь ему все безразлично. Это после слов Оуна. Наверное, если начинать описывать наш полет, то начинать это

описание следует со слов Оуна. Когда мы вышли за гравитационное поле Беаны, Оун начал было корректировать траекторию полета, но отказало рулевое управление. Он решил поправить поломку. Обнаружилось страшное: внутренний механизм ручного руля был полностью демонтирован. Об этом позаботились прежде, чем посадить нас сюда. Гек сказал, что ожидал чего-то подобного. У Мишле, обоих сразу, случилась истерика, но и ее они направили друг против друга. Противно Оун все время пытается что-то сделать.

Мы поспали. Прошли сутки. Оказалось, корабль наш движется по замкнутой эллиптической орбите. Без ручного управления делать нечего. Оун сказал, что можно надеяться на область притяжения Аркоса. Гек добавил, что это наименьшее из зол — станем рукотворным живым метеоритом и сгорим по всем правилам в верхних слоях атмосферы нашей прародины. Все стали ждать, что будет дальше.

К концу следующих суток мы проскочили Аркос. Мы обречены. Оун сказал, что корабль проходит как раз между двумя полями тяготения — Аркоса и Беаны. Мишле почему-то сказала, что даже бесцельный бесконечный полет — лучший выход из ее положения. Я промолчал. Хотя, наверное, именно мой рассказ пролил бы свет на причины нашего полета. Ведь началось все именно с того, что ко мне явилась Мишле, чтобы рассказать следующее.

Еще на Аркосе она была любовницей Морриса. Он неожиданно оставил ее, увлекшись Шейлой. На Беане в отсутствие соперницы Мишле захотела вернуть расположение Морриса. Напрасно. Из чувства мести сошлась с Крюгером. Крюгер раскрыл ей тайну деморфина. Всем объявили, что запрет на употребление деморфина членами ста трех семей вызван необходимостью экономить препарат, который нужен работающим. А Крюгер объяснил Мишле, что на самом деле это потому, что деморфин действует на мозг и каждая таблетка уносит часть

жизни. Конечно, госпожа Мишле удивилась, **отчего же** деморфин не запрещен повсеместно, но Крюгер ответил, что, мол, Морриса это устраивает. Тогда у Мишле сложился план мести. Зная, что я вел расследование дела Бенца, зная, видимо, что из-за меня Шейла отвергла Морриса, она решила именно моими руками доставить Моррису неприятности. В тот вечер госпожа Мишле дала мне в руки то недостающее звено преступления. **Фактор**, который я безуспешно искал. Перелету могла помешать раскрытая тайна деморфина. Вот истинная **причина** гибели Бенца. И вот его убийца — Моррис.

Да, Бенца убил Моррис. Следы маленьких **ног** на вилле — пустой камуфляж. Интересно, Вернер до сих пор ищет убийцу с маленькими ногами? Несомненны доказательства вины Морриса: показания госпожи Гек, отстранение меня от ведения дела и поведение Морриса при нашей последней встрече.

Я тогда как бешеный ворвался к Моррису и потребовал немедленного полета на Аркос. Моррис ответил, что всему свое время. И тогда я сказал, что в моих руках улики против него. По правде говоря, их у меня еще не было. Моррис озверел, кинулся на меня с кулаками. Потом схватился за пистолет, орал, что он вне подозрений, что я слишком далеко зашел, слишком много себе позволяю. Поигрывая оружием, вдруг добавил, что готов пойти мне навстречу. «Кажется, — усмехался он, — вы соскучились по госпоже Шейле? Если вы настаиваете, я готов предоставить вам возможность слетать за нареченной. Посодействую, найду вам и подходящую компанию». Это косвенное доказательство его вины: он решил от меня избавиться. И конечно, уже в тот момент думал, что смерть от пули — жалкая для меня кара...

Застрелился Оун. В предсмертной записке он написал, что не может перешагнуть собственную беспомощность. Мы положили его тело в холодильный отсек. Кто знает, может быть, удастся похоронить когда-нибудь...

Когда спали, умерла госпожа Мишле. Первая жертва

деморфина среди нас. Гек скис. И тут прорвало Крюгера. Его рассказ потряс нас. Меня он назвал недалепо-видным мальчишкой. В общем, никакого второго эшелона и быть не должно. Списки первого эшелона — это сетка выживания на Беане. Она рассчитана на нужды возрождения цивилизации в условиях молодой планеты. Словом, лишние рты не нужны. Чтобы похоронить эту тайну, в момент отлета с Аркоса там были взорваны космический радиотелескоп и космическая антенна. Крюгер сам руководил работой саперов, а затем и расстрелом этих саперов. И, закончил Крюгер, у Морриса есть еще одна блестящая мысль, как ограничить население и держать его в узде. Подмигнул и пояснил, что саму идею нам знать необязательно, ибо она — дело будущего, до которого мы, естественно, не дотянем.

Я сбился со счета. Кажется, летим тринадцатые сутки. Впрочем, впереди у нас вечность, так не все ли равно. Когда мы спали, умер Мишле. Сквозь сон я слышал стоны. Крюгер сказал, что у Мишле было больное сердце. Наше кладбище растет. Выбрасывать тела в пространство представляется мне кошунством. Нашел какую-то астрономическую книжку Оуна. Там сказано, что космические тела,двигающиеся по свободной эллиптической орбите, могут сокращать диаметр своего эллипса. Интересно, мы летим по свободной траектории? Может быть, есть все же надежда? Крюгер смеется надо мной и пьет. Гек говорит о жене и дочери. Вслух вспоминать семью — его единственная отрада.

Опять слышал ночью стоны. Даже померещился шум борьбы. Гек умер. Сегодня восемнадцатые или двадцатые сутки. Мы остались вдвоем с Крюгером.

Двадцать восьмые или тридцатые сутки полета. Сегодня с утра Крюгер проверил запасы. По его словам, лет на шесть, если экономить. Еще Оун говорил, что нам достался корабль, на котором транспортировали с Аркоса провиант, но не успели разгрузить. Так поспешно нас

отправляли. Можно считать, нам повезло. Крюгер зовет меня в холодильник — делить продукты. Боится, как бы я его не объел. Смешно...»

На этом записи инспектора Грима обрывались. Я сложил рассыпавшуюся тетрадь.

Крюгер спал под охраной роботов. Что же с ним делать? Может быть, медики найдут способ хоть ненадолго привести его в сознание? Он мог бы многое рассказать.

Я перешел на рулевое управление и начал посадку.

Космодром базы был искорежен взрывом. Я с трудом вывел корабль на новый виток и совершил посадку в открытом море. Хорошо, что роботы приварили люк арко-ского корабля на место. Надеюсь, понтоны не подведут. «Байкал» не затонет.

Записи Грима я спрятал в водонепроницаемый пакет, за Крюгером оставил приглядывать роботов и спустил аварийную шлюпку. До берега было несколько морских миль. Мне повезло: полный штиль. Можно считать, повезло вдвойне: я вспомнил о гребном канале, по которому можно добраться прямо в город.

Город поразил меня. Даже в самые жуткие дни разгула комиссии я не видел его таким. То и дело натыкался на следы настоящих сражений.

Неподалеку от Верховного ведомства шла перестрелка. Вдруг на меня кинулись. Двоих я отшвырнул. Подбежал еще какой-то бандит с ножом, от него мне удалось влететь в первую раскрытую дверь — это оказался магазин.

Здесь было относительно спокойно — если не смотреть на убитых, не слышать, как стонут раненые. Живые методично вытаскивали из шкафов и холодильников припасы, сваливали их в мешки, засовывали в карманы. Некоторые ссорились, деля продукты.

Я скрылся за шкафом. Отсюда было видно, как тот, с длинным ножом, стоял в дверях. Видимо, он караулил

меня. Но через минуту его внимание отвлек сгорбленный старик, который пробирался к выходу, неся на вытянутых руках пакет. Мой страж пригрозил старику ножом, пакет отнял. Старик, не сопротивляясь, вернулся в магазин. «Страж» сел поперек двери, покопался в пакете и стал жевать, не сводя глаз с торгового зала. Я оглянулся, увидел пробоину в витрине, через которую вполне можно было бы пролезть. Пополз к ней. Вылез, только порвал карман комбинезона. Своего стража, не ждавшего меня со стороны улицы, я оглушил ударом кулака и короткими перебежками отправился дальше. Подойти к Верховному ведомству мне не удалось. Площадь была оцеплена. Свернул в проулок и забрел в какой-то двор.

Там собирались кремировать трупы. Сверху тщательно уложенного жуткого людского квадрата я увидел еще более заострившееся костистое лицо моего тихого инженера.

Значит, Оун так и не оценил слова Крауфа... Я нащупал на груди водонепроницаемый пакет. Теперь мне оставалось идти только к Бэки. Поднимаясь по лестнице в ее квартиру, я мучительно думал, как рассказать Бэки о судьбе ее отца.

Дверь была раскрыта, но Бэки дома не оказалось. Я отправился в редакцию.

В отделе информации «Вечернего Эпсилона» сидела секретарь.

— Где репортер Гек? — спросил я с порога. — На задании?

— Нет, — ответила она, и в глазах девушки я увидел испуг.

— Где я могу найти главного редактора? — Мне казалось, уж он-то мне разъяснит, где следует искать его сотрудника, но главное — этот человек должен выслушать меня, я машинально тронул свой пакет на груди.

— Он арестован новыми властями, — секретарь испуганно смотрела на меня, — многие арестованы, кто поддерживал старый режим.

— А Бэки?

— Я вас узнала, — сказала девушка, но выражение ужаса, с которым она смотрела на меня, не сходило с ее лица, — вы землянин, — она на секунду осеклась, переводя дыхание, — Бэки... Нет, я ничего не знаю... — она опустила глаза. — Не могу сказать...

— Где тюрьма?

Девушка вздрогнула. Потом медленно вытащила из стопки лист бумаги и написала адрес, спросила:

— Вы полагаете, она там? — В ее голосе прозвучала надежда.

Естественно, других предположений у меня не было. Я отправился на городскую окраину.

Я понял, что сейчас восторжествовало на Беане. Фашизм. Самый обыкновенный фашизм. Как же многолико это зло, какие неожиданные формы оно способно принимать! Но в основе его всегда и везде ненависть к тем, кто хочет свободы и честного труда — тех, кто хочет паразитировать и властвовать. И нельзя терять бдительности, нельзя пройти мимо, нельзя оставаться наблюдателем.

В караульном помещении тюрьмы со мной поначалу отказались разговаривать. Ждали подношения — слишком очевидно, чтобы не понять. Но что я мог предложить им? Я умолял отдать заключенную под расписку, разъяснял охранникам, что, когда вывезу Бэки Гек на Землю, она не будет представлять никакой опасности для нового режима Беаны. Да и сейчас... Она обычная слабая женщина. Надо мной потешались. Но тут пришел еще один охранник — повыше чином.

Шутя и балагурия, ему рассказывали обо мне, о Бэки, о предложенной расписке. Тот пристально глянул на меня и коротко сказал:

— Начальник с ним разберется, — от этой короткой фразы как-то сразу стихли шутки.

Меня повели. За спиной зловеще щелкнули затворы. Тот, видимо, младший офицер, шел впереди, а позади чеканили шаг охранники. «Надо отсюда выбираться», — подумал я со странной отрешенностью, когда опять услышал лязг затворов. Передо мной распахнули еще одну дверь. Это была приемная начальника тюрьмы.

Охранники остались за дверью.

— Этот тип, — сказал офицер, — требует свою девушку, какую-то журналистку, говорит, увезет ее...

— Что, на Производственный? Опять... — раздраженно перебил его начальник, не отрываясь от бумаг, а тот продолжал:

— Подальше, пожалуй. На планету Земля.

Начальник хмуро посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но тут зазвонил телефон, и я услышал доносившийся из трубки женский голос:

— По вашей просьбе соединяют с Кибритом Эллисом. — Я насторожился. — Это имя, которое упоминал Крауф!

В трубке зазвучал рокочущий голос — слов я не разобрал.

— Да, — подтвердил начальник тюрьмы, энергично кивая головой, — попечитель безопасности уже опознан. Со вчерашней партией заключенных. Самые...

В трубке опять раздался рокочущий голос. Видимо, Эллис говорил что-то неприятное для начальника тюрьмы, потому что тот начал оправдываться в чем-то и вдруг сказал:

— Да, сойти с ума в этой обстановке легко. У меня, к примеру, сидит посетитель, который собирается лететь на Землю, только для полного счастья ему не хватает какой-то корреспондентки. Сейчас она под стражей в лазарете.

Когда Эллис заговорил в ответ, лицо начальника

тюрьмы напряглось. Он поднял на меня встревоженные глаза. Несколько раз он повторил: «Будет исполнено, слушаюсь, ждем вас...» — повесил трубку и приказал:

— В особую. Под двойную.

Офицер охраны протянул руку к кобуре.

Я понял — нельзя терять ни минуты. Надежда придала мне силы! Бэки здесь! В лазарете — она жива!.. Только бы добраться до «Байкала», уж там-то я поставлю ее на ноги!..

Прием джиу-джитсу свалил с ног офицера охраны. Тяжелый двухтумбовый стол опрокинул начальника тюрьмы. Дверь я выбил ногой.

Когда стол опрокинулся, к моим ногам упал пистолет. Я поднял его и затаился у стены. Немного переждав, спокойно вышел во двор. Передо мной неожиданно появился дежурный.

— Ну что, нашел свою красотку? Если она у нас, значит, не приказала долго жить. Кто тебе пропуск подписал?

Я похолодел. Оттягивая время, принялся рыться в карманах. Дежурный ждал. Потом вдруг спросил:

— Да есть ли он у тебя? — И подозрительно глянул мне в лицо. Я сжал в кармане пистолет.

Но тут над тюремным двором застрекотал вертолет, дежурный присвистнул и, мгновенно забыв обо мне, бросился к помещению начальника тюрьмы. Это был вертолет Эллиса — на нем светились опознавательные знаки бывшего Верховного ведомства.

Стоя у тюремной стены, я обдумывал свои возможности. Я один на один выхожу на вожака палачей — Эллиса. Здесь, в тюрьме, попечитель безопасности правительства Оуна. Он мой союзник, значит, его нужно освободить. Эх, где мои «железные малыши» с их лазерными пальцами... Впрочем, я не имею права выпускать их на поверхность обитаемой планеты. Они могут стать

орудием насилия. И стали бы в этой ситуации — включившись на программу «Космолетчику грозит опасность».

К вертолету подали легкий трап, первым спустился беанец в нарядном костюме. Судя по всему, это и был Эллис. Неплохо бы вытрясти из него душу! И тут у меня возник план действий.

Едва Эллис и его сопровождающие отошли от вертолета, я направился к машине. Трап убрали. Но подтянуться на руках — дело пустячное. Рванул на себя скобы дверцы — она легко отошла. В вертолете был пилот. Пришлось опять вспомнить борцовский ковер. Бросок через себя — надеюсь, я не очень повредил пилота...

Пока я был в безопасности. Но в кабинете начальника тюрьмы уже началась суматоха. Во дворе появились охранные отряды. Ясно, ищут меня. Дежурный дает указания, горячится, размахивает руками. Он ведь видел меня последним.

Я включил двигатели. Наугад нажимая кнопки, нашел механизм цепляющего фала. Рванул вертолет хвостом к тюремному зданию, выпустил фал к оконным решеткам, крюком захватил одну из них на втором этаже, со всей силой потянул на себя ручку управления. Машина резко пошла вверх, задирая нос. Раздался страшный треск. Я оглянулся: решетки окон, видимо, были сблокированы — обрушилось полстены. Из разлома посыпались люди. Охрана, преодолев минутную растерянность, бросилась к ним, выстраиваясь в цепь. Я снизился, сделал крутой низкий вираж. Уши ломило от грохота! Лопастей едва не касались людских голов. Я бросил фал к решеткам первого этажа. Заключенные, видимо, ждали этого. Они поспешили на помощь — кто-то ловил фал, цепляя его, кто-то помогал расчищать выломанную стену, помогал выбраться из-под нее людям... Пошла рукопашная.

Эллис! Он пробирался вдоль стены к воротам.

Ну нет, этого я не могу допустить! Он не уйдет. Он останется здесь — живой или мертвый... Я посадил вертолет и бросился вдогонку. Эллис, лавируя среди толпы, шел к караульному помещению. Я кинулся наперерез. Он заметил меня и понял мой маневр. Долю секунды мы стояли друг против друга, каждый оценивал возможности противника. Эллис кинулся в сторону. Я упал ему в ноги, он неловко рухнул, на его пиджаке разошелся шов. За прореху в пиджаке я и уцепился. Но Эллис успел из него выскользнуть. Я выхватил пистолет. Эллис опередил меня — пуля обожгла мне предплечье. Прячась за спинами заключенных, он начал отходить. Стрелять я боялся — можно было задеть окружающих.

Вскоре я почти настиг его. Пистолет Эллиса дал осечку, и тогда он пошел в лобовую. Его удар пришелся по раненому предплечью. Я осел от боли. Он бросился, чтобы меня добить. Следующий удар — рукояткой, пришелся по голове, сознание поплыло. Я успел лишь подставить ногу. Он упал, но быстро поднявшись, бросился к стоящему неподалеку тюремному грузовику.

— Держите его! — закричал я. — Держите!!!

Последнее, что я видел, — это толпа, шарахнувшаяся от бешено мчащегося грузовика. Сидевший за рулем Эллис гнал машину к воротам. Удар, звон разбитого стекла — и машина исчезла за поворотом.

...Я очнулся от острой боли.

— Главное, кости целы, — надо мной склонилось лицо, показавшееся знакомым, — мясо нарастет. Рана пустячная, не тревожьтесь. Можете встать?

Я узнал этого человека. Не мог не узнать, потому что надеялся на встречу с ним. Попечитель безопасности, поддерживая меня под руку, тихо говорил кому-то:

— Его тоже надо переодеть. Комбинезон и рана могут вызвать подозрение.

* * *

Портовый контроль, проверяющий пропуска у группы охранников, не обратил никакого внимания на человека в серо-полосатой одежде и грязной обуви. Группа в форме тюремной и полицейской охраны взяла торпедный катер и с двумя заключенными, мужчиной и женщиной, явно больными после пыток, отправилась в открытое море. Портовый контроль не вмешивался в дела полиции. И поэтому никто из портовых служащих не видел, что именно тот раненый заключенный, едва держась за поручни палубы, указывал дорогу.

1977 г.

ПЛИОЗАВР-45

Повесть

Часть первая

1

Не открывая глаз, Баранов схватился за поручни койки. Сел, встряхнул головой и понял, что лодка резко пошла на глубину. Кто сейчас на вахте, не пора ли ему?! И облегченно вздохнул: рано. Хронометр показывал четырнадцать сорок. Почему-то вспомнил рассказ отца, капитана торпедного катера, что у них вахта валилась в ту же койку, с которой только-только поднялся сменщик, и спала мертвым сном до следующей пробудки. Теперь не то. Их атомная подводная «Академик Ширшов», оборудованная для научного исследования

морей, — образец комфорта. Не случайно ее выбрали для экспедиции международного экипажа. И теперь «Академик Ширшов» выполнял специальное задание под флагом Организации Объединенных Наций. На борту — французы, американцы, итальянцы — представители заинтересованных государств и государств-наблюдателей, через чьи территориальные воды проходит трансатлантический кабель. Последнее время участились случаи повреждения кабеля. Инженеры кабельных судов, проводившие ремонт, обратили внимание на странный характер повреждений, явно отличный от типичных случаев природного воздействия. Повреждения токопроводящих жил, изоляции и оболочки были таковы, будто некто работал автогенем, закладывая взрывчатку — как правило, на относительно небольших глубинах. Проблема приобрела политическую окраску. Рьяные западные комментаторы опять заговорили о международном терроризме. Взаимные подозрения усилились, когда акустикой кабельных судов несколько раз был зафиксирован движущийся объект, создающий устойчивое отражение. Обследование района одного из повреждений выявило следы на морском грунте — биологи идентифицировать их не смогли. После чего и было принято решение направить АПЛ «Академик Ширшов» — курс пролегал строго над кабелем.

Холодная, пахнущая хлоркой и океанической рыбой вода вернула бодрость. Побрился, повертел в руках причудливый флакон с одеколоном — подарок Луи Парсюме, французского навигатора.

Перед выходом из порта помощник капитана сказал: «На нас, советских членах экипажа, лежит двойная ответственность. Мы составляем костяк экипажа, мы — хозяева подлодки и должны вести себя соответственно. Предельная внимательность, чуткость, заинтересованность. При том — быть начеку. Среди офицеров — представители западных спецслужб. Думается, дальнейшие пояснения излишни».

Китель сидел ловко — совсем новый, сшитый в Ленинграде меньше года назад, после окончания Макаровского училища. Штурман Баранов глянул еще раз в зеркало и, вполне довольный собой, пошел в кают-компанию.

За маленьким столиком майор в форме американской морской пехоты играл в шахматы с главным океанологом Плетневым

Баранов подсел к итальянцам-акустикам. Они говорили по-французски, знал этот язык и Володя. С американцами общаться было проще — все они на подлодке говорили по-русски с самым незаметным акцентом.

— Есть ли новости?

Вивари блеснул ровными зубами — казалось, он постоянно улыбается, предельно беззаботен, и имя у него веселое, как у известного певца, — Клаудио.

— Опять прошла та тень. Дуайнер, — он кивнул на майора за шахматным столиком, — настороже. А Мак-Кензи, — Вивари имел в виду американского навигатора, — говорит, что это Несси пришла на нерест.

Его соотечественник Карло Мауэр покачал головой.

— Я не уверен, что к этой тени можно так легко-мысленно относиться. — Мауэр в отличие от соотечественников говорил по-французски с трудом. — Вторично тень появилась в сопровождении стаи дельфинов, которые шли на меньшей глубине, но параллельным курсом. Повтор заставляет думать о закономерности. А если, — он покосился на американца, — если... это продукт дельфинария?

Дуайнер обернулся. Лицо было бесстрастно, глаза остановились на Карло.

— Плетнев объявил мне шах, — заговорил он, обращаясь к Баранову. — Как вы думаете, штурман, а не запросить ли мне тайм-аут? Ведь мы с океанологом ведем явно позиционную игру.

Баранов вежливо улыбнулся. Сказал, не скрывая иронии:

— Но ведь после тайм-аута может быть мат.

— Этого допустить нельзя. Только шах. Потом еще шах, и разойдемся.

Баранов наскоро перевел итальянцам короткий диалог. Вивари громко рассмеялся, Мауэр поднялся с кресла, отошел к экрану.

— Мы опять погружаемся, — мрачно сказал Карло.

Все промолчали. Дуайнер вытащил курительную трубку, поймал тоскливый взгляд Вивари.

— А тут еще вы душу трубкой бередите, майор! Все отдал бы за пару затяжек, — сказал итальянец. — Тоска...

— Знаю. Это я так, по привычке. Как чуингам — туда-сюда, и думаешь, что куришь колумбийский. Не пробовали, штурман? Кстати, о Колумбии... Сегодня мы смотрим замечательный фильм замечательной киностудии «Колумбия-пикчерз». Вестерн, вендетта, ковбой... Вы молодой, вам понравится. Кстати, сможете крутить, как положено на флоте: с начала до конца, потом с конца до начала, можно с середины и наоборот — не надоест. И главное, хэппи-энд всегда торжествует. Это наш принцип — торжество хэппи-энда.

— Вы уверены? — вдруг обронил Плетнев. Американец ответил ему пристальным взглядом.

— Мне бы очень хотелось знать, — заговорил Вивари, — что за Несси нерестится рядом с межконтинентальным кабелем...

— Отлично сказал Жюль Верн, — перебил Дуайнер. — Человек, покоривший океан, есть самый могущественный человек. Переведите, штурман. И хотя я давно не читаю Жюля Верна, в этом с ним совершенно согласен. Такой человек может все. Даже повредить кабель. Наделать много бед.

— Опасен не человек, — тихо заметил Плетнев, — силы, которые за ним стоят. Уж коль вы заговорили о

Жюле Верне... Его капитан Немо поставил свои безграничные возможности на службу справедливости. Он помогал тем, кто борется за независимость и свободу.

— Я не очень хорошо помню роман в целом... — с деланным равнодушием отозвался майор и опять устался на шахматную доску.

— А о том, как использовали океан во зло, есть тоже хорошая книга, — продолжал Леонид Михайлович, — нашего писателя Беляева. Называется «Человек-амфибия». Там нет хэппи-энда, но есть мысль, что зло, какой бы силой, каким бы запасом прочности ни обладало, никогда добра не одолеет.

— А вы знаете, — подхватил Карло Мауэр, — в литературе вообще главное — мысль. Не жизнеописание, не характеры, а мысль, притом мысль воинствующая, отделяющая зерна от плевел, указывающая, за что автор борется, против чего восстает...

— Подобная мысль, — покачал головой Леонид Михайлович, — важна не только в литературе. — Он понял: назревает очередная дискуссия, к которым уже начали привыкать на борту. — Что же касается литературы, то мы тут, ей-богу, плывем, как на «Наутилусе», — есть у нас свой француз Аронакс, и свой шотландец Нед Ленд...

— И свой Немо — капитан Барсуков, — засмеялся американец, но его смех потонул в звуке сирены. «Тревога!» Все бросились к дверям кают-компаний.

Из динамиков слышался голос капитана:

— Внимание! Находимся над местом обрыва кабеля. Начинаем донное погружение. Глубина — 320 метров. Водлазам — готовность номер один. Глубоководное погружение с гелиокислородным обеспечением...

В аппаратной, толкая друг друга у окуляров, волновались акустики и связисты. Те, кому здесь не хватило места, сгруппировались возле шлюзовальных камер. Бы-

ло слышно, как мелодично гудят, попискивают приборы. Сергей Баруздин, монтажник-подводник из Новороссийска, еще не сняв шлем, удивленно развел руками. И, едва шлем отвинтили от скафандра, изрек:

— Золотая рыбка приплыла, хвостиком вильнула, яичко упало и разбилось, — но осекся под перекрестными взглядами Дуайнера и Плетнева.

— Странное дело, товарищ командир, — водолаз обращался одновременно и к Барсукову, и к Плетневу. — Такое впечатление, что опять работали автогенном.

— Что, рядом опять какие-то следы? — быстро спросил Дуайнер. Плетнев только сдвинул брови.

Баруздин не ответил, принялся разоблачаться. Все с нетерпением ждали, когда он вылезет из скафандра. А он не спеша потер ладонями лицо, оттянул стягивающий шею свитер:

— Тут уж дело не мое... Не знаю, чье... Есть там след, как на том снимке. Я бы сказал, будто дельфин стал на хвост. Пусть ученые смотрят. Снимки мы тоже сделали. Но зачем дельфину кабель?

«Началось всплытие», — раздалось из динамика.

Для команды всплытие всегда в радость. Подняться на простор, глотнуть земного воздуха, увидеть небо...

У выхода на верхнюю палубу матросы тянули шутовый жребий, кому отдраивать люки.

— Все равно на палубу первый выйду я, — весело сказал Вивари.

— Если вы первый, то я непременно второй, — нарочито громко поддержал итальянца Дуайнер.

— Отдраить люки! — прозвучала команда.

И первым по узкому трапу вверх бросился Вивари.

«Температура за бортом плюс двадцать один градус, волнение моря один балл», — доносилось из динамиков.

— Курорт! — зажурился от удовольствия Баранов и полез по трапу вслед за Вивари, стараясь, однако, не показать своего нетерпения старшим — рядом поднимались Плетнев и Дуайнер.

Дальнейшее пронеслось перед Барановым как ускоренный киноролик. Ботинки Вивари, едва коснувшись палубы, поднялись над ней, в воздухе мелькнуло перевернутое, искаженное ужасом лицо итальянца, потом пролетели беспомощно машущие руки, будто сопротивляющиеся неведомой силе, тянущей куда-то потерявшее волю тело...

Еще миг — громкий всплеск — и тишина.

«Волнение моря — один балл» — снова донеслось снизу.

Поверхность воды равномерно окрасилась красным. Баранов не верил своим глазам... Он что было сил, не помня себя закричал:

— Человек за бортом!

Баранов прыгнул в воду и вскоре обнаружил медленно погружающееся тело.

Итальянца подняли на палубу. Вивари не дышал, глаза закатились. Меж лопаток торчала рукоятка кинжала.

— Не прикасайтесь! — строго прикрикнул врач, когда Баранов протянул руку к кинжалу. — Может быть... — Он быстро произвел осмотр. — Нет, никаких надежд, — заключил он, вытаскивая стальной клинок из бездыханного тела. Вдруг он в изумлении поднес его к глазам. — Боже мой! Мне приходилось видеть такие. В Белоруссии, в детстве, я видел... Это немецкий кинжал. Назывался он — «Все для Германии».

— Верно, док. — Дуайнер, вооружившись носовым платком, осторожно взял клинок из рук врача. — Отпечатки пальцев после пребывания в воде вряд ли остались, но тем не менее... Этот кинжал действительно называется «Все для Германии». Им, как именным оружием, награждались наиболее отличившиеся в годы второй мировой войны офицеры вермахта. Но откуда он мог появиться здесь?

Капитан Барсуков обнажил голову.

— Фантазмагория... — он обвел глазами лица присутствующих.

Наружное и подводное наблюдение не зафиксировало в акватории подлодки «Академик Ширшов» ни судна, ни пловца, ни аквалангиста. Убийца Вивари в прямом смысле этого слова канул в воду.

— Вероятно, уголовное расследование убийства Вивари будут вести итальянцы, — обращаясь к Плетневу, сказал Дуайнер. — Ведь преступление совершено в их территориальных водах, да и погибший — соотечественник. А мы с вами, мистер Плетнев, будем выступать по этому делу свидетелями. Как и наш молодой друг мистер Баранов. Мы трое последними видели Вивари.

Плетнев молчал. Он сопоставлял разговоры акустика Вивари о зафиксированной приборами тени с бесплотным убийцей Вивари. Над Средиземным морем повисла еще одна тайна.

2

Цикады трещали прямо под вышкой. Ивар, казалось, заслушался и опустил бинокль. Реваз тут же поднял свой и невольно улыбнулся, подкручивая окуляры. Можно понять первогодка Барсукова — никак не привыкнет к здешней красоте. Но отвлекаться нельзя, как бы ни были прекрасны звездное небо, Млечный Путь, лунная дорожка, блески света от маяка на гребешках волн, тишина, настоящая на запахе водорослей и кипарисов. Реваз повел бинокль за лучом прожектора. Конечно, здешние места по краскам скромнее его родного Кавказа. Показать бы Ивару Батуми, вот где слов не хватает, чтобы описать красоту, от которой щемит сердце.

— Слушай, друг, — заговорил Реваз, — я о тебе матери написал: приеду в отпуск с товарищем. А она спрашивает, почему, если у твоего друга русская фамилия,

его не по-русски зовут? — Реваз посмеялся. — А мне самому это как-то и в голову не приходило.

— Латышское имя дала мне мама. Она родом из Елгавы.

— Слушай, ведь твой отец вроде бы подводник. Это не он той лодкой командует?

— Он. Мы скоро увидимся. Командир обещал отпустить к нему в увольнительную. Отец тут недалеко, в санатории, где весь экипаж после автономки отдыхает, — с гордостью сказал Ивар.

Луч прожектора пересек лунную дорожку. Дельфины, целая стая! Ну, на них Реваз насмотрелся — брат тренирует таких в дельфинарии. Милый народец, людей уважают.

Барсуков поднял бинокль.

— Дельфины, Реваз! И вожак впереди. Никогда не видел, чтобы так шли — прямо на берег, за вожаком. И не играют, обидно! Люблю, когда они кувыркаются.

— Наверное, большой косяк рыбы у берега. Прицельно идут, как торпеды.

Луч прожектора ушел на берег, и темные дельфины спины слились с тьмой воды. Только у дышала вожака, заметил Реваз, что-то блеснуло. Наверное, зафосфоресцировала медуза.

Реваз повернулся к морю спиной. Прожектор высветил верхушки пальм, ливанских кедров, поднялся высоко над ними, и стала видна часовня на одинокой скале в горах, блеснул асфальт приморского шоссе.

Снова желтым отблеском ответило прожектору море.

— Человек! — вдруг крикнул Ивар. — Это человек!

По пляжу, по песку бежал человек в костюме аквалангиста...

Поспешно, не отрывая глаз от бинокля, Реваз Чуления разворачивал резервный прожектор. Ивар кричал в квадратик рации: «Нарушение государственной границы! Аквалангист, сопровождаемый стаей дельфинов, выбросился на берег!» Дальше Реваз не слышал:

скатившись с вышки, он бросился за удаляющейся темной фигурой. Соседняя сторожевая вышка взяла нарушителя на острие своего прожектора, в перекрестье света переливался белым и черным его костюм.

— Похоже, погоны, — прокричал Ивар вдогонку Ревазу; было уже видно, как от заставы по тревоге бегут пограничники. Залаяли собаки. Нарушитель заметался. Бросился в воду. Барсуков и Чуления видели, как он поплыл. Дали предупредительные выстрелы. И тут опять появились дельфины. Да что они, охраняют нарушителя?! Тогда отчего он снова выскочил на берег, там, возле утеса? Ловок, как обезьяна! Второпях не сбросил ласты — далеко ему не уйти... Реваз видел, как проводники спустили собак. Аквалангист стремительно отпрянул от воды, замотал головой, будто не желая слушать приближающийся собачий лай. И бросился к утесу. В свете прожекторов гибкое черное тело поднялось над самым отрогом, описало дугу и устремилось вниз... «Все... — прошептал Реваз. — Все...»

Под утесом сошлись лучи прожекторов, освещая пограничников.

Водолазы ныряли долго, но ничего не нашли.

— Август. Севастопольское течение сильное, — сетовал их старший, — могло снести тело. А если он все же выплыл?

Пограничники продолжали вести поиск. Чуления и Барсуков составили словесный портрет нарушителя. Ивар сделал два карандашных наброска: дельфинья стая с «вожаком» впереди и другой — черная фигура, бегущая по гальке в ластах.

— Мне кажется, — добавил Барсуков, — что на черном костюме был какой-то полосатый рисунок. Светлая полоса вот здесь, — Ивар поднял руки к плечам. — Что-то блестело, как погоны.

— Да, — подтвердил Реваз, — этот блеск я приметил еще в воде. Будто фосфорки... на светящихся часах.

Подъехал «газик» из погранотряда. Вышел подполковник и подозвал Ивара.

— Ты не сможешь встретиться с отцом, — заговорил он, пряча глаза, — в санатории, где капитан Барсуков отдыхал... В общем, Иван Петрович один ушел на яхте и... Да, Ивар, его больше нет. Твой отец был опытным моряком... Не яхта подвела. Капитан убит.

3

Рядом села чайка. Света пошарила в кармане, нашла сухарик, бросила, боясь, что птица испугается ее движения и улетит. Но чайка по-хозяйски подковыляла к лакомству, хищным клювом уверенно подхватила добычу.

— У тебя ничего нет? — Света оглянулась на мужа.

— Птицы не знают чувства меры, брось голыш, тоже съест, — голос штурмана Баранова был бесцветным.

Он опять в своих мыслях. Или это... начало отчуждения? Сколько они не виделись, а если встречались, то в обстоятельствах, не располагающих к радости. Света печально глянула вдаль. Не надо было ехать на море. В горы! В Кисловодск, на Домбай, только не на море! И как можно дальше от всех, кто связан...

Как только закончилась та автономка, Баранова пригласили в Рим, в прокуратуру Итальянской Республики, для дачи показаний по расследованию обстоятельств гибели акустика Вивари. Света прилетела к мужу в Рим из Флоренции. Кто знал, что они встретятся в Италии, когда она уезжала на стажировку во Флоренцию работать в галерею Уффици!

— Что я мог сказать им? — вырвалось у него после долгого молчания, уже в номере отеля. — Что? Это было похоже на школьный опыт, когда через картон магнит ловит иголку. Игла начинает двигаться, а магнита не видно. Но выражение лица Вивари... Оно не

дает мне покоя. Я попытался рассказать... — он отчаянно махнул рукой.

Больше они не возвращались к этой теме. Света превала стажировку, и они поехали домой. Баранову дали путевки в этот санаторий на Черном море, где отдыхал почти весь советский экипаж подводной лодки «Академик Ширшов». Барановы гуляли, ходили в горы, загорали, купались... Свели знакомство с симпатичной супружеской парой, сидевшей за общим столиком в столовой. Новый знакомый, известный московский журналист Кирилл Жуков, не раз пытался вывести Баранова на разговор об экспедиции. Но Баранов повторял общеизвестное, и Света видела, как муж страдает, вынужденный лгать. Только однажды, когда Жуков сказал: «Хоть бы вы, Светлана Всеволодовна, разговорили супруга. Сейчас у кабеля другое судно, потом, вероятно, в плавание опять уйдет «Академик Ширшов». Какие прогнозы может сделать штурман?» — только тогда Баранов раздраженно бросил:

— Боюсь, это только начало...

Будто предсказал гибель Барсукова.

Когда капитан ушел на яхте, день был ясный, на море — полный штиль. Потерявшую управление яхту нашли рыбаки. Капитан лежал на палубе с синим лицом. Из горла, чуть выше распахнутого ворота рубашки, торчала рукоятка кинжала, который некогда называли «Все для Германии».

Они ездили на похороны, после которых Баранов никак не мог выйти из отрешенного состояния. Будто на целом свете он один и никто ему не нужен.

— Я все не соберусь рассказать тебе, — Света заглянула в его лицо, — кажется, небо проясняется. — Они сидели под тентом, прячась от быстрого, теплого обильного дождя. — Все хочу тебе рассказать, — повторила Светлана, — я обнаружила этюды Корреджо с неканоническим изображением Христа. Честное слово. Вот вернусь скоро во Флоренцию и попытаюсь дока-

зять, что это именно Христос. Может быть, совершу открытие. — Света ласково улыбнулась мужу.

— Очень хорошо, — только и сказал он.

«Он ведет себя так, будто говорить нам не о чем», — огорчилась Светлана. Вдруг подумала: «Может, как раз и не стоит обходить те тягостные события?»

— Вчера снова приезжал сын Барсукова... — несмело начала она.

— Да, — с неожиданной горячностью перебил ее Баранов. — Да, именно! Все связано! Понимаешь, выражение лица! У покойного капитана в лице было то же выражение растерянности, недоумения, что и у Вивари. Безусловно, они оба столкнулись с чем-то непонятным и страшным. И это непонятное и страшное убило их. Точно такой же кинжал, к тому же... — Он дернулся как от боли и замолчал.

Светлана не знала, как помочь мужу, что сказать. Рассеянно оглядывала пляж, с удивлением увидела у самой кромки прибоя фигуру в эластичном, облегающем костюме.

— Смотри, конькобежец, что ли? — усмехнулась она. — Откуда он здесь? — И вдруг судорожно схватила мужа за рукав.

Человек повернулся к ним спиной: на черном глянце как живая шевелилась большая белая свастика. Человек с размаху бросился в воду. Свастика большой медузой поднялась над волной и скрылась. Еще раз мелькнула над мелководьем и скрылась, исчезла.

— Неужели померещилось? — Светлана посмотрела на побелевшее лицо мужа. И вздрогнула от голоса Майи Жуковой:

— А, вот они, голубчики! Уютно устроились... — Майя осеклась, глядя на Барановых. — Что еще случилось?

— Вы никого сейчас не видели? На пляже? Жуковы настороженно переглянулись.

— Человека в черном спортивном костюме?

— Аквалангиста? — переспросил Кирилл. — Он шел навстречу нам.

— Значит, свастику на его спине вы не видели. — Фраза Баранова прозвучала скорее утверждением, чем вопросом. — Я еду в Москву сегодня же, сейчас же!

4

Плетнев вернулся из лаборатории в свой кабинет только к концу рабочего дня. Предстояла встреча с сотрудником госбезопасности, для консультации, как вежливо попросили его по телефону. Главный океанолог подумал, что это снова по поводу рейса подводной лодки, в котором он участвовал.

Но Андрей Поеров заговорил о другом:

— Мне позвонил мой однокашник по мединституту. Он психоневролог. К нему попали маленькие иностранные пациенты. С Крита. Бедняги побывали в катастрофе морского катера. Наше судно сняло их с крохотного островка. Доставили в Одессу. Конечно, истощенных. Шок. Потеря памяти, речи. Лечили их у нас. И вот детишки заговорили. И сказали детишки такое, что мой приятель думал-думал, да и позвонил мне. Он знает, где я работаю...

— Что же его насторожило?

— Уж больно необычные вещи говорят дети. Поначалу он принял их слова за бред или галлюцинации. Но в медицине пока случаев массового или группового бреда не описано. Наркотиков, как вы понимаете, в данном случае не было.

— Ну и?..

— Дети говорят, когда начали тонуть, появились дельфины, которые их потащили к тому островку. И пока наши моряки не сняли детей с острова в том нервно-паралитическом состоянии, дельфины к ним приплывали, играли с ними, чуть ли не съедобные моллюски приносили. Но это не все. Еще там был «дядя». Полу-

дельфин, получеловек. Во всяком случае, лицо у него человеческое. Дельфины же к нему, как утверждают дети, относились враждебно, преследовали его, от спасенных детей отгоняли. С одной стороны, все это попадает сказкой, но зачем моему приятелю, серьезному мужику, рассказывать мне басни, да еще по служебному телефону. Охота травить, так ради бога, жене на кухне...

— Так вы ему и сказали?

— Точно. Но он поклялся, что не придумал и не преувеличил ничего. За переводчика он ручается. Вот я с чем к вам, Леонид Михайлович.

Плетнев прошелся по кабинету.

— Дело произошло в акватории Крита, говорите?

— Точнее пока не знаю.

— Подобное, если верить греческим мифам, случилось в древности, — задумчиво произнес Плетнев. — Есть и более поздние свидетельства, что дельфины спасали людей. Но нужно многое уточнить. Вы ведь медик по образованию?

— Да.

— Полезно, думаю, вам самому пообщаться с детьми, с врачами, их наблюдающими. Дальше видно будет, как дело повернется. Договорились? — Плетнев взглянул на часы.

Поеров легко поднялся и простился.

«Ну и ну!» — глядя вслед, подумал Плетнев. Впрочем, если бы он сам вот так, накоротке, рассказывал кому-то о происшествиях на подлодке, свидетелем которых был, что о нем бы подумали? Не сказали бы — «ну и ну!», как только что он сам? Или выразились бы иначе, учитывая солидный возраст рассказчика?

«А вообще, — упрекнул себя Плетнев, надевая плащ, — пожалуй, я не сказал Поерову главное. Надо отсекать мистику. В самом деле, получеловек-полудельфин! Эдак до инопланетян договориться можно. Скорее всего был аквалангист. Пытался помочь детям. Тут дельфины. На-

чали играть, как у них водится. А детям показалось, что дельфины защищают их от страшного дяди, который вылез из моря».

С этими мыслями Плетнев вышел из института. Светлая от огней широких магазинных витрин, улица суетилась, невзирая на поздний час. «Десяток яиц, песок и масло», — повторил про себя утренний наказ жены и толкнул стеклянную дверь гастронома. Еще через витрину заметил: «дают» бананы. И с удовольствием подумал, что возьмет сейчас килограммчика три для внуков.

Пластиковая сумка оказалась увесистой. У кромки тротуара огляделся. Идти к метро не хотелось. Пройтись? И Плетнев направился к «зебре» перехода.

— Леонид Михайлович! Товарищ Плетнев!

Океанолог обернулся. Вот так встреча! Штурман... Откуда он здесь?

— Здравствуйте!.. — на лице Баранова сияла улыбка. — А я к вам. С обеда пытаюсь вас найти, но вы неуловимы.

Плетнев, кивнув Баранову, спросил:

— Проездом в Москве?

— Провожал жену. Она опять в Италии.

— Вот и отлично, что нашел меня, — сказал Плетнев. — Пойдем поужинаем и поговорим. У меня, правда, многолюдно, да не можем от внуков уехать.

Первоклассник Вадик и маленькая Женечка будто ждали деда под дверью. Повисли, защебетали, затискали.

— Маша! — крикнул Плетнев в простор квартиры, — я не один. Накорми и организуй, ради бога, полчаса тишины.

Вышла моложавая женщина — легкая, стройная, но седина у корней волос выдавала, что она все же бабушка. Спровела ребятшек в комнату, сняла пару плечиков, приняла плащ мужа, куртку Баранова.

— Дай им, — Плетнев протянул ей сумку с бананами, — пусть поедят... А студенты где?

— Родители на учебе, — доложил Вадик.

— Сын у меня адъютант, а вот сноха действительно студентка. В общем, учащаяся молодежь, — пояснил Плетнев Баранову.

Они поужинали под возню и воркотню детей. За чаем штурман рассказал о гибели капитана Барсукова, о кинжале «Все для Германии» и о человеке со свастикой, которого видел на берегу. Рассказал скупое, осторожно, словно боясь вызвать недоверие. Но Плетнев внимательно слушал.

— Ну ладно, я понимаю, — делился Баранов своими мыслями, — где-то там, у них, можно разгуливать свободно с фашистским знаком. Деница хоронили, так Гесс из тюрьмы венки прислал. И на те же похороны с крестами Железными, в старых мундирах мышинного цвета последний долг дружбы и ровесники гросс-адмирала явились. Никто и слова не сказал. Ладно, это там. Но у нас? Свастика! Этого аквалангиста видел Жуков, Кирилл Жуков из...

Плетнев кивнул.

В кухню снова прорвались дети. Они уже знали, что дедушкин гость — штурман подводной лодки, вошли с умоляющими глазами и засыпали Баранова вопросами. Плетнев не мешал им. Он думал.

Разрозненные факты, неожиданные совпадения, полумистические явления. Вот и рассказ Андрея Поерова, казалось Плетневу, перекликается с рассказом штурмана. Он рассеянно слушал рассказы Баранова про подлодку, думая, как увязать все эти факты и совпадения, как объяснить появление подводных загадок. Интересно, Поеров знает о событиях на южном берегу?

Мария Гавриловна позвала детей спать. Баранов собирался.

— Ты в Ленинград отбываешь завтра? — остановил его Плетнев. — Там далеко не исчезай. Думаю, вызов в Рим придет скоро.

...Баранова поднял стук в дверь. Проснувшись, он едва сообразил, что его окликает дежурная по этажу.

— У вас нет телефона в номере, — заспанно извинилась она, когда он открыл дверь. — Пройдемте, там срочно.

Когда горничная протянула Баранову телефонную трубку, он услышал голос Плетнева:

— Из Италии дурные вести. Светлана исчезла. Я послал за вами машину. Жду!

МОНОЛОГ I

Хальт ошибается — дело не только в средствах. Дело в том, чтобы было кому их передать. Суммы, о которых заикнулся Хальт, — не деньги по сравнению с тем, чем владею я. Пока есть я, есть мы. Пока есть я, есть группенфюрер, есть рейхсмаршал, есть наша вера и наша борьба. Жаль, что не сказал этого Хальту. Может быть, он начал забывать? Я не позволю... Ни ему, ни другим.

Если бы только не это чертово племя! Как много я мог бы сделать! Они, проклятые, знают, что я не выношу их ультразвукового визга и готов бежать хоть под ледяной панцирь! Знают! И гонят, гонят.. Отдышаться бы в родном Пиллау, на родной Балтике... Да, Балтика — она моя, и земля возле нее моя, черт с ними, с новыми границами! Хоть мне и пришлось уйти... А еще есть моя Италия. Там мои последние друзья. Хальт знает. И когда-нибудь я получу благодарность. Рейхслейтер запретил вести дневник, и сколько ценных мыслей уйдет вместе со мной! Но они стоят того, чтобы их знал мир! Я больше, чем человек, — я наивысшая сту-

пень разумного. Протянули кабель? Скоро забудут, о чем хотели поговорить по этому кабелю. Они трещат, что мы проиграли. Нет! Мы уповали на сверхчеловека. И мы создали сверхчеловека, стопроцентного арийца, которому подвластен мир. Это я. Меня нельзя опровергнуть. Пусть скажут, что это не я, моей Анне, она рассмеется. Я положу к ногам Анны не только жемчуга — вот они, черные, желтые, зеленые, голубые, розовые, таких нет ни в одной короне. У нее они будут. Я корону ее сокровищами инков. Как она хороша, моя Анна! Те же светлые волосы, и легкая походка, и глаза, только они слегка потемнели, в них нет уже прелестной голубизны — посерели за эти долгие годы.. Она узнает меня, несомненно. Обрадуется. Как же ей не обрадоваться! Я жив, я помню ее. И какой дворец я возвел для нее! Только бы дельфины не пришли туда. Дуче с зятьком готовили для себя, а вышло — для моей Анны. Вот так, побеждает тот, кто остается. Фюрер, как всегда, прав. Завтра Хальт передаст туда деньги. Это не какие-то устаревшие египетские фунты, которые завещал им Гиммлер, это золото, конвертируемая валюта, как говорят сегодня. Я не привидение из прошлого, я правлю сегодняшней политикой. Я перерезал кабель — нет, я перерезал ниточку взаимопонимания, и они схватят друг друга за лацканы.

А, вот и мы... Вы хотите, чтобы я ушел из этой лагуны? Нет, герр главный дельфин, я не уйду. Я не дуче, который позволил себя вздернуть... Это моя лагуна и лагуна Анны. И вход в катакомбы первых христиан. Идите, герр дельфин, герр язычник, по своим делам, здесь для вас мелкогато, я знаю. Прекрати, проклятая рыба! О... О... Тысячи голосов, давят, душат... Что он хочет? Чтобы я всплыл? Кто мог меня предать? Почему над кабелем теперь дежурят подводные лодки? Хальт?

Хальт не мог этого сделать. Зачем? Если ему нужны деньги, я могу дать сколько угодно. Я могу дать все. Но не всем. Только своим. Тем, кто верит фюреру и

мне. Кто понимает, что спасает мир от большевизма. Хальт не мог меня предать. Анна? Но она меня еще не видела. Пока. Я осторожен, когда люблюсь ею. И потом, она же любит меня. Конечно, любит. Разве могло что-то измениться в моей Анне? Наш лес, наши сосны, она не могла их забыть. Тогда кто же? Дельфины? Их сигналы расшифровали, а я этого не знаю? Но пусть попробуют выследить меня! Это даже дельфинам не всегда удается. Дельфины знают мои гроты. Но этот грот я им не отдам. Здесь моя Анна. Анна, я иду к тебе...

Часть вторая

1

На ступенях Дворца юстиции сидели панки. Плетнев усмехнулся. Неужели и они ищут защиты у закона, вроде бы сами отказались от соблюдения правовых норм? Он осторожно прошел мимо парня, лежащего навзничь, стараясь не наступить на окрашенные охрой ладони, длинные, давно не знающие прически волосы.

— Сэр! — кто-то положил руку на плечо Плетнева. Он резко обернулся: Дуайнер!

— Рад видеть вас, мистер Плетнев. Как, готовитесь к новому заплыву?

Майор желает знать, пойдет ли русский в следующую автономку к кабелю? Возможно. Плетнев вежливо раскланялся с американцем.

— Что привело вас снова в храм Фемиды? Вивари или ваша пропавшая соотечественница? Или ряд странных происшествий на воде, точнее, в ваших территориальных водах? Как вы собираетесь ловить дельфиночеловека? — Осведомлен, ничего не скажешь! Дуайнер продолжал: — Вы, конечно, идете к себе... Я провожу вас, если позволите.

— Я иду на Аппиеву дорогу, хочу посмотреть место, где погиб Спартак.

— О'кэй! Меня это тоже всегда интересовало. Восстание рабов, Красс, прекрасные дамы... Видел ваш балет — о'кэй! Слушайте, Плетнев, а не освежиться ли нам... скажем, кьянти? Я знаю здесь, совсем рядышком, прелестное местечко, где подают ни на что не похожий кьянти с черным петухом.

— Надеюсь, петух хорошо прожарен? — попытался пошутить Плетнев, раздумывая, откуда этот проныра мог узнать об исчезновении Светланы Барановой и о появлении дельфиночеловека со свастики на спине.

— Я в жарком предпочитаю цыпленка. Желательно холодного. А черный петух изображен на этикетке лучшего кьянти. Десятилетней выдержки. Идет?!

Они свернули на узкую, поднимающуюся в гору улочку, мощенную старым камнем. Глухие стены старинных зданий красного кирпича чуть ли не смыкались над ней, стало сразу прохладно, хотя нигде поблизости не было ни единого деревца. «Кажется, этот архитектурный стиль называется кватроченто», — отметил про себя Плетнев. Он внутренне собрался и выстраивал линию своего поведения. Да, приехал в Рим в качестве свидетеля по делу Вивари, пропажей Барановой не занимается, дельфиночеловек — ну, он не верит в его существование так же, как в космических пришельцев.

Хорошенькая хозяйка «прелестного местечка» поставила перед Дуайнером и Плетневым миску с салатом и бутылку прованского масла, ловко заправила салат и отошла, извинившись, что подать цыпленка сможет минуты через три. Дуайнер взял в руки темную толстостенную бутылку, с удовольствием рассмотрел ее и разлил вино по тонким бокалам мурановского розоватого стекла.

— Слушайте, Плетнев, мы с вами деловые люди, будем же откровенны по-деловому. Итак: обрыв, или как именуется официально, нарушение целостности ка-

бея, убийство — вы заметили, я называю вещи своими именами, — Вивари и кэпа Барсукова, наконец, исчезновение жены штурмана Баранова... Вам не кажется, что участников экспедиции преследует рок? А тут еще слухи о дельфиночеловеке...

— Я стараюсь не придавать слухам серьезного значения. Ходят же слухи о НЛО...

— Ну да. Только не смотрите на меня так прямо, ведь вам сейчас больше всего хотелось бы потупиться.

«Прозорлив! — усмехнулся Плетнев. — Очень прозорлив, понял, что я не хочу обсуждать с ним эту тему».

— Я немного начал ковыряться в этом деле, — Дуайнер прихлебнул из бокала, переложив в свою тарелку самый красивый помидор, — должен вам сказать, что ни мафия, ни террористы пальцем не коснулись вашей соотечественницы. Кстати, пропала она у берега. Как это у вас говорят — «мокрое дело»?

Плетнев вздрогнул.

— Кажется, я неправильно использовал идиом. Нет, я не имел в виду, что миссис Баранова убита. Я хотел подчеркнуть, что ее исчезновение произошло у воды. Только и всего.

Плетнев молчал. Хотелось бы ему знать, из каких источников сведения Дуайнера?

...Плетнев всегда ценил в молодых людях творческий подход к делу. Особенно в сочетании с эдакой романтической окрыленностью. Именно это Плетнев с удовольствием обнаружил в Андрее Поерове. После той встречи они не раз вместе размышляли над «морскими» загадками.

Газетная вырезка, которую Поеров принес Плетневу, была помечена сентябрем 1946 года. По данным некоего шведского информационного агентства, на рыболовческую лодку, в которой находились отец и сын, набросился водолаз, вынырнувший прямо из-под борта. Он нанес старому рыбаку тяжелое ножевое ранение и

тут же скрылся. На водолажном костюме необычной формы молодой швед видел свастику.

Поеров «подверстал» старую вырезку к рассказам критских детей и с тем предстал перед Плетневым.

— И вот еще один любопытный документ. — Поеров выложил изрядно пожелтевший листок с грифом военной академии: заключение экспертов-саперов по происшествию на советской базе подводных лодок.

Неожиданно несколько стоящих на рейде лодок оказались заминированы. И обнаружили это... белухи, северные дельфины, которые внезапно появились в акватории базы. Когда водолазы вели ремонтные работы, несколько белух подплыли совсем близко к людям и вели себя так, как ведут собаки, когда хотят показать: «иди за мной».

Так были обнаружены мины. Установка их была недавней, а вот сами мины — образца сорок второго года, с немецким клеймом. К экспертам академии командование базы обратилось, чтобы понять, как же можно было произвести работы по заминированию так, что ни одна система слежения их не зафиксировала. Откуда старые мины, почему, как только лодки были разминированы, белухи, будто сделав свое дело, сразу же ушли?

— И больше там их никогда не видели, — добавил Андрей, кладя перед Плетневым ответ на запрос, видимо, полученный совсем недавно.

— Я запрашивал Цговери, это первое светило в дельфиньем мире, из Батумского института. Он высказывает две версии.

Плетнев не стал слушать, кивнул — прочитаю сам.

Цговери высказывал предположение, что минирование подводных лодок могло стать возможно при использовании дрессированных дельфинов. Известны работы, которые ведутся военными ведомствами некоторых стран в этом направлении. Правда, чаще дельфины дрессируются для обратной операции: поиска взрывча-

тых устройств. Учитывая повышенную эхолотическую способность дельфинов, их дрессируют на поиск часовых взрывателей, устройств, излучающих ультразвуковой спектр, и так далее. Однако профессор Цговери утверждал, что за последние пятнадцать лет, на которые приходится серьезные эксперименты с приматами моря, он не встречал описаний работ с северными дельфинами.

Поеров понял, что Плетнев дочитал до конца.

— Нонсенс? — пытливо спросил он. — Правда, нонсенс? — Глаза умняющие, ищущие, открытые, Плетнев залюбовался парнем.

— Давно дело было? — Плетнев кивнул на заключения экспертов из военной академии.

— Сто лет назад. В шестьдесят втором.

— Сам-то с какого года?

— С пятьдесят восьмого.

«А, с пятьдесят восьмого... — подумал Плетнев, — тогда точно, для тебя это сто лет назад...»

— И вот что получается, смотрите, Леонид Михайлович. — Андрей присел на кончик стула, заговорил быстро, загибая пальцы, словно считал годы... или версии. — Шведы пострадали от водолаза со свастикой — это Балтика, север. Спустя годы аквалангиста со свастикой встречают на юге. А присутствие дельфинов — случайность или?.. — Поеров развернул еще один лист. — Это нарисовал самый маленький киприот, трехлетний пациент моего приятеля-врача.

Рисунок чем-то напоминал наскальное изображение пришельцев в Сахаре, только без рожек-антенн. У человечка на рисунке лица не видно, и во всю спину нарисована свастика.

— Я попросил детей нарисовать, как выглядели дельфины и страшный дядя. Вот и собрал галерею, — он разложил перед Плетневым рисунки. В разных позах, с разной степенью условности на них был изобра-

жен человек со зловещей свастикой на спине и атакующие его дельфины. — А дельфины-то и замкнули круг, — опять заговорил Поеров. — Дельфины обнаружили мины, спасли детей. На заставе видели дельфинов, которые буквально гнали нарушителя на берег. И вот о чем я думаю... — взгляд Поерова ушел вдаль. — Ведь у дельфинов практически нет в воде врагов. И вдруг появляются какие-то существа, которые начинают активно вредить людям, а возможно, и дельфинам. И дельфины гонят этих злодеев...

То, о чем говорил Поеров, звучало и фантастически, и зловеще реально. Андрей явно клонил к тому, что сохранилась какая-то диверсионная группа, действующая под водой со времен второй мировой войны. Факты как будто не исключали этого, хотя вернее было бы предположить, что под историческим камуфляжем прячется современный противник.

У Поерова сомнений не было:

— Искать, искать, прогнозировать появление рыбо-человека или рыболюдей. И главное — следить за стадами дельфинов. Если дельфины и рыболюди — антагонисты, дельфины и выведут нас на своих врагов. Надо организовать наблюдение. Поддержите, Леонид Михайлович.

Плетнев согласился. Действительно, одними разговорами дело с места не стронешь. Отмахнуться от предположений Андрея уже нельзя. Вскоре после разговора с Поеровым Плетнев уехал в Рим.

Выступая в качестве свидетеля, встречаясь со следователем в римском Дворце правосудия, Плетнев постарался подсказать итальянцам мысль о возможности существования активной диверсионной группы, действующей непосредственно под водой и скорее всего оснащенной легким совершенным аппаратом дыхания.

Плетнев при этом, конечно, отдавал себе отчет, что где-то в столе, за которым он сидел с итальянским сле-

дователем, мог находиться миниатюрный микрофон, и пока он рассматривал панков, Дуайнер просто-напросто прослушал запись. Но ведь, собственно, конкретно не было и речи ни о чем. Просто предположения, с которыми итальянец согласился.

— Я понимаю, мистер Плетнев, предлагать вам сотрудничество с моей стороны по крайней мере пошло. Не та ситуация. Я не вербую вас... Но наши страны очень неплохо вместе били фашистов. — Плетнев хмыкнул. — Я понимаю, что вы хотите сказать: «Кто бил, а кто любовался, как бьют...» В вашей невысказанной реплике есть большой резон. Кстати, мой отец был на Эльбе, а вот дядя погиб в Арденнах. Но это к слову, между прочим. Зная, как вы дорожите жизнью и честью каждого своего гражданина, хочу предложить вам помощь в поиске миссис Барановой.

Возможно, я просто приведу девочку. Будем откровенны: если застану ее в живых. Но думаю, застану. Просто, мне кажется, убийце Вивари захотелось развлечься.

Плетнева передернуло.

«Что ж, — подумал Дуайнер, — раз вас так корбит, сэр, вы тоже догадываетесь, в чьих руках ваша соотечественница. Тогда почему вы не хотите прямого контакта со мной, если я утверждаю, что приведу девочку за ручку? Брезгуете? Ну, конечно, вы же избирательно относитесь к средствам достижения цели. Или мне стоит вам прямо сказать, что ваши показания мне известны, но мне нужна вся ваша информация, моя информация — и наш общий враг в ловушке...»

Раздумывая, Дуайнер наблюдал за Плетневым, и ему не понравилось замкнутое выражение его лица. «На сегодня, видимо, разговор, окончен, а продолжить его можно только, — Дуайнер невольно улыбнулся, — имея доказательства моего политического бескорыстия.

Мои поступки определены лишь сочувствием молодой женщине...»

— Плетнев, не молчите так мрачно. Мы еще увидимся, и не только во Дворце юстиции. Я уже расплатился за вино и цыплят, салат у них фирменный, бесплатный. Чао! — Дуайнер легко поднялся со своего места и через секунду скрылся за ажурной решеткой, отделяющей ресторанчик от улицы в стиле кватроченто.

«В конце концов, — подумал Плетнев, — Дуайнер мог просто собрать те же сведения. Слишком уж они смыкаются с рассуждениями Баранова, Поерова и моими собственными. Либо он шел своим путем и знает, где собака зарыта. Может быть, все знает — и как кабель был поврежден, и кто убил Вивари и Барсукова, кто Баранову похитил. Не исключено, он хочет продать свои сведения и закономерно считает, что я, старый знакомый, — лучший покупатель. К тому же покупатель явно заинтересованный. Но какова же его цена?»

С уверенностью, что Дуайнер очень быстро назовет ее, Плетнев вышел на тенистую улочку. На Аппиеву дорогу он так и не попал.

2

У Клауса Дуайнера была одна вера — вера в доллар. Поэтому он дорожил своей службой в Лэнгли и был абсолютно убежден, что именно эта служба рано или поздно даст ему Случай. Случай с большой буквы. Случай, который принесет не просто доллары, а миллионы. И сейчас у Дуайнера сжималось сердце: случай шел в руки. Если выгорит, он пошлет весь мир к чертовой бабушке, уедет подальше, в западные штаты, купит землю...

Гонорар за автономное плавание показался Дуайнеру мизерным, когда он начал догадываться, в чем тут дело. У него был свой человек в Бонне, среди тех, кто называет себя лицами, пострадавшими при нацизме.

Вроде бы безобидная внешне организация, Фау Фау Эн, да сколько их уцелело, немцев, сидевших при Гитлере по концлагерям. Немного, но в этой организации оказалось слишком много молодых людей, которых еще на свете не было, когда Гитлера уже не стало в помине. Они не добрые самаритяне, чтобы просто разносить грандфатерам, подорвавшим здоровье в тюремных казематах и лагерных бараках, свежее молоко и булочки. Эти ребята с головой. Они начали делать свою политику — бороться против нацизма и неонацизма. Им, должно быть, нелегко. Ну что ж, заключал Дуайнер, политика вообще дело непростое. И однажды намекнул своему боссу, что было бы полезно поглядывать за ребяташками, выуживающими кое-что из архивов, а кое-кого из небытия. Два этих момента и привлекали Дуайнера к деятельности данной организации. Остальное — пропаганду во всех ее видах: от выпуска газет до демонстраций — он в расчет не брал, пусть этим занимаются соответствующие службы ФРГ.

Архивные же изыскания могут привести американские спецслужбы к некоторым интересным открытиям, да и персональный поиск многое может дать — всегда и везде нужны люди, на которых можно опереться. Конечно, находки случаются не каждый день...

Когда Дуайнер получил сообщение, что найден зашифрованный дневник доктора Дейке, он как-то не придал этому значения. Что могут дать сегодня знания врача, который, вероятно, делал кое-кому из гитлеровской камарильи пластические операции?! Вряд ли они живы, его пациенты. Предположим, что искусство Дейке сделало их совершенно неузнаваемыми. Например, Бормана. Теперь ему могло быть под девяносто. Правда, Дуайнер слышал, этот человек относился к себе весьма внимательно, лечился не то у йогов, не то у тибетцев... Борман. Это деньги НСДАП, т. е. деньги, что представить себе трудно! Там золота столько, что живи Борман даже с роскошью индийской магараджи,

он не растратил бы и части. Но он не смел жить так, он нуждался в незаметности, тишине.

Так что едва ли записки Дейке могли помочь в розыске заведующего канцелярией НСДАП. И Дуайнер перестал думать о зашифрованных записках. Но мысль о нацистских фондах не оставляла его.

Даже самые большие фонды рано или поздно кончаются, если их не пополнять. Это ясно ребенку. Уходя в небытие, гитлеровцы заботились о том, что они в материальном и духовном выражении оставят после себя. И оставили ведь... Был бы возможен без тех старых кадров хоть один путч? Был бы возможен подъем фашистской идеологии без тех основ, которые оставили Геббельс и Розенберг? Да и деньги... Один знакомый рассказывал Дуайнеру, что на финансирование чилийского Пиночета пошли не только деньги заинтересованных ведомств и лиц. Уже тогда Дуайнер подумал о скрытом от мира фонде по поддержанию фашистов. И скорее всего этот фонд регулярно пополняется. Кем?

Дуайнер подумывал о различных организациях профашистского толка. Подобные организации — хороший проводник средств. Дуайнер принялся наводить справки. Справки о деятельности мелких и крупных профашистских организаций Европы и обеих Америк, они составили любопытное, но пока не особенно применимое на практике досье. И о нем Дуайнер до времени почти не вспоминал. Только после плаванья на подводной лодке он снова переложил и досье, и дневник Дейке в верхний ящик своего сейфа. Если его предположения верны, у бумаж из обеих папок есть точка соприкосновения. И эта точка — тот самый Случай, господин Случай с большой буквы, который даст ему, Дуайнеру, миллионы. Он просто их возьмет. За что? За молчание. Пожалуй, в наше время гласность и молчание наиболее дорогостоящий товар.

Боннского агента звали Кэтрин Харуп. В организации лиц, преследуемых при нацизме, она выполняла

функции одного из секретарей правления. Она была дочерью бывшего заключенного Дахау. Это знали все. Но о том, что до заключения ее отец служил в гестапо и в лагерь попал ненароком, когда после покушения на Гитлера гребли и правых и виноватых, знал практически только Дуайнер.

Сама того не ведая, Кэтрин подготовила Дуайнера к разговору с советским океанологом.

Обычно Дуайнер звонил ей. И вдруг — ее звонок, да еще прямо в американскую миссию в Риме. И как только она его разыскала? Но удивление сменила удовлетворенность: стало быть, не ошибся в агенте...

— К вечеру, вероятно, вы получите от меня пакет, — зазвенел в трубке молодой голос, хотя Кэтрин готовилась вот-вот стать бабушкой. — В нем копия фотографии, которую нам принес господин Груббе из Ольденбурга, член нашего Вестфальского отделения. Фотография сделана им на пляже Гельголанда. Снимок не очень четкий, но видно лицо в профиль. Предполагаем размножить изображение, ну а дальше... Вдруг кто опознает, и так далее — по обычной схеме.

Дуайнер, не подозревая, что на фотографии, перевел разговор к более интересующим его в тот момент темам — он просил Кэтрин принять меры к ускорению дешифровки дневника Дейке, а также выяснить, что только можно о некоем Хальте, имя которого фигурирует в финансовых документах некоторых фашистских организаций в качестве то кредитора, то дарителя. Кэтрин поняла шефа с полуслова.

— Интересное дело. В дневнике Дейке в списке оперируемых, мы, во всяком случае, предполагаем, что это список оперируемых, упомянут Хальт. Трудно сказать, одно ли и то же это лицо. «Ваш» Хальт — владелец страховой компании, богат, конторы в Киле, Амстердаме, Копенгагене, Марселе и Генуе. Да, еще в Танжере. Ведет дела многих паромных компаний. Есть данные о связях с итальянской мафией. Пожалуй, все. Ах да,

чуть не забыла, — добавила она после паузы. — Помните историю с появлением на рынке драгоценностей, которые считались утерянными не то в семнадцатом, не то в восемнадцатом веке?

— В шестнадцатом, — автоматически поправил Дуайнер.

— Предположим, — в голосе Кэтрин почему-то появилось раздражение, — с этой историей компетентные круги связывают имя Хальта.

А вот это уже любопытно... Происшествие, всколыхнувшее биржевые круги, вызвало интерес не только в валютном мире. Утраченные драгоценности привлекли к себе внимание историков и археологов, ибо в них признали украшения из сокровищницы королевы Изабеллы, те самые, которые якобы погибли в каком-то кораблекрушении. Как этот факт ложился на ту версию, что складывалась у Дуайнера! Значит, она все-таки существует, некая подпольная, точнее, подводная организация. И если **это так**... Дуайнера трясло дрожью охотника... или старателя.

Позже он перезвонил Кэтрин и приказал усилить работы по дешифровке дневника Дейке.

Пакет от Кэтрин Дуайнер действительно получил к вечеру этого же дня. Аквалангист, отдыхающий на воде. Снято со спины, голова повернута в профиль. Вроде бы обычный аквалангист, в обычном гидрокостюме. Но где баллоны с кислородом? И почему на спине такая неправдоподобно огромная свастика? Ну нет, фрау Харуп, эту фотографию размножать нельзя. Дуайнер уже знал, кто изображен на ней: несомненно — сам Хальт.

В темноте Дуайнеру всегда хорошо думалось. Он закрылся от римских сумерек плотными шторами, отодвинул от себя трубку и табакерку, чтобы ничем не отвлекаться, растянулся на кровати и крепко задумался.

Начнем, размышлял он, с формулы вечной, как вечен город, в котором она возникла: кому выгодно? Мешало отсутствие маленького факта: кем был Хальт при

нацистах. Пришлось все же зажечь свет. Справочник «Кто есть кто» пояснил: Хальт Зигфрид, 1929 года рождения...

Никем не мог быть Хальт при нацистах. Разве что членом гитлерюгенда.

Безусловно, нельзя размножить фотографию, но ее необходимо показать некоему лицу, назовем его герр Икс, который тоже был членом этой организации, скажем, в 1943—1945 годах. Это не проблема. А ведь не случайно, наверное, Хальт держит свои конторы в приморских городах... А если... Что, если Дейке... Догадка прошла по мозгу как молния. Тогда картина складывается во всех деталях. Фантастично, но возможно. Ведь в лабораториях ученых гитлеровской Германии тоже делали атомную бомбу. Где гарантия, что в других лабораториях не производили трансплантации органов? У аквалангиста на фотографии нет баллонов с дыхательной смесью. Ладно, в сторону фантастику, баллоны могли быть куда-то вмонтированы. А Дейке мог просто сделать Хальту обычную пластическую операцию. С другой стороны — зачем дорогостоящая операция сопляку? А если она была нужна и сделана, значит, на сопляка ставилось много. Сопляк мог оказаться в основе большого дела. Как бы его назвать? «Финансист», к примеру. Дуайнер обрадовался названию, точно соответствующему его замыслу. На сопляка делалась крупная ставка.

Дуайнер опять заглянул в справочник «Кто есть кто». Свое дело Хальт завел в 1950 году. Что ж, разумно не демонстрировать свои возможности сразу же после... Разумно. Он, Дуайнер, поступил бы так же: зачем высветиваться? Далее. Источник состояния ясен: море. А где гарантия, что не на дне захоронены фонды НСДАП? Но там, на дне моря, и без этих фондов есть что пустить в оборот! Дальше: диверсии. Кому выгодно? От догадки Дуайнера обдало жаром: тайные преемники... Хальт среди них?

Размышляя, Дуайнер все больше склонялся к мысли, что должен переговорить с Плетневым. Повод есть — и отличный: похищение советской гражданки. Получить показания Плетнева в расследовании дела об убийстве Вивари — дело техники. Поэтому Дуайнер не остановился на этой мысли. А вот разыскивая жену штурмана Баранова, русские или итальянцы выйдут на Хальта. Впрочем, подумал Дуайнер, если русские целиком положатся на итальянскую полицию, Баранов не скоро встретится со своей супругой. Скорее всего русские примут свои меры. Стало быть, сейчас самое время выработать план, включающий два основных пункта: доказать Хальту, что он у него, Дуайнера, в руках, это во-первых, нет, пожалуй, во-вторых, а во-первых — все-таки непосредственно самому выйти на Хальта, но так, чтобы тот до решающей минуты ни в чем не заподозрил для себя неладное. Значит, надо самому искать русскую? Как? Ну, ищут же ес... итальянцы, тут он, несомненно, будет знать о каждом их шаге. Надо знать и о каждом шаге русских. Не то Хальт может оказаться в их руках раньше, чем он, Дуайнер, доберется до него. А тогда — прощай все мечты. Поэтому нужно попытаться наладить контакт с Плетневым. Наконец, контакт с мафией. У той свои дела, и кто знает, насколько они перепутаны с делами Хальта.

Что же представляет собой, раздумывал Дуайнер, Хальт. Хальт-миллионер, подмявший под себя фашистские деньги, вряд ли стал бы обзаводиться компаньонами, ему куда больший резон работать в одиночку, не афишируя источников своего богатства. Хальт-подрывник одиночкой быть не может, потому что тут уже политика, которая в наше время не делается единицами. С кем же в таком случае сотрудничает Хальт? Почему он уехал из ФРГ? Там его карьера складывалась вполне благополучно. Может быть, чтобы стать ближе к сообщникам — или хозяевам? Кто они? Неофашисты? Дуайнер не считал их реальной силой. Масоны! Вот кто

вхож в правительственные круги. Если Хальт с масонами, это удача. Потому что с ними, а точнее, над ними — руководство, которому подчиняется и сам Дуайнер.

Терять время было не в правилах Дуайнера. Джакомо Перчини лет семь назад держал в Лас-Вегасе игорный дом. Но дело не пошло, и, хотя Перчини не разочарился, казино он продал и вернулся на родину. Дуайнер знал, что в Неваде Перчини был осведомителем спецслужб. Знал, что сейчас он содержит в пяти километрах от Рима рыбный ресторан. И, решив заодно поужинать знаменитым салатом «фрутто дель маре», Дуайнер поехал к нему.

Салат превзошел все ожидания, но Дуайнер потребовал хозяина таким тоном, что официант побледнел, залепетал что-то о качестве их кухни — Дуайнер не разобрал.

— У меня к тебе, — сказал Дуайнер, когда они с Перчини уединились в маленькой комнатке, увешанной плюшевыми порттьерами, — только один вопрос. К утру я должен знать, что с русской из Флоренции, той самой, о которой трещат все газеты. Жива ли она и где находится. Я это должен знать к утру. У тебя ночное заведение?

Итальянец неопределенно хмыкнул.

— Значит, я буду твоим клиентом до тех пор, пока вместе со счетом ты не принесешь мне информацию.

— Ба! — Перчини пожал плечами. — Сеньор Дуайнер слишком плохо думает обо мне. Я не якшаюсь со всякой мразью.

— Я знаю, с кем ты якшаешься. Тебе придется платить? Впишем в мой счет.

— У меня семья... — опять пожал плечами итальянец.

— Я не заставляю тебя вытаскивать девчонку из могилы или из тюрьмы. Только информация. Ты знаешь Халита?

— Немца? — На остром, черном от солнца и густых бакенбардов лице Перчини появился неподдельный испуг. — Он был у меня... Месяц назад. Больше я его не видел.

— А откуда ты его знаешь?

— Нет, сеньор, это он меня знает. Разве я смею... Он кушает у меня. Ну и... девочки... иногда. Тут неподалеку у него вилла. Небольшая, летняя.

— На побережье? — настороженно уточнил Дуайнер.

— Близко, — выдавил из себя Перчини, замялся, и Дуайнер понял, что итальянец сказал лишнее. — Близко от моря, сеньор.

— Хо-ро-шо, — растянул Дуайнер и, чтобы вконец не запугать итальянца, повторил: — Меня интересует одно: кому понадобилась русская и зачем. К утру я должен это знать.

...Когда он вышел из ресторанчика, распрощавшись с Плетневым и ощущая в себе приятную тяжесть старого кьянти, ему стало весело. «Мне надо писать детективы для Голливуда, — подумал он, — Какой удачный сценарий, какой удачный сценарий... И всего за одни сутки!»

Он дошел пешком до миссии, по пути все больше проникаясь уверенностью, что русский пойдет на контакт с ним. Последние колебания Плетнева от отметет завтра, когда покажет ему фото.

Войдя в номер, Дуайнер тут же заглянул в ванную. Зажег красный ручной фонарик. Что ж, для первого опыта он неплохо отретушировал фотографию из Бонна. Вот этот снимок с увеличенным лицом аквалангиста он покажет Перчини. Правда, портреты Хальта в светских журналах не давали полного сходства с этим снимком. Во-первых, ракурс — аналогичного Дуайнер в журналах не нашел, во-вторых, гидрокостюм меняет лицо. Перчини видел Хальта неоднократно и должен узнать его. Дуайнер рассчитывал на психологический

эффект: миллионер и аквалангист со свастикой — одно лицо!

По дороге в рыбный ресторан Дуайнер думал о Хальте. То, что он узнал о нем из светской хроники, поразило, захлестнуло воображение. Самая обширная в Европе — не исключено, что в мире — коллекция старинных часов. Жена Хальта — обладательница ожерелья из черных жемчужин. Виллы на побережье, отделанные лучшими дизайнерами Франции. «На его месте, — подумал Дуайнер, — я бы вел себя скромнее. Подумаешь, страховая контора... Слабое прикрытие».

С этой мыслью он толкнул дверь плюшевой комнатки. Дуайнеру показалось, что итальянец, увидев его вновь, задрожал. Дуайнер дружески подмигнул ему:

— Кажется, я оплатил свой счет двоекратно. Но я не за сдачей. Если ты познакомишь меня с Хальтом, я выплачу тебе за это...

Перчини выглядел затравленно.

— Герр немец не любит людей вашей профессии.

— У меня, между прочим, вполне подходящая профессия, я — один из директоров кораблестроительной компании. Идет?

— Сеньор, я не берусь за дела, которые выше моего места. Тут я не мастер. Профан!

«О, — подумал Дуайнер, — ты, братец, все-таки масон...»

— Разве Хальт масон? — Дуайнер сунул руку в карман, где лежала фотография, и Перчини, видно, решив, что там пистолет, сжался.

Дуайнер рассмеялся:

— Можешь не отвечать, без тебя знаю. Только ответь, на этой фотографии — Хальт? — И Дуайнер выложил на стол снимок.

Видимо, ресторатор не мог прийти в себя. Рассматривал фото пристально, то поднося к свету, то отдаляя. Наконец решительно сказал:

— Это не он. Таким герр Хальт был двадцать лет назад. И честно говоря, мне рассказывали, что Хальт панически боится воды.

3

Джакомо Перчини не был профаном в ложе святого Эльма. Правда, не был он и мастером. Но в его комнате за тяжелыми плюшевыми портьерами нередко собирались приверженцы святого Эльма самого высокого ранга. В задачи Перчини входила также поддержка постоянной связи между масонами. Тому способствовало официальное занятие Перчини — ездил он по стране, закупая для своего ресторана лучшие продукты. К примеру, лучший порей и сельдерей для знаменитого «фрутто дель маре» он покупал только в небольшой деревушке под Миланом, а заодно проделывал еще пару миль, навещая хозяина авторемонтной мастерской. За тунцом и макрелью обычно ездил в Геную или Ливорно, лангусты и креветки покупал в Павию, и там тоже было кого навестить.

Хальта он узнал недавно. Его привел Мастер, о котором Перчини знал одно: Мастер занимает слишком большой пост в Риме, чтобы можно было задавать ему посторонние вопросы. За Хальтом утвердилась кличка Банкир, и в самом деле несколько раз Хальт передавал ложе значительные суммы. Это происходило в комнате с портьерами, и кое-что перепало Перчини — на дорожные.

Перчини вывел машину из гаража с твердой уверенностью, что сегодня он получит подорожные, во много раз превышающие расход на бензин, затраченный на путь к вилле Хальта и обратно, ведь ему пришлось сгонять туда трижды, все никак не заставал хозяина.

Наконец садовник, отворивший калитку, молча кивнул и впустил его. Но в дом Перчини не пригласили. Садовник привел его в поросшую одичалым виноградом и плющом беседку и оставил одного. Вдруг Пер-

чини услышал легкие шаги, сквозь зелень что-то забелело, в проеме показалась белокурая головка. Девушка улыбалась, что-то пробормотала на языке — Перчини был готов поклясться чем угодно — он не слышал такого языка ни разу в жизни, — и убежала. Поздоровалась она или о чем-то предупредила? Она, конечно, не итальянка, даже самые светлые венецианки темнее ее. Скорее всего с севера. Но зачем она приходила? Что сказала? Перчини, раздумывая, не заметил, как перед ним появился Хальт.

— Добрый день, сеньор, — Перчини по-солдатски вытянулся перед Банкиром. — Славная у вас дочь...

— Доброе утро, это не дочь, в чем дело? — тяжелый недоверчивый взгляд сковал Перчини.

— Не могли бы мы... — забормотал он, — поговорить так, чтобы...

— Здесь некому нас слушать. В чем дело?

Перчини невольно перешел на полусшепот:

— Если я не разучился понимать кое-что в людях и разбираться в этой жизни, вас собираются шантажировать, сеньор...

В мясистом, холеном, почти бесцветном лице Хальта ничто не дрогнуло.

— Я никого не боюсь... — Хальт отвел глаза, и Перчини испугался, что их разговор сейчас закончится.

— О, выслушайте меня! Этого Дуайнера, американца, я знаю еще по Лас-Вегасу. Он большая теперь птица, а большим пройдохой был всегда. Он явился ко мне и стал требовать — нет, он мне угрожал! — чтобы я уточнил, так сказать, не имеют ли наши люди отношения к этому делу, о котором пишут в газетах... Ну, о русской из галереи Уффици...

— А при чем здесь я?

— Я думаю, вопрос о девушке был первой поклевкой. Какое дело Дуайнеру до русской?

— Короче, Перчини, — Хальт поморщился, — мне тоже нет до нее никакого дела.

— Минуту, сеньор. А потом... Он спросил о вас. Понимаете?

Хальт вяло пожал плечами:

— Мной и моей фирмой интересуются многие. Я плачу хороший процент, и все, у кого появляются деньги, естественно...

— Да нет. Он знает, что мы... — Перчини свел тонкие пальцы и попружинил ими рука об руку. — Хочет, чтобы я свел вас. Я, конечно, отказал. — Итальянец снова поежился под тяжелым взглядом Хальта. — Дуйнер показал мне фотографию и спросил, не вы ли это. Я ответил, что нет.

— Что, — усмехнулся Хальт, — меня снимали, когда я обнимался с черной Джильдой в вашем заведении?

— Сама по себе фотография некомпрометирующая. Это портрет в полуфас человека в спортивной шапочке, как у конькобежцев. А тут, — Перчини зашевелил пальцами у шеи, — такое, как у водолаза, ну, аквалангиста, гидрокостюм... На плечах, похоже, погоны белые...

Хальт отшатнулся, будто Перчини дал ему под дых. Итальянец и сам испугался.

— Как выглядел человек на фото? Лицо! — Перчини видел, как бесцветные глаза Хальта вдруг начали медленно наливаться кровью.

Перчини показалось, что язык перестает его слушаться:

— Ну, нос с такими... выпуклыми ноздрями...

— Вывороченными?!

— П-похоже, — пролепетал Перчини и подумал: «До чего страшный взгляд у подлеца...» — Глаза узковатые, но не маленькие.

— Здесь, — Хальт провел ногтем по скуле, — здесь есть шрам?

Перчини задумался. Пожалуй, шрама он не видел, да и качество фотографии... Он отрицательно покачал головой. И вдруг спохватился:

— Такое впечатление, что бровь, та, что к зрителю, будто подбрита, укорочена.

Хальт закрыл глаза и с минуту сидел молча. Перчини боялся дышать. Он ничего не понимал.

— Так... Американец, как его там, уверяет, что это я?

— Да. Он даже скорее действительно уверяет, а не спрашивает. Это-то меня и заставило предупредить...

Хальт поморщился, слегка помассировал грудь. «Я всегда говорил себе, что мое дело — деньги, — горько подумал он. — Зачем мне понадобилось лезть в эту грязь... Захотелось стать фигурой или от Вернера заразился верой в наше с ним всемогущество? Какая чушь! Сколько лет жили спокойно! И вот. Где я ошибся? Эта ложа... Но не ее первую я финансировал. Поначалу им ничего, кроме денег, не надо. А теперь? Это сумасшедшие, им ничего не стоит сунуть нож под пятое ребро! Вот и этот... сморчок... сидит, а глаза горят, и дышит как пантера! Что же теперь делать? Как откупиться?»

А если это не шантаж, а провокация? Естественно, Перчини раскусить ее не смог. Если американцу нужен не я, а Вернер? Но откуда у него фото Вернера? Когда я видел Вернера последний раз? Всего четыре дня назад. Что случилось за это время? Когда я приехал к нему, пляж был пуст. Ни единого человека на дороге. Ни одной высокой точки вокруг, откуда можно было наблюдать. Вот, значит, к чему привела его любовь к дешевым эффектам! Белокурая бестия, стопроцентный ариец, мессия! Черт бы его побрал!» Хальт глубоко вздохнул. В груди, слева, отпустило.

— Меня, — сказал он Перчини, — это дело не волнует. Сидите здесь. Я вернусь. — Мелкой походкой Хальт вышел из беседки. Перчини, озадаченный, снова ждал, прислушиваясь к звукам в саду. Но вокруг все было тихо.

Хальт появился минут через двадцать. В руках он

держал два конверта: с фирменным знаком и простой, белый.

— Это, — протянул он Перчини конверт, — вам. За хлопоты.

«Толст конверт», — невольно отметил итальянец.

— А это, — Хальт протянул конверт с маркой фирмы, — бросьте в почтовый ящик, но не отсюда, лучше в Риме.

Перчини, скосив глаза, прочитал адрес на конверте. И нахмурился, чтобы спрятать удивление, — на конверте был римский адрес Мастера, притом адрес домашних, которым пользовались избранные.

— И передайте американцу, — добавил Хальт, — пусть не ваяет дурака. Я к тому же уезжаю. Далеко. И надолго. Можете довести до его сведения этот факт. Все. — Хальт в упор посмотрел на Перчини, и тот попятился, бурча все известные ему формулы вежливости. Хальт же демонстративно повернулся к нему спиной. Тогда и Перчини выпрямился и, похлопывая себя по карману, утяжеленному конвертами, пошел по гравийной дорожке к калитке. Он видел ее, украшенную шпалерными розами. Он уже протянул руку, чтобы открыть массивную дверцу, когда почувствовал у локтя легкое прикосновение. Рядом стояла девушка в белом платье. Но сейчас она не улыбалась. Она смотрела строго и, как показалось Перчини, умоляюще. Она заговорила на своем языке — округлом, льющемся, она явно о чем-то просила, а может быть, пыталась объяснить. Начала помогать себе руками, видела, что ее не понимают. Нахмурилась, глаза сверкнули, будто от слез. И тут из-за кустарника вышел худой бритый садовник. Он молча распахнул перед Перчини тяжелую калитку, осторожно взял под руку девушку и повел ее прочь. Перчини глянул им вслед. Фигурка в белом платье удалялась, но вдруг девушка обернулась, и опять в ее лице появилось что-то умоляющее. Резкое

движение садовника — и она вновь покорно побрела. Только очень низко опустила голову.

«Кто это? Жена Хальта? Но он сказал... — вдруг забеспокоился Перчини. — Любовница? А что же она хотела от меня? И вообще, не сумасшедшая ли она? Больно крут с ней садовник! А кто такой садовник, чтобы быть крутым с женой или любовницей хозяина? Ба! — Перчини ударил себя по лбу, но даже не заметил любимого жеста. — А не русская ли это?! Святая мадонна, будь я проклят, если не она! — Он силился вспомнить фотографию девушки, которую мельком видел в газете, — те же светлые волосы, та же легкая фигурка, и черты лица вроде схожи, такие же изящные...

Перчини внезапно почувствовал себя в центре событий, в водоворот которых попал случайно, но которые могут повлиять на его судьбу.

Ресторатору захотелось сесть и подумать, но сесть было пегде, да и ни к чему было рассиживаться на виду у обитателей виллы. «И не спрячешься здесь, место открытое», — с досадой подумал он, заводя машину. Отъехав километра три, Перчини понял, что начинает обретать способность мыслить последовательно.

«Конечно, — решил он, — о девушке следовало бы сообщить. В конце концов, у меня еще жива моя бедная матушка, и она молит за меня мадонну так же, как за ту девочку молится сейчас ее мать. Впрочем, русские, кажется, не молятся. Или нет? Какая разница! А если подкинуть адресок прямо охраннику у представительства Советов? Так — подкинуть, и все. И там их дело, будут они принимать меры и какие. Я уже ни при чем. А если просто намекнуть Дуайнеру? Или вообще без намеков, а прямо? Ведь он интересовался девушкой? Значит, она нужна и ему. Зачем? Например, чтобы выйти на Хальта. И если Хальт ее похитил, она с удовольствием передаст своего похитителя в руки властей. Но не Дуайнер же представляет наши власти.

Гм... — Перчини увидел площадку отдыха и решил остановить машину, слегка освежиться на ветерке автострады. — Гм, она не сумасшедшая. Ее, видимо, здорово блокировали наркотиками. И зачем она понадобилась старому хрычу Хальту? А может, просто позвонить в полицию, и дело с концом? Пусть ищут доброжелателя русских. Главное, не засветиться самому. Американцу же сказать, что вроде бы девочка у Хальта, только Хальт уматывает далеко и надолго и берет ее с собой. Так что арриведерчи. И волки сыты, и овцы целы, и совесть моя католика и христианина чиста. А ведомство Дуайнера отлично платит за большие секреты».

На этом Перчини успокоился, но оставалось еще письмо Хальта к Мастеру. Вдруг оно касается девчонки?

Конверт раскрылся не сразу, но главное — без разрывов. «Я не могу принять меры, — писал Хальт, — к выполнению нашей последней задачи на воде. Даже ваши намеки о банкротстве моих конкурентов ничего не меняют. Пусть плавают».

Перчини принялся вычислять, что бы это значило...

Дуайнер с фотографией аквалангиста. Хальт, победивший от одного ее описания. Мастер, заинтересованный в решении некой задачи на воде.

4

Плетнев вернулся в отель после очередного визита во Дворец юстиции. Баранов ждал его в небольшом скверике у отеля.

— Хочу тебе сказать, Дуайнер заявил мне, что Светлана жива и здорова. Я не верю в порядочность Дуайнера, но, возможно, он что-то действительно знает.

— Жива! — облегченно выдохнул штурман. — Но какое дело этому американцу?

— Дуайнеру нужны мы, мы с тобой. У меня впечат-

ление, что он напролом рвется к этим подводным диверсантам.

В холле служитель отеля предупредил:

— Господин Плетнев, к вам посетитель.

Навстречу Плетневу поднялся сухопарый человек в низко надвинутой шляпе.

— Эрнст Груббе, гражданин ФРГ, — представился незнакомец.

Плетнев пожал протянутую руку, указал на кресла. Груббе снял свою шляпу, и Плетнев смог рассмотреть его лицо: тонкое, умное, усталое, во взгляде не то затравленность, не то надрыв — как у людей с нарушенной психикой.

— Простите, что побеспокоил, но как порядочный человек... — Он поймал вопросительный взгляд Плетнева, заговорил быстрее, явно стараясь скорее перейти к сути. — Ведь вы так или иначе связаны с расследованием убийства на той подводной лодке. Я отниму у вас несколько минут, чтобы вы разобрались, что к чему, узнали немного и меня... — Он улыбнулся, извиняясь.

— Я слушаю, слушаю... — Плетнев согласно кивнул.

— Свой ежегодный отпуск я обычно провожу на острове Гельголанде, это известный курорт, но там довольно тихо. У меня там дача, яхта. В сорок пятом году я был членом гитлерюгенда. Эту руку, — он приподнял правую ладонь, — пожимал фюрер в надежде, что мы, мальчишки, защитим его... от вас. Много бы дал, чтобы сменить кожу! Утешаюсь, что человеческая кожа все же обновляется каждые десять лет. Нас формировали в отряды. Домой не отпускали, даже совсем маленьких, двенадцатилетних. Рядом со мной на нарах бывших ремовских казарм валялся парень из Мемеля. Я забыл его имя, но лицо помню, у него была яркая примета — левая бровь росла лишь наполовину. Потом мемельца куда-то отправили, он уехал, и больше мы не

виделись. И вдруг... Иду по набережной неподалеку от моей дачи на Гельголанде, а навстречу — он. Собственной персоной, тот мемелец. — Плетнев уселся плотнее в кресле, Груббе расценил этот жест как нетерпение и опять заговорил извиняющимся тоном. — Это преамбула, вот-вот перейдем к главному. Знаете, герр Плетнев, как обычно радуешься знакомым юности! Я, естественно, устремляюсь к нему, силясь вспомнить имя — Вернер, Вальтер? — протягиваю руку, как вдруг мемелец, — а по его лицу я понял, что и он узнал меня, — перескакивает барьер набережной, да так лихо, что я остолбенел. Но этого мало, на ходу он сбрасывает обычный костюм, остается в черном блестящем типа спортивного трико и ныряет...

Конечно, думал я потом, война искорежила души, и страх остался у многих немцев моего поколения. Но смешно теперь бояться доносов, что кто-то был в гитлерюгенде. Кто сегодня на это обращает внимание! Сегодня могут спокойно спать даже прежние национал-социалисты.

Та встреча лишь удивила меня, да, лишь удивила. А вот вторая встреча с мемельцем... Она породила во мне замешательство, смешанное с ужасом. Да-да, сужасом, притом животным... будто я в своем доме вдруг наступил на очковую змею. Хорошо, что при мне оказался фотоаппарат. Я снял мемельца, катаясь на яхте. Был полный штиль, и я увидел, как на поверхность всплыло темное блестящее тело. Я биолог, меня заинтересовало это явление, я приготовил фотоаппарат, предполагая самое невероятное: вдруг это... стеллерова корова... или касатка, редкость в наших широтах. У моего фотоаппарата хорошая оптика, но я решил еще немного приблизиться к животному. Однако тут объект моей фотоохоты зашевелился, я, не теряя времени, нажал на затвор. Вот результат, — Груббе вынул из внутреннего кармана пиджака конверт, но задержал его в руках. — Отпечатанные снимки потрясли меня. Я дол-

го размышлял, но не находил объяснения. Я человек осторожный и не люблю, чтобы меня вышучивали. Поэтому молчал.

Но однажды услышал любопытную историю. Рассказывал мой коллега, что к его прислуге приехал брат и под влиянием доброго шнапса поведал, что якобы собственными глазами видел, и притом неоднократно, человека-рыбу, боевого пловца, существующего для диверсий. Еще речь шла о каких-то фондах. Потом этот подвыпивший господин отказался от своих слов, но спьяну он долго хвастался своим общением с необычным и всемогущим человеком-рыбой. И тогда я понес фотографии, сделанные с яхты, в наше городское отделение Фау Фау Эн. Там почему-то решили, что я принес коллаж с целью провокации, рассказам моим не поверили, а человек, на которого я ссылался, уехал из города, и как утверждалось, за границу. Разумеется, я не думал о провокации. Я не знаю, что стоит за этим, — Груббе приподнял конверт, — но как биолог заключаю, что подобное может быть хуже любой атомной бомбы. — Он протянул конверт Плетневу. — Хуже самого изощренного биооружия. И вероятно, это и есть биооружие последней марки.

Фотография человека в черном гидрокостюме с большой белой свастикой на спине полностью соответствовала описанию Баранова.

— Так...

— Это мемелец, — продолжал Груббе. — Ясно, что он не пожелал узнать меня. Одно странно: выглядит он явно моложе своих лет. Получив от ворот поворот, поехал я в головную организацию лиц, преследовавшихся при нацизме, в Бонн. Клянусь честью, я не знал, куда мне пойти с этим, чтобы предать дело гласности, и наивно полагал, что иду к людям, наиболее заинтересованным во всяком искоренении зла. Увы, я ошибся. Почему-то это дело не взволновало их, хотя поначалу они отнеслись ко мне внимательно. Однако... это происше-

ствие с кабелем, с подводной лодкой, обошедшее все газеты... И вот я решился... к вам... Уверен, что мемелец не последняя гайка в этих темных делах.

— Да-а, — протянул Плетнев. — Спасибо.

— Надеюсь, мое имя не будет фигурировать. Да, вот еще что. Чтобы не быть голословным, могу сообщить, что я выяснил у коллеги адрес родственника его прислуги. Живет он здесь, в Италии. Работает где-то на вилле на Тирренском побережье Ривьеры-Лигуре. Его приметы: высокий сухощавый человек со стриженным затылком. Мой коллега особо отметил этот факт — затылок стрижен именно так, как стригли затылки миллионам солдат вермахта. А почему бы и нет, если его хозяин носит свастику во всю спину? — Немец попытался улыбнуться, но было видно, что ему не до смеха.

«Возможно, он действительно порядочный человек, — подумал Плетнев. — Если только... не агент Дуайнера».

Немец надел свою шляпу, сразу спрятал под ней лицо, сухо простился.

Через окно Плетнев видел, как он неторопливо и чуть припадая на левую ногу, шел по улице, пока не повернул за угол. На углу посторонился, пропуская стремительно шагавшего мужчину — тот почти бежал. Плетнев с недоумением узнал в мчащемся по улице человеке штурмана Баранова.

На Баранове не было лица.

— Я получил письмо от Светки, — выпалил он.

«Я жду тебя каждый день, мне обещают, что ты обязательно придешь. Приходи. У меня все хорошо, только, пожалуйста, приходи, куда тебе скажут, только тогда мы сможем увидеться. Света».

— Ты уверен, что почерк не подделан?

— Почти два года переписывались...

— И все-таки сомневаешься, — Плетнев посмотрел испытующе.

— А как вы бы на моем месте?..

— Наверное, тоже... так сказать, не полностью полагался бы.

— Этот, который передал мне письмо, сказал, что мне надо завтра быть в любое время недалеко от ресторана «Золотая рыбка». — Плетнев кивнул. — Там меня и проводят куда следует. Поеду, конечно... Чем черт не шутит, когда бог спит. Не могу я не пойти. Я всегда говорил, что ее похитили по ошибке. И, может, теперь ищут выход. А тут из газет известно, муж приехал.

— Кто передал тебе письмо?

— Он не назвался.

— Как выглядел?

— Не рассмотрел. Мы буквально столкнулись. Он, видимо, поджидал меня.

— А все-таки?

— Высокий, почти моего роста, худой. Лет шестидесяти. Волосы седые. Пострижен коротко, но не слишком. Длинная шея. Леонид Михайлович, если это важно, когда я пойду на встречу, то уж рассмотрю его как следует. Он сказал, будет ждать.

— Ты не горячись. Там по-всякому может быть. Похоже, Светлана писала записку под диктовку, переводя этот диктант или диктат на русский. Так что... Ну а теперь посмотри вот на это, — Плетнев показал Баранову фотографию, полученную от гражданина ФРГ Груббе.

— Откуда она у вас? — От удивления, волнения голос штурмана срывался после каждого слова.

— Возможно, оттуда же, откуда у тебя письмо Светланы. Завтра я с утра отлучусь часика на три, ты меня дождись, к «Золотой рыбке» поедем вместе.

5

— Не люблю фашистов... — сказал, улыбаясь, Карло Мауэр. Плетнев только вздохнул. Не люблю... Как о манной каше. А впрочем, что требовать от этого

юноши, что он знает о них? В его жизненном опыте фашисты — так сказать, антиобщественная группа, куролесящая на площадях с полузабытыми лозунгами. Неприятная, конечно, группа. Заторы на улицах создают, общественный порядок нарушают.

— Карло, в вашей семье кто-нибудь участвовал в войне?

— В которой? — Мауэр лихо объехал идущий впереди старенький «фиат», неожиданно снизивший скорость, выглянул в оконце и разразился тирадой в адрес его пассажиров — явно нелицеприятной. Плетнев обернулся: парочка в «фиате» целовалась.

Что ж, вопрос Карло задал точный: в какой войне? — была еще ведь и абиссинская война, а потом корейская, и вьетнамская, и ближневосточная — убийственный перечень.

— Во второй мировой, с Гитлером.

— А... Дед. Легко отделался: стоял где-то в Югославии. Потом, кажется, у вас, но до Сталинграда. Считает, что мог бы остаться на Волге, спасибо вашим партизанам, они его поцарапали раньше.

Плетнев поежился и замолчал. Ну разве объяснить милому веселому итальянцу, лучшему другу убитого Вивари, что и через десятилетия продолжает оставаться боль, которая гнетет до сих пор, до сих пор взывает ко мщению. Для самого Плетнева война навсегда осталась связана с отчаянным криком матери: «Леньку спасайте, Леньку!!!» От бомбежки, заставшей их в колхозном саду за сбором яблок, мать забилась под самое раскидистое дерево, почему-то стараясь спрятать голову, а он, одиннадцатилетний, любопытный до глупости, выбежал на открытое место и, разинув рот, глядел на тяжелые, неестественно близкие самолеты с уродливыми, будто переломанными мрачной силой, крестами. Они плыли, а не летели, от них медленно, натужно отделялось что-то черное, мрачное... И нечеловеческий

крик бросившейся к нему матери. Осознанная ненависть пришла потом. И всякий раз перехватывало горло, когда видел у Большого театра ветеранов, когда хотелось отвести глаза от тихо плачущих у Вечного огня вдов...

На тех бомбардировщиках был черный изломанный крест — на белом фоне алюминия, теперь вот белая свастика на черной глянцевой спине.

— Конечно, — заговорил Мауэр, — с моим другом Вивари могли посчитаться и фашисты. Но у меня на них есть управа, — Карло похлопал себя по карману. — Давно купил по случаю. Боевая граната, есть и слезоточивая. Надеюсь, вы без оружия? Вам ни к чему, потом с полицией не разберешься. — Плетнев кивнул.

— Мой маузер, между прочим, в отличном состоянии, так что не беспокойтесь. Меры предосторожности бывают просто необходимы, такова наша жизнь! — Мауэр засмеялся. — Сейчас мы сделаем поворот и будем как раз у гнездышка.

А какие меры предосторожности мог бы предпринять Плетнев здесь, в чужой стране? Подключить к делу итальянскую полицию, думал он, значило бы обречь все на провал. Положим, они схватят этого худого, длинного, стриженного под образец 1939 года художника. А он окажется наиобыкновеннейшим мелким буржуа, рантье или что-то в этом роде. И пойдет звон о подозрительности русских... Действовать на свой страх и риск? Плетнев разыскал Карло Мауэра и в общих чертах рассказал ему о Груббе, о снимках и болтовне подвыпившего немца.

— Кто бы мог подумать, — удивлялся Мауэр, — что в двадцати семи километрах от Рима, на берегу Тирренского моря, ласкающего Неаполь! — Карло зашвырнул лирический мотив, сбавил скорость, раздумывая, куда сворачивать дальше — впереди показался глухой забор. И остановился.

— Верно, это где-то здесь, — тихо заметил Плетнев, сверяясь с адресом-планом Груббе.

— Будем брать штурмом? — улыбнулся Мауэр.

Плетнев усмехнулся:

— Посмотрим...

Они вышли из машины, огляделись. Там, где забор кончался, неправильным углом уходя к морю, вдали было видно несколько домишек, очевидно, рыбацких, — рядом с каждым стояли козлы с растянутыми сетями. О рыбацкой деревушке в плане-адресе ничего не было.

— Я думаю, надо навести справки, ну, расспросить, не видели ли здесь человека такого-то и такого-то... — предложил Мауэр. — Подъем?

— Не лучше ли пройтись?

Едва они сошли с битумной дороги, ноги начали утопать в крупном песке, сквозь который, неизвестно, за что держась корнями, прорастал колючий кустарник. Открылось море.

— Три года назад, когда я только переехал в Чивитавеккью, здесь прошел смерч. С тех пор мне казалось, здесь никто не живет, — задумчиво сказал Мауэр.

— И что же?

— Я был не прав. Но боюсь, в такой ранний час мы мало кого застанем в деревне. Самый лов...

— А вот и нет, — ответил ему Плетнев, когда они поднялись на песчаный бугор, с которого начиналась деревенская улочка. — Смотрите, Карло, как много народу.

У дома, отличающегося от остальных черепичной кровлей и кирпичной кладкой, стояла толпа. Полицейская машина, собаки... Нет, не деревенские, те тихо сидели у ворот — служебные собаки. Мауэр и Плетнев подошли ближе.

— Что случилось в этом доме, синьора? — спросил Карло пожилую женщину, присевшую на раскладной стульчик.

Она сокрушенно покачала головой:

— Убили Марка, жаль его — славный был человек, пусть теперь позаботится о нем Мадонна! И за что такое? Никого не обижал! — Она покачала головой, стараясь придать своим словам как можно больше убедительности. — Никого! Тихо жил... И такая ужасная смерть... В него бросили бомбу, представляете?.. Какой ужас! А какие розы он выращивал в саду синьора Хальта! — Она махнула рукой в сторону видневшегося вдали глухого забора.

Плетнев и Мауэр переглянулись.

— Он был садовником? — спросил Мауэр с тревогой в голосе, которой, видно, испугал старуху.

— Почему синьор интересуется? — насторожилась она. — Вы... Разве вы... — она перевела глаза на Плетнева и замолчала. — Да, садовником, — пролепетала наконец, встретившись с подбадривающим взглядом Плетнева. — Если вы родственники или друзья Марка, обратитесь к полицейскому комиссару, он в доме, — заключила она. Опустила голову, и Плетнев пожалел, что Карло спугнул ее откровенность.

— Посторонитесь! — раздался громкий голос, толпа раздвинулась. Показались носилки. Сзади шли полицейские и врач.

— Дом опечатать, — скомандовал тот же голос и добавил: — По нашим данным, родни у покойника не было.

Когда носилки начали укладывать в машину, ветерок отбросил простыню, и Плетнев увидел лицо. Это был худой, с высоким узким затылком, с солдатской стрижкой образца 1939 года человек, к которому направил его Груббе и который, вероятно, принес Баранову письмо от Светы...

Обратно ехали молча и медленно. «Ниточка оборвана, ниточка оборвана», — надоедливо вертелось в голове Плетнева.

— Здесь недалеко хорошая траттория, синьор Плетнев, — нарушил тягостное молчание Карло, — не закусить ли нам? Я, признаться, выехал вам навстречу, перехватив лишь кофе... даже без лимона!

Плетнев кивнул — он тоже не ел с утра, а утро для него началось с первыми лучами.

У стойки бара сидел лишь один посетитель, который живо обернулся:

— Хэлло, мистер Плетнев! Мы с вами ходим одними дорогами? Как вы думаете, кто убил старину Марка?

— Это он, он, — вдруг закричал высокий пронзительный голос, какие-то люди подскочили к Мауэру, начали скручивать руки. Плетнев бросился к нему на помощь, но Дуайнер крепко схватил его за рукав. Будто из-под земли появилась полиция.

— Это недоразумение... — все пытался вмешаться Плетнев.

— Слушайте меня, я же видел, — высокий истерический голос принадлежал хозяину траттории. — Я видел, и не только я, как в дом Марка вошел темноволосый невысокий щуплый мужчина... Все приметы сходятся!

Плетнева оттесняли все дальше и дальше от Мауэра Дуайнер и хозяин траттории, который тоже был черноволосым, щуплым, невысоким мужчиной. Плетнев заметил, что задний карман его широких брюк слишком повторяет очертания пистолета...

Вернувшись в отель, Плетнев узнал у портье, что утром Баранова спрашивал рассыльный из Дворца юстиции, и вскоре штурман ушел.

МОНОЛОГ II

Адольф всегда сторонился женщин. И Хальт — он никогда... Я не смог. Я оказался слабее. Все-таки эти проклятые рыбы однажды сослужили мне хо-

рошую службу, когда выгнали меня на мелководье лагуны, и мне пришлось идти по берегу... С кем она была? Говорит, с мужем... Анна... Я знал, что Хальт поможет мне. Он верный друг, что бы ни говорила о нем Анна. Он все сделал, чтобы мы с ней снова были вместе.

Но Анна все-таки беспокоит меня. Она сказала, что я не человек! Неужели она не в силах простить мне того утра, когда я отказался от нее? А что мне оставалось делать? Я знал, почему доктор отпустил нас по домам. Это были последние дни. Она не поверила мне тогда... Как часто я потом вспоминал ту минуту, когда Анна отвела мою руку и тихо, растерянно спросила: «Что ты хочешь?» И я бежал, чтобы только мысленно в воображении дорисовывать несбывшиеся мгновения страстной любви, радости...

Анна говорит, что я убийца. Полно! Разве я убивал президентов, разве я готовил заговоры? Настоящие убийцы там, на суше, я существую не для убийства, а для жизни нашей идеи.

Дураки дельфины, у них, верно, тоже есть идея, почему же я не могу никак договориться с ними? Я выбрал себе псевдоним Вальтер. Так звали моих кумиров: адмирала Канариса и бригаденфюрера Шелленберга. К одному из них, увы, фюрер был несправедлив, неужели струну от рояля нельзя было заменить для такого великого человека обычной пеньковой веревкой? А бедный Шелленберг так и умер в монастыре. Совсем недалеко, здесь, за Неаполем. Как часто я всплывал на поверхность, чтобы только посмотреть на одну из бойниц, за которой томился этот величайший ум!

Анна сказала, что Хальт самый богатый человек в мире и разбогател на моих сокровищах. Она хочет, чтобы я отпустил ее, тогда она принесет мне доказательства. Она говорит, что у Хальта есть жена. И не первая. Да, я сам видел молодую женщину один раз. Но

Хальт сказал, это больная, ненормальная, которой он дал приют, чтобы она не болтала лишнего. Она случайно видела, как я поднимался из воды, и почему-то долго кричала. Неужели мой вид так омерзителен? Да полно, я же обыкновенный человек, доктор Дейке почти не изменил моего лица и тела. Проклятые рыбы! Я такой же, как они... Я покрыт их кожей... В моем организме искусством Дейке вырабатываются те же гормоны, что и у них, у меня так же меняется ритмика пульса, когда я ныряю. Я уникум: у меня прижилась железа молодого дельфина, и в моих мышцах запасается кислород не хуже, чем у них. Они-то не бессмертны... А я не старею. Этого они мне не хотят простить? Они гонят, гонят меня, будто знают, что из всех, из всего нашего отряда я остался один. Бедный доктор! Уж он-то выбирал самых крепких, не ослабленных войной. Хорошие деревенские ребята из Пруссии, из Альпийского Гарца... Одни не выдержали операции, всплывали в тренировочном аквариуме кверху брюхом совсем как дохлые рыбы, а других сразу затравили эти проклятые своим ультразвуком... Они доводили до того, что несчастные бросались под корабельные лопасти и винты. Дейке знал, что не у каждого устойчива психика, как у меня, предупреждал, если вдруг... Нельзя снять костюм — он слишком тесно сплетен с нервными окончаниями. Смерть мучительная, страшная... Легче под винт! Дельфины это узнали... Зачем они мешают нам? Почему они так любят тех людей, что ходят по земле? Откуда в этих черных рыбах любовь к тем и ненависть к нам? Мерзкие существа! Хотели загнать меня подо льды, чтобы я умер! И теперь не пускают меня к моей Анне. Закрыли вход в лагуну. Но я не отступлюсь. Она будет моя, только со мной... И мой Хальт, и никто, никогда... И все будет как всегда, я буду нести свою службу. Ведь я солдат. Я выполняю приказ, а никто еще не отменял его. Они уходят?! Они уходят! Они хотят выпустить Анну?

— Ну что, Андрей Алексеевич, займемся. — Генерал взял в руки папку и посмотрел, как Поеров раскладывает документы. — Не скрою, твоя дельфинья теория меня заинтересовала, но романтика с фантастикой не по нашей части. Что говорит Цговери, можно связывать диверсионную работу с изменениями в поведении дельфинов?

— Вот заключение профессора. Читать?

— Давай в двух словах: что поддерживает твою версию, что отрицает.

Поеров усмехнулся. Версия основывалась на показаниях очевидцев. Там, где появлялся диверсант, появлялись и дельфины. Можно закрыть глаза на совпадения, но Андрею не давала покоя давняя история на базе подводных лодок. Диверсанты и дельфины, рассуждал он, враждующие стороны. Уж чем там диверсанты насолили приматам моря, трудно сказать, важно, что можно использовать дельфинов как помощников. Профессор Цговери не мог сдерживать улыбки, когда слушал Поерова.

— Так, стало быть, вы биолог, — проговорил он добродушно.

— Врач я, — подсказал Андрей, — по основной специальности.

— Ну а по теперешней вашей специальности, — Цговери заговорщицки подмигнул, — вам должен быть знаком такой термин «следственный эксперимент». Давайте посмотрим... У нас в океанариуме недавно появилась пара дельфинов из Адриатики. Думаю, самые подходящие субъекты для этого дела. Они как раз родом из мест дислокации ваших диверсантов, так что, может быть, видели или слышали что-то. Посмотрим, как они будут реагировать, если посадить им в вольер аквалангиста

со свастикой. Списанный гидрокостюм у нас найдется.

Ничего не получилось. Дельфины спокойно плавали, когда на дно их вольера опустился аквалангист с размалеванной по спине свастикой. Профессор посмеивался, а Поеров почувствовал себя, будто его легонько щелкнули по носу. И тут он вспомнил, что при расследовании обстоятельств убийства капитана Барсукова на яхте были обнаружены следы слизи с сильным запахом, напоминающим запах несвежей рыбы. Химический анализ слизи тогда сделали, значит, можно попробовать синтезировать если не саму слизь, то вещество со сходным запахом. Поеров не очень рассчитывал на успех своей затеи, но в этом деле, считал он, нужно использовать все возможные и невозможные зацепки — темное дело, слишком темное.

Цговери усмехнулся недоверчиво, но новый эксперимент разрешил. И дельфины забеспокоились. Когда эксперимент повторили, работали датчики, фиксирующие обмен информацией между дельфинами. Цговери «перевел» диалог в вольере:

— Опять он?

— Не он.

— Куда люди смотрят? Он!

— Люди разыгрывают нас.

В самом деле, дельфиниха была обеспокоена куда больше своего друга. Кончилось тем, что, когда аквалангист начал всплывать и приблизился к ней, дельфиниха резко подпрыгнула и метнула свое тело прямо к ногам Цговери. Она что-то свистела, похрапывая.

«Защиты просит», — усмехнулся Цговери и погладил Изиду — так ее звали, — по темной лоснящейся голове.

Однако дельфинье посвистывание к делу не пришьешь... Мало ли что могло их раздражать — например, сам неприятный запах. А расшифровка дельфиньего языка, «переводы» Цговери пока лишь предположение. Метод не апробирован до конца. В других научных

центрах не перепроверен. Следовательно, опираться на него рискованно.

— Так что, — сказал Андрей генералу, — моя версия рассеялась как дым. Я даже думаю, появление дельфинов одновременно с появлением диверсантов объясняется наипростейшим образом: дельфины принимают их за людей, терпящих бедствие. Ну и ведут себя соответственно.

— Ладно, — генерал отошел к карте, — объяснять поведение дельфинов — дело ученых, наше — поймать вредителей. Вот, смотрите, — он показал рукой на карту, — флажками отмечен ареал их действий. Одну минуту. — Генерал включил переговорное устройство: — Если товарищ адмирал... Приглашайте.

В кабинет вошел моряк. Видно, давний знакомый генерала. Они встретились тепло, но тут же перешли к делу.

Два пожилых человека долго стояли в раздумье у карты мира.

— Если все суммировать, — сказал адмирал, — получается, диверсанты избегают холодных морей. С военной точки зрения могу добавить, что активная деятельность диверсантов-подводников проходит недалеко от военно-морских баз НАТО. И можно предположить, что эти базы им дом родной.

Адмирал развел руками.

— Что посоветуешь? — генерал выжидательно смотрел на старого товарища.

— А что тут можно посоветовать? Нужно иметь ответы на самые разные вопросы... Как они пополняют, к примеру, запас кислорода? Чем питаются? Энергетика? И самое главное: кто руководитель диверсий? Где он — в воде или на суше?

— Скорее всего именно на суше, — мрачно бросил генерал. — В каком-нибудь уютном кабинете. — Помолчав, он сказал: — Я говорил с Плетневым. Леонид Михайлович оказался в самом центре событий. Так что

вот что получается: аквалангист, а точнее, дельфиночеловек со свастикой на спине — совсем не миф. Это, возможно, наследие страшных сороковых годов. Есть основание полагать, что действует он в одиночку. Это обстоятельство, с одной стороны, облегчает нашу задачу, с другой — очень затрудняет ее. Будем начинать операцию по охране наших вод... как назвать ее условно? — Он посмотрел на адмирала.

Адмирал усмехнулся:

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день... Древность всплыла, динозавр... — И тут в его глазах зажегся лукавый огонек. — Есть прекрасное название для операции: «Плиозавр» — самый хищный, самый коварный из древних ящеров. Так вот, «Плиозавр-45»... Годится?

— Ничего... — пробормотал с иронией генерал. — Название есть, осталось немного, разработать саму операцию. Кстати, нам никак нельзя сбрасывать со счетов, что одна из главных задач подводного диверсанта, судя по его действиям, — физическое устранение членов экипажа подлодки «Академик Ширшов». Вам, Андрей Алексеевич, нужно выехать в Новороссийск, к Баруздину. — Поеров кивнул. — С его головы не должно упасть ни единого волоса.

— Не упадет, — улыбнулся Андрей. — У него там шлем, не прошибешь...

Но генерал словно не заметил шутки:

— Кроме того, в Архипо-Осиповку, этот курорт рядом с Новороссийском, завтра выезжает журналист Жуков. Послезавтра выходит его статья, думаю, ее перепечатают многие зарубежные газеты. Он раскрывает тайну человекорыбы, дельфиночеловека, все равно, как назвать этого фашиста. Дает фотографии, полученные через Плетнева... Ясно, что диверсант и его хозяева не простят журналисту разоблачений. Будете в Новороссийске, Андрей Алексеевич, держите связь с Архипо-Осиповкой.

В кабинет вошел адъютант. Генерал взял у него тонкую папку, раскрыл и углубился в чтение:

— Печальное известие из Рима. Исчез штурман Баранов. Плетнев предполагает похищение.

2

У дома Мастера Хальт остановился как перед плахой. Если его письмо так разгневало Мастера, что тот лично позвонил среди ночи и приказал незамедлительно явиться, то чего же ожидать от личной встречи? Ярости, за которой смерть? Хальт прекрасно знал, что почему в этой игре.

Смерть... Человеку свойственно думать о ней абстрактно, имея в виду не себя. Вот гибель Вейке, молодой двадцатипятилетней женщины, его последней жены, была почему-то реальной... и желанной. Психиатрам пришлось поставить на ней крест. Но сейчас уже дело не в болезни Вейке. Хальт понял, что предстоит ликвидация предприятия, и это единственная возможность избежать гибели. Можно сказать, он уже начал эту акцию — пришлось убрать Марка. А что оставалось? Треугольник Хальт — Заурих — Марк внезапно стал многоугольником. Некий американский агент... Перчини тоже кое-что пронюхал — больно уверенно держится. Заурих сам раскрыться не мог. Вейке вне человеческого общения. Хальт за себя отвечает. Остается Марк, «верный» слуга. За деньги, которые он получал, можно позволить выдрать себе язык. Хальт и объясняться с ним не стал. «...Чтобы последним жизненным впечатлением был блеск топора как кара за злодеяния, нанесенные рейху» — так, кажется, формулировался приговор о смертной казни через отсечение головы, обращенной лицом к небу. Трудно сказать, видел ли Марк блеск топора среди ночи, но у него было время понять, за что и почему.

А с русским штурманом?.. Следовало отказать Зау-

риху. Не надо было идти у него на поводу и с русской. Обошелся бы без нее. Но, с другой стороны, этого безумца надо иногда как-то ублажать, иначе от него вообще ничего не добьешься. Впрочем, если беседа с Мастером закончится благополучно, можно вернуться и отыграть вспять. Хотя Заурих дважды не вышел на связь. Кто-то открыл ему истину? Нет, от Зауриха тоже придется отделаться, решил Хальт. Он отслужил свое.

Другой вопрос — как отделаться?

И снова Хальт упрекнул себя, что ввязался в политическую кашу. А ведь как хорошо начиналось — никакой политики, только деньги, большие деньги!

Хальт помнил тот день, когда в Антибе подыскивал приличное помещение для офиса фирмы. В центре аренда дорога, хозяин вряд ли одобрит здешние цены, вот и решил подняться на мыс. С одной стороны, рассуждал он, там пустынно, с другой — эффектная вывеска страховой конторы по обеспечению драгоценностей или, скажем, другого личного имущества — автомобилей, яхт, — могла бы привлечь богатых бездельников, пришедших глянуть на замок Наполеона Бонапарта.

Напротив замка Наполеона Хальт увидел небольшое быстро и решил посоветоваться с его хозяином, где можно снять подходящее помещение. Хальт сел к столу под ярким зонтиком, глянул вдаль на поросшие лесом склоны Альп, на голубую гладь моря, и такая тишина, такая радость неожиданно вошли в его душу, что захотелось плюнуть на все дела, забыть о мирском, о бедности, унижениях, погрузиться в эту негу... И тут он увидел Зауриха.

— Это издевательство, — зло зашипел Заурих, едва поздоровавшись. — Я прихожу сюда каждый вторник уже который месяц... Где ты был? Где связник в Гастингсе? Куда все подевались? Или я должен метаться по морям, как будто мне одному все это нужно?

Хальт ничего не понял, но почувствовал, что из Зауриха можно извлечь пользу. Начал подыгрывать и через

двое суток уже знал о Заурихе все. С того дня, как они расстались в клинике доктора Дейке.

Хальт не прошел отбора в клинике Дейке. Он не очень хорошо представлял себе, зачем его привезли в госпиталь, больше всего боялся, что станут брать кровь — и так был порядком истощен. Но кровь взяли только для анализа и потом долго не вызывали. Хальт уже обрадовался, что не годится в доноры. Его отпустили после пятого анализа, вовсе непонятного: с пятки срезали кожу, сказали, быстро нарастет новая. У Зауриха кожу исследовали повторно, сняли покров с брови. А Хальту приказали изучать радиодело. Отправили в радиоцентр, который вскоре был взят американцами. И к лучшему, сказал тогда себе Хальт. Он постарался забыть все и переключиться на премудрости бухгалтерского дела в финансово-статистической школе.

А Зауриху, оказывается, сделали несколько операций. Пока Хальт заучивал звучные термины бухгалтерского учета, Заурих освоил морские глубины. Заурих стал жителем моря. Ему доверили тайны... Впрочем, об этих тайнах Хальт узнал потом. А тогда он узнал, что в определенные дни и часы Заурих должен был появляться в нескольких курортных городках и ждать связников. Связника не было. Заурих признал в Хальте знакомого и решил, что долгожданный связник наконец появился. Он ждал от Хальта приказа. Но Хальт не знал, что он должен сказать Зауриху, и только бросил в ответ на его гневную тираду:

— Обстоятельства резко изменились. Жди меня во вторник на пляже Жуан-ле-Пэна в это же время...

До вторника предстояло сориентироваться и вычислить, на что рассчитан человекодельфин и какую выгоду от него можно извлечь.

Если дело обстоит именно так, как рассказывает Заурих, то с какой бы целью ни запустили его под воду, он обладатель несметных богатств. Хальту мерещились, сокровища погибших кораблей, россыпи жемчужных ра-

ковин, золотые донные пески. Только потом он узнал, что в катакомбах ранних христиан в Лигурии, уходящих глубоко под сушу сложными переплетениями гротов и переходов, спрятана часть фондов Гитлера и Муссолини. Там же устроено убежище Зауриха и его команды. Потом Хальт понял, что Заурих страж при богатствах и добытчик новых сокровищ. В нем фашизм видел свое бессмертие. Что такое идеи без мощной финансовой поддержки? — рассуждал Хальт. Хлам. Кто платит, тот и музыку заказывает. Раз Заурих ждал связного, стало быть, он ждет команды, куда переправить деньги для возрождения наци. Риск был велик, но Хальт решился. Смертельно опасная авантюра, но... конец бедности, конец унижениям мелкого служащего.

Направляясь на пляж Жуан-ле-Пэна, Хальт раздумывал, как рассказать о затруднениях каудильо Франко, чтобы Заурих — Хальт еще не знал, получает ли тот указания от кого-либо, да и вообще, имеет ли он политическую и экономическую информацию — убедился, что Франко послал к нему за помощью в укреплении своего режима. Заурих так отчеканил свое «есть!», что Хальт испугался, не выбросит ли он вперед руку, не заорет ли «хайль!»... Вскоре в Гибралтаре произошло крушение двух французских эсминцев — Заурих по-своему истолковал затруднения франкистского режима. И вот тогда Хальт начал интересоваться политикой — ведь всякий раз ему приходилось изобретать новую легенду, под которую он получал золотые слитки, упакованные в водонепроницаемые контейнеры пачки долларов и фунтов стерлингов, драгоценности. Он, не стесняясь, клал их в свой карман — а кого же стесняться? Но иногда все же переправлял средства туда, куда, должно быть, их направил бы Заурих.

Начал с простой благотворительности, когда собирал деньги на похороны Елены Бехштейн, вдовы короля роялей, — каждому члену гитлерюгенда известно было, что эта женщина еще до тридцать третьего года вложи-

ла в фюрера почти все свое состояние. Подбросил Хальт и на становление организации бывших офицеров вермахта, и на поддержание тех осужденных Международным военным трибуналом, которые начали мало-помалу выходить из тюрем. А потом понял, что, протянув палец, увяз по локоть. Ему, не кому-нибудь, принесли переданное из тюрьмы письмо бывшего gross-адмирала Деница. Дениц не просто передавал весточку близким, письмо содержало программу ремилитаризации Германии. На это нужны были деньги, и немалые. Хальт, став уже очень богатым человеком, понял, что письмо передано ему не случайно. Деньги поэтому дал. А письмо с автографом gross-адмирала показал Зауриху, чтобы упрочить свой авторитет в глазах рыбочеловека.

Но чуть позже Хальт испугался... Дело не кончилось, оказывается, 16 октября 1946 года, когда в Нюрнберге повесили одних, а других отправили отбывать различные сроки заключения. Возмездие продолжалось. Казнили Коха и Эйхмана, осудили Оберлендера, а ведь он уже был министром в новом кабинете в Бонне, Глобке — тоже немалую величину, Крюгера — члена правительства Эрхарда.

Хальт переехал в Италию, сославшись на внезапное ухудшение здоровья. Тогда он еще не знал, что капитал и политика неразделимы. А за ним, Хальтом, был не только капитал, был Заурих. Только спустя годы Хальт окончательно перестал опасаться, что к Зауриху явится настоящий связной и передаст Хальта в руки настоящих хозяев. Но, видимо, все-таки цепочка связи с Заурихом катастрофически оборвалась в каком-то звене, Впрочем, в 45-м году могло произойти самое невероятное...

Однажды Хальту дали понять, что его контакты с реваншистскими кругами — не секрет. Не секрет и его связи с террористами. Из этого следовало, что, если Хальт будет плохо себя вести, его досье может попасть к тем, кто и по сей день серьезно занят личностями воен-

ных преступников. С этим разговором к Хальту пришел Мастер. В Риме уже тогда он занимал высокий государственный пост. Хальту он прямо не грозил, наоборот, внушал, что только под сенью ложи святого Эльма Хальт обретет убежище от своих преследователей: красных, левых. Что нужно ложе? Немного: соблюдение тайны и послушание, регулярные членские взносы, их размер зависит от желания жертвователя. Правда, Мастер избавил Хальта от мучительной задачи придумывать приказы Зауриху, теперь Хальт получал их от Мастера. И вскоре убедился, что за фигурой главы масонов стоит целый идеологический и репрессивный заокеанский аппарат.

Заурих работал без сбоев. Он устрашал, провоцировал, уничтожал — порой Хальт думал, что Заурих не может работать в одиночку, как утверждает, ссылаясь, что его приятелей истребили дельфины. Заурих, правда, и сам боится дельфинов, каждый раз жалуется на них. Но Хальт давно уже думал, что Заурих лишился рассудка. Не потому ли он с настойчивостью маньяка преследует членов экипажа русской подлодки. Он уверяет, его оттуда видели.

— Все хорошо, — сказал Хальту Мастер. — Пусть побаиваются те, на лодке. А вместе с ними всякий, кто захочет еще раз сунуться... Следующий членский взнос раздайте вашим людям. Они заслужили поощрение. Но что означает ваше письмо?

Хальт ответил быстро, объяснения он подготовил:

— Дело связано именно с моими людьми. Один из них, как мне сообщили, попал в неприятную историю. Придется выручать беднягу.

— Но разве один человек может повлиять на дело? Операция, порученная вам, связана с конкретными сроками. Хальт, вам прекрасно известно, что произойдет, если вы завалите эту операцию.

Хальт покорно кивнул.

— Вы правы, Мастер. Забудьте о моем поспешном

решении и поспешном письме, я был несколько взволнован... смертью моего садовника.

Мастер криво усмехнулся:

— Он не умер, а убит. Не вами ли? — Хальт содрогнулся.

Мастер, заметив его испуг, снова усмехнулся:

— Я поступил бы так же. Он крупно вас продал. Зря вы не читаете коммунистическую прессу, Хальт. И уж давайте мы-то с вами будем откровенны, — он бросил перед Хальтом толстый еженедельник, на первой полосе которого Хальт с ужасом увидел фотографию Зауриха. — Ведь дельфиночеловек, как здесь называют некоего представителя некой профашистской группировки, несомненно, из вашей компании. И не нужно делать вид, что вы удивлены. Чтобы понять такую простую вещь, необязательно обладать сверхпроницательностью.

Кем вы были после войны? Так... Ерунда... И вдруг... Одно из самых значительных состояний. Наследства вы не получали, старателем на алмазных копиях не были. И потом... коллекции морских уникумов следовало бы держать в большем секрете и не швырять на биржу исторические реликвии. Или для вас они не представляли особой ценности? Впрочем, когда в руки попадает золото наци, золото Бормана, при чем тут... сокровища какой-то королевы! Ну а что касается вашего участия в определенных акциях, кому, как не мне, знать о них! Подлодка, кабель... — Хальт выглядел совершенно раздавленным. — Вам не страшно, что в ответ на эту публикацию я могу огласить ваше имя? Как-никак я наделен званием советника юстиции. А? Хальт? И еще. Вам не страшно, что этот, как его, дельфиночеловек, узнает, как вы распорядились вверенными ему средствами?

Хальт сидел онемевший. Уехать, спрятаться, забиться в щель, лечь на дно — билась единственная мысль.

— Я отдам распоряжение сегодня же.

— Надеюсь, вы до конца поняли, что произойдет, если вы завалите порученное дело, — жестко повторил

вопрос хозяин дома. Хальт покорно кивнул. Но ему очень хотелось спросить Мастера, что он имеет в виду — личную судьбу Хальта или итог исследований, которые должен провести международный экипаж научно-исследовательского судна по изучению Бермудского треугольника. Нетрудно представить, что произойдет, если мир узнает о ракетных шахтах, скрытых в шельфе одного из островов и не учтенных ни конвенциями, ни соглашениями. После такого скандала уходят в отставку кабинеты, правительства, штабы... Хальт понимал, что выхода нет, должен погибнуть международный экипаж ученых в советских территориальных водах. Разумеется, и тут будет скандал. Но — в чью пользу?

Такой расклад был прост и ясен тогда, когда давалось задание. А теперь, когда о Заурихе знает Мастер, почему бы не знать о нем русским? Вот еженедельник... Где гарантии, что они не примут самых решительных мер. Если они возьмут Зауриха, пойдет разматываться ниточка, которая приведет к Хальту. Русские могут затребовать его выдачи как военного преступника. Да, ситуация... Хальт нервно пожевал губами. Реальная угроза может накатиться с двух сторон. Либо Мастер, либо русские — как повернется дело.

...В туристской конторе миловидная девушка в дымчатых очках предложила Хальту несколько «наиболее интересных, привлекательных маршрутов по экзотическим местам».

— Я бы хотел уехать надолго и далеко, — сказал он ей.

Девушка услужливо разложила проспекты австралийских, американских, африканских, японских курортов.

«Зачем мне туда? — с тоской подумал Хальт, перебирая красочные буклеты. — Там они меня рано или поздно найдут.. Ну, в лучшем случае отсижусь, а даль-

ше?» И все же пришел к заключению: отсидеться и оглядеться необходимо. Но где?

— Я не мог бы глянуть на карту курортов Кавказа? — еще неуверенно спросил он.

Вот куда нужно ехать! В этой стране гарантирована безопасность каждого человека! Каждого! Не преступником же он туда явится — туристом! Иностраный турист, богатый, респектабельный, солидный человек.

Девушка поправила очки, взяла с полки каталог.

— Вас интересуют приморские или горные курорты этого региона?

— Хотел бы уехать на побережье, и не позднее завтрашнего дня.

Она удивленно посмотрела на него, пробормотала что-то насчет консультации с шефом, извинилась, что вынуждена оставить его одного, и вышла, вложив в его руки проспект черноморских курортов Кавказа.

Вернулась, профессионально сияя.

— Если синьор торопится, сегодня вечером на Кавказ отбывает туристская группа. Конечно, это не индивидуальный туризм, но зато поездка обойдется синьору дешевле. Шеф разрешил мне внести некоторые изменения в списки. Извините, что эта услуга входит в наш прейскурант. Группа будет путешествовать по Грузии, по Краснодарскому краю, там есть дивные уголки. Сухуми, Пицунда, горное озеро Рица, Гагры, Сочи, Новороссийск. — Хальт невольно содрогнулся, услышав название этого последнего пункта. Из этого порта должен выйти тот корабль к Бермудам! — Синьор поправит свое здоровье, — воркующе продолжала девушка. — Ионизированный воздух, прекрасные морские пляжи, лесные и горные ландшафты...

Дальше Хальт не слушал. Ему было безразлично, куда и зачем его повезут, что там будет ласкать его взор и успокаивать мысли. Главное — у него есть воз-

возможность взять будущее в свои руки. Кончен дрейф по течению!

Никакого задания Зауриху он давать не будет. Пусть Мастер надеется! Он оставит Зауриху только приказ — явиться в определенное время на кавказский берег красных. Но отдаст приказ не лично ему, чего доброго, сумасшедший пустит в ход свой кинжал, тем более с ним что-то происходит. Не случайно он не явился на две последние встречи. Конечно, тайник они использовали редко, но прибегали к нему, когда дела заставляли Хальта надолго отлучаться из Италии. А Заурих проверяет тайник с точностью однажды заведенной машины.

Если Заурих не явится к Новороссийску — значит, взят. Впрочем, это тут же станет известно, русские держать в тайне подобный факт не станут. Отнюдь! Итак, если Заурих будет пойман, то, не зная приказа, он ничего не расскажет о зловещей диверсии. В таком случае самому Хальту ничего не грозит. Если же Заурих явится на Кавказ, каковы бы ни были его настроения, внезапно убрать Хальта он не сможет — на территории Советов это слишком рискованно для него. И тут необходимо опередить Зауриха, ликвидировать его самого — Мастеру потом можно будет объяснить, что Заурих отправился выполнять приказ, прибыл на место, но пришлось им пожертвовать, потому что он, оказавшись в ловушке русских, мог открыть карты и нарушить политическое равновесие ложи святого Эльма. Да, и не надо скрывать причин — он, Хальт, был вынужден отправиться в СССР, чтобы следить за поведением Зауриха. Таким образом Хальт подтверждает свою готовность отдать интересам ложи и собственную жизнь! Неужели Мастер не оценит дальновидности, предусмотрительности, осторожности? Что же касается дальнейшего служения Хальта ложе — что ж, у него хватит средств нанять, а потом уничтожить рабочую силу, которая достанет со дна морского, из-под развалин виллы, из грунто-

вых пещер все, что добыл и хранил Заурих, все это будет передано Мастеру. А Хальту своего хватит не на одну жизнь.

Когда Хальт покончил с формальностями в туристской конторе, у него еще оставалось время, чтобы успеть на побережье. На вилле он включил автоматический механизм, который сработает, когда Хальт уже пересечет все границы. Оставив в тайнике приказ для Зауриха, Хальт с легким сердцем отправился в аэропорт.

Хальт не мог знать, что следом за ним в апартаменты Мастера зашел Перчини и получил задание любыми средствами и способами заставить Зауриха работать только на ложу, минуя Хальта. Разумеется, Мастер не догадывался, что плутоватый, но боязливый Перчини осмелится повести и с ним двойную игру.

3

Светлана Баранова считала себя человеком дела, в трудных ситуациях всегда говорила себе: «Только не растеряться!» И вот — растерялась. Немецкий знала плохо. Мерзавец же изъяснялся на чудовищном итальянском. Сначала Света уверяла его, что он ошибся, просила отпустить с миром, клялась, что не выдаст его тайны. Но мерзавец лишь улыбался, если эту жуткую гримасу можно назвать улыбкой.

— Я знаю, фрау, как ваше имя. Но для меня — вы Анна. Анна, женщина, которую я любил.

От этого заявления, звучащего недвусмысленно, Светлана пришла в ужас. Но монстр развеял ее страх, сказав, что, как и фюрер, избегает женщин, ибо не должен тратить силы и отвлекаться от главного. Ева была другом, верным помощником, утешителем фюрера. Фюрер, мол, принадлежал единственной женщине — Германии, пояснял мерзавец.

Света не хотела и не могла называть его по имени — Мерзавец, и все тут.

Света понимала одно: силой Мерзавца не возьмешь. Мольбами, слезами — тем более, да и не смогла бы она унижаться перед этой нелюдью. Убедить его? Но как? Она видела — перед ней полусумасшедший. И все же яростно спорила с ним. Он разговаривал охотно, рассказывал свою кошмарную историю, показывал швы, от вида которых Светлану едва не тошнило. К тому же от Мерзавца постоянно исходил нечеловеческий, тяжелый запах лежалой рыбы, доводивший ее до полуобморочного состояния, — Светлана старалась держаться подальше.

Соображение, что Мерзавец должен быть сентиментален и можно воздействовать на его сердце, Светлана отбросила: остались ли в нелюди человеческие чувства? Правда, об Анне он говорил со слезами на глазах.

И тогда Светлана приняла решение — соболезновать ему, его жизни. Пыталась объяснить, насколько обделила его судьба, какое страшное насилие свершили над ним бывшие и нынешние хозяева.

— Что ты знаешь о них, Анна? Это святые люди...

— Я вкладываю в понятие святости другое, — отрезала она.

— А разве святость — это не убежденность в абсолюте своей идеи? — В его голове, поняла Света, каша из бредовых представлений и сведений. Он путал времена и события как законченный склеротик, хотя на вид ему было не более сорока. — За идею можно умереть. И пусть для света я умер. Но для идеи я жив, мы не ушли в сорок пятом. Мы, я, наша идея — живы и держат мир в руках. А те, кто помогает мне, — мои апостолы. Они отказались от суеты во имя процветаний и возрождения... — иногда он говорил цветисто, выпрenne. — Мой Хальт!..

«Интересно, — подумала Света, — Геббельс засорял мозги так же выпрenne?.. Хальт, его апостол, отказавшийся от мирской суеты и процветания?»

О Хальте Мерзавец и раньше говорил много. Пона-

чалу имя казалось Свете отдаленно знакомым — и только. А сейчас начала разбираться, что к чему... Стало быть, живет она в гротах под виллой Хальта на Лигурийском побережье. Конечно, Мерзавец давно понял, что она ищет выход из этой подземной полузаопленной системы, и, посмеиваясь, заявил, что выйти можно только через толщу воды. Без акваланга она утонет, а сего прибора у него нет, можно даже не искать, он ему не нужен.

Света представила себе карту Лигурийского побережья. Где-то рядом должны быть всемирно известные курорты, проходить традиционные музыкальные фестивали, регаты, выставки цветов, авторалли. И тут ее осенило. Она вспомнила: однажды в журнале прочитала о некоем Хальте, человеке очень богатом и большом оригинале, чуждающемся светской жизни, связей, широких знакомств. Однако вскользь замечалось, что Хальт связан с политическими кругами, примыкает к реакционным. «У него старомодные убеждения», — мягко характеризовал этот момент журналист и продолжил: «Герр Хальт страстный коллекционер, но он собирает не традиционные художественные коллекции, а океанские сувениры — раковины, кораллы, притом только редкой формы и расцветки. Недавняя сенсация на мировой бирже, связанная с появлением золота инков, приписывается именно Хальту, хотя трудно предположить, что собиратель морских даров отказался бы от личного владения подобными реликвиями».

— Скажи, твой Хальт не просит тебя добывать для него разные морские диковины? — спросила Света Мерзавца.

— Если я нахожу что-то интересное, дарю ему. Должен же и он иметь какую-то радость в жизни!

— Радость? Куда больше твоего! Да ты знаешь, сколько у него радостей? Он богач, капиталист, политикан, о нем даже светская хроника сплетничает. А ты

знаешь, куда делись украшения из сокровищницы вице-короля Перу?

— Я не намерен раскрывать тебе государственные тайны!

— Ой, не могу! Хоть бы хранил тайны своего рейха и тихо радовался! А то — проходимца! Он выбросил золото инков, изумруды королевы Изабеллы на биржу, да так, что и фунт и доллар закачались.

— Хальт не мог так лгать...

— Все, что ты передал ему, он оставил в своих сейфах, а не в сейфах последователей твоего Гитлера. Не веришь?

Мерзавец мрачно усмехнулся:

— Не знаю, зачем тебе нужно поссорить меня с моим самым верным другом. Доказательств у тебя все равно нет.

— Я найду доказательства, что Хальт продавал тебя все эти годы. Он просто надувал тебя. Но для этого мне необходимо выйти отсюда. — Света сочла, что тот журнальчик она найдет в любой библиотеке.

Она и не предполагала, что попала в самую болевую точку Вернера Зауриха. Еще после первой встречи с Хальтом в кафе на мысе Антиб у Зауриха возникли сомнения: а тот ли Хальт, за кого себя выдает? Конечно, были все предпосылки доверять ему, но почему Заурих искал и нашел Хальта, а не наоборот? Теперь Вернер сожалел, что не попытался проверить Хальта уже тогда. Письмо бывшего гросс-адмирала Деница оттело все подозрения.

Заурих никогда не предполагал, что Хальт может оставить себе деньги партии. И выглядел-то он всегда помятым. «А если она найдет все же доказательства его измены? — мучительно ныло в мозгу. — Но как отпустить ее? Она уйдет, обратится в полицию. Пусть следом за ней пойдет Хальт! Узнав о цели, он, чего доброго, убьет ее. Потом скажет, что она пыталась бежать».

В итоге Зауриху удалось разобраться в своих ощущениях. «Что я хочу? Что мне пужно? — спросил он себя и ответил: — Я должен быть уверен в Хальте, и я должен иметь Анну рядом, я должен убирать всякого, кто сидел в подводной скорлупе, видел меня оттуда, значит...» Он опять уверился, что сама судьба покровительствует ему и дает все возможности жить так и творить то, как и что ему предназначено. Он хмуро сказал Светлане:

— Я отпустил бы тебя за доказательствами, Анна, будь я уверен, что ты не уйдешь навсегда. Мне нужен заложник. Сейчас в Риме твой муж. — Светлана вздрогнула. «Значит, не настолько он сумасшедший. Но что он хочет от Володи? Убить его? Как капитана, как Вивари? Не для этого ли он прогуливался по санаторному пляжу? — догадка ошеломила. — Нет, это не несчастная жертва эксперимента фашистов. Это деятельный, активный враг».

— Тогда сам ищи доказательства давней измены Хальта. Я хотела помочь тебе...

Заурих растерялся: если она хоть в чем-то права, Хальт будет продолжать свой обман!

На следующий день Заурих сам вернулся к этому разговору:

— Я отпущу тебя не дальше ближайшей деревни, там есть телефон, телеграф и почта. Но твой муж останется здесь заложником. Неужели ты не хочешь использовать шанс с ним увидеться? Даже если он не придет, то хоть будет знать, что ты жива. Позаботься о его спокойствии, не так же ты черства...

Светлана испугалась листа бумаги. Что написать? «Володя, тебя хотят убить, беги отсюда как можно дальше!», «Володя, я жива, но вряд ли мы когда-нибудь снова будем вместе!», «Володя, сообщи в полицию, что меня украл человек со свастикой» — такие письма вряд ли попадут в руки штурмана Баранова.

Она решила подыграть Мерзавцу:

— Диктуй, я боюсь написать лишнее.

Впрочем, рассуждала она, неважно, что прочитает муж в ее записке, главное — он получит записку от нее. Конечно, Володя обязательно сообразит, что одному на встречу отправляться нельзя. Он найдет, кого предупредить. С ним будут люди. Может появиться шанс на спасение!

...Мерзавец сказал, что она может подняться на поверхность. Он велел ей надеть гидрокостюм и акваланг. Обманывал он ее, все у него есть. Она спрашивала о муже, но Мерзавец, уходя от ответа, неопределенно заметил, что за ней будут следить. На суше Заурих провел Светлану через запущенный фруктовый сад с роскошными розариями, открыл калитку и посоветовал возвращаться быстрее.

Она и не предполагала, что вернется с такой добычей!

...Журнал со статьей о Хальте, газету со статьей Кирилла Жукова и портретом самого Мерзавца, а также вечернюю рекламную с короткой заметкой: «Коллекционер-миллионер Хальт известен своими экстравагантными чудачествами. Вчера он отбыл в составе туристской группы в путешествие по кавказским курортам России. Хальт намеревается посетить...»

— А теперь, — сказала Светлана, насладившись впечатлением, которое произвела на Зауриха ее информация, — я хочу видеть моего мужа. И вообще, — она грозно посмотрела в водянистые глаза Мерзавца, — жизнь моего мужа стоит того, что я принесла. Хальт продал тебя с руками... — она усмехнулась, — и с плавниками! Твой Хальт!

Заурих бессмысленно уставился на свою фотографию в газете. Не поднимая головы, пробежал глазами две странички в светском журнальчике, дважды перечитал сообщение о внезапном отъезде Хальта.

— Твой муж там, — показал рукой на внутреннюю дверь, — а я пока отлучусь. Мне надо... Потом я сам,

как Водан... Сам! — Его выцветшие глаза неестественно засверкали. — Пока не вернусь, с вами ничего не случится... Можете наслаждаться, — он мял в руках газету с яростью и остервенением. — Потом... Я его найду.

Света попятилась. Не спуская глаз с Зауриха, каждую секунду готовая к любому его выпадку, она толкнула дверцу, отделявшую гrotты от переходов к вилле Хальта. Посреди пустого, похожего на коридор помещения Светлана увидела штурмана Баранова, подвешенного к потолку на связанных руках.

— Сволочи! — сказал он. — Насмотрелись дешевых комиксов...

* * *

...Выплывая из акватория виллы, Заурих наткнулся на сеть. Он тщетно искал выхода. Сеть покрывала и поверхность воды. Он попытался распороть ее — и оказался в неводе, который тянула моторная лодка.

4

Дуайнер и Перчини преследовали разные цели, но достичь их можно было, лишь поймав рыбчеловека.

После разговора с Мастером Перчини понял, что ему необходим компаньон. А куда ни кинь — всюду одни мошенники хуже его самого! И тут ему пришла идея, которой он поначалу испугался. Дуайнер! Он тоже в этой истории явно заинтересованное лицо. Конечно, с Дуайнером придется делиться, но с ним можно не опасаться за будущее — американец возьмет свою долю, а другие, чего доброго, позарятся и на долю самого Перчини — что он, не знает нравы своих собратьев? — и заберут ее вместе с жизнью.

Кроме того, чтобы изловить рыбчеловека, нужно техническое оснащение. А американец по этой части дока. Накопщ, наступит момент, когда придется встре-

титься с этим морским чудовищем. Не один же на один, не приведи мадонна! А Дуайнер — человек со специальной подготовкой, спортсмен, стрелок. Да мало ли что он умеет, во всяком случае, должен уметь.

Перчини быстро нашел Дуайнера, и Дуайнер быстро понял Перчини.

Американец рассуждал так. Перчини нужно не так уж и много. Он явно зависим, явно старается не для себя — слишком труслив для откровенного проявления личного интереса. Скорее всего ему нужно связать рыбчеловека с масонами. Деньги, которые он вдруг получит, для него доступны лишь частично, поскольку все придется отдать руководителям. Он получит за опасную и рискованную работу немного. Трудно сказать, что с ним сделают, если он эту работу не выполнит, скорее всего итог однозначен. А так... У него есть шанс угодить всем сразу — и начальству, и своим интересам. А делиться он не отказывается.

Что же в случае удачи делать с самим рыбчеловеком, Дуайнер отчетливо представил не сразу. И вот почему. Конечно, думал Дуайнер, заманчиво выдать человекорыбу боссам из Лэнгли. Получить орденскую планку, даже чин полковника. И все? Но такой господин Случай ему в жизни больше не представится. Стать самому хозяином рыбчеловека? Но как? Не выпускать же его из норы на ниточке... Уничтожить? Да, твердо решил для себя Дуайнер. «Я помогу Перчини сделать эту работу, — уверенно думал Дуайнер. — И мы возьмем столько, сколько захотим. Это не масоны расплатятся с нами, а мы — с масонами». Но нужен ли живой рыбчеловек Перчини? Дуайнер прямо спросил об этом компаньона, и Перчини признался, что стать хозяином уникума ему не дано, но было бы жаль отдать его со всеми сокровищами Мастеру. Конечно, Мастер отблагодарит, но... посвящение в новую ступень таинств ложи — это мистика, а мистикой не закусишь. А вдруг рыбчеловек расскажет Мастеру,

что Перчини его обобрал? Утечка денег да плюс утечка информации, если до Мастера дойдет контакт Перчини с Дуайнером, производят гнетущее впечатление. Мастер пакажет. Уж возможности Мастера Перчини знал. Может быть, и стоит придушить рыбчеловека.

Вообще-то последний раз Мастер не угрожал, не распекал, он просто указал на мелкие промахи в отношениях с этим остолопом Хальтом — мелкие промахи, которые обернулись большой упущенной выгодой. Мастер не диктовал своих условий, не указывал, как поступать дальше, он взывал к сообразительности, призывал самому найти выход из щекотливого положения. «Он хотел сказать, — комментировал про себя Перчини слова Мастера, — что мы давно уже не от Хальта могли ждать подачек, а сами использовать рыбчеловека. Мы бы тогда переплюнули самого Аль Капоне. Но если бы да кабы... Стало быть, нужно теперь, не теряя времени, устранить Хальта и прибрать к рукам его рыбу, завладеть ее сокровищами. Но все это — уже мои сложности».

Совместный план Дуайнера — Перчини сводился к следующему: блокировать часть берега по обе стороны от виллы Хальта, используя тонкую проволоку с пропущенным по ней переменным током, соответствующий участок акватории перекрыть сетями, блокаду не снимать, пока рыбчеловек не отдаст им все, чем владеет. Затем уничтожить его.

— Хватит прицеливаться, пора стрелять! — рубанул Дуайнер.

Но они «прицеливались» еще сутки. Еще сутки ждали, не появится ли рыбчеловек из лагуны. Наконец он проявил себя.

Дуайнер в гидрокостюме свесился с катера:

— Готовь снасть!

Они ждали больше часа. Они уже потеряли надежду, что рыбчеловек начнет прорывать заграждение. В таком случае им не поймать его — лагуна слишком

велика. Но вот заграждение вздрогнуло, значит, там, под водой, пущен в ход нож, клещи, что еще... На то место, где заграждение дернулось, Перчини начал медленно спускать трал.

— Я хочу жить, — прохрипел Заурих, когда Перчини и Дуайнер втащили его в катер. — Я должен еще жить.

— А никто не поднимает на вас руку, и нам вы нужны живым, — ответил Дуайнер на хорошем немецком.

— Что вы от меня хотите?

— Ваше имя?

— Заурих Вернер.

— Вот и отлично!

Перчини не понимал, о чем говорят рыбочеловек и Дуайнер, он все повторял:

— Объясни ему, что нам надо... Он обязан... И про деньги... Про деньги... Скажи ему, мы благородные, успокой, пой ему ласково...

Но Дуайнер не слушал Перчини:

— От тебя, Заурих Вернер, требуется одно: сделать нас богатыми людьми, твой Хальт уже не обеднеет, можешь его не бояться...

Услышав имя Хальта, Перчини встревожился, решил вмешаться:

— Можешь ему сказать, что песенка Хальта спета, если хочешь, добавь, что Хальт наступил на пятку Мастеру...

Дуайнер отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Вдруг Заурих прошипел:

— Мастеру... Это мне наступил... Не на пятку, на душу... Я не отдам его... Я сам с ним сквитаюсь... Освободите меня, я согласен на любую цену. Освободите, мне нужна свобода! Плачу наличными! Хотите, получите немедленно...

— Сколько? — У Дуайнера перехватило дыхание,

Заурих выбрался из невода, сел на корму, потирая посиневшие от веревок руки.

— Сколько сможете унести, — Заурих вдруг закашлялся. Перчини и Дуайнер оцепенели: он кашлял как самый обыкновенный, немолодой, нездоровый человек, — и это было страшно. Потом он выжидательно оглядел лица своих противников: «Если они хотят только денег, это ерунда, — устало подумал он. — Власть же я больше не делю ни с кем. Это решено».

Наконец Дуайнер пришел в себя:

— Разве здесь, на вилле Хальта, вы держите свои богатства?

Заурих услышал иронию в его голосе и криво улыбнулся:

— Здесь так, коллекции... Для развлечения. Но вам хватит. На всю жизнь хватит. Но прежде всего снимите ограждения. Я покупаю свою свободу, не так ли?

«Если им от меня нужны только деньги, — размышлял Заурих, — и за ними никого нет, это лишь простые доверчивые людишки».

— Так на кого же я буду впредь работать, если мы договоримся? — Заурих посмотрел на Дуайнера. — Кого вы представляете? Кто сменил Хальта? Кто хочет сменить наци? Федеральное бюро, разведуправление? Судя по выговору — вы американец?

— Да. Но... — Дуайнер покосился на Перчини. — Спецслужбы вами, насколько мне известно, пока не интересуются. Пока. Я сам из «морских львов». Я знаю, что говорю. Ты думаешь, ты со своей свастикой все еще делаешь мировую политику? На твое место пришли настоящие парни. Вот они и делают политику.

Дуайнер вспомнил, как «Нью-Йорк таймс» писала об аквалангистах-диверсантах, которых готовят «решительно ко всему». Разве газетка могла знать то, что знал он, Дуайнер, — их не то что готовят, они давно готовы и давно действуют. Дуайнер тоже отлично знал, как они действуют, — не зря же даже среди своих их

называют «мерзкими типами». А сейчас Дуайнер лгал. Он-то представлял, и отчетливо, насколько Заурих нужен спецслужбам. Одна разгадка методики операции, которую перенес Заурих, сделала бы «морских львов» хозяевами положения в любом уголке земного шара. «И неизвестно, что лучше для этого типа, — с издевкой подумал Дуайнер, — хотя бы потому, что для разгадки операции нужно как минимум его... вскрыть». Так что можно считать, ему повезло, что он встретился со мной, а не попал на анатомический стол. Стоп! — сказал себе Дуайнер. — Вот она! И бешеные деньги, и орденские ленты, и карьера. Я продам своим боссам его труп. И пусть они его исследуют... хоть по программе НАСА».

Дуайнер рассмеялся, стараясь придать своему смеху беззаботность:

— Твоя персона давно не секрет, так что ты не такая уж уникальная ценность для спецслужб. Тобой интересуется, м-м-м, скажем так... частная фирма.

«Или он врет, или за ним действительно никого нет, — решил Заурих. — Значит, можно попробовать...»

— Слушайте мои условия, — начал он беспрекословным тоном. — Вы, — он кивнул на Перчини, — снимаете заграждения. У вас будет время, пока ваш приятель... Вы, сэр, в гидрокостюме и акваланге, — узкий палец ткнулся в грудь Дуайнера, — значит, вам и идти со мной. Мы уйдем далеко, — Заурих манерно улыбнулся Перчини. — Но я даю гарантии, что с вашим другом ничего не случится. Моя свобода стоит больше его жизни.

«Гарантии рыбчеловека ничего не стоят, но дело заворачивает он круто, — на миг заколебался Дуайнер. — Оставаться один на один с ним рискованно. Но не макаронника же посылать за ценностями — обворует! Ну, ладно, — Дуайнер перевел дух, — как говорят русские, волков бояться — в лес не ходить. Надо

не спускать с рыбачеловека глаз. Меня тоже голыми руками не возьмешь».

— Но заграждения, — твердо ответил Дуайнер Зауриху, — мы снимать не будем. Мы сделаем проход, когда... Когда через эту дыру мы с хорошей ношей будем уходить отсюда. А вы, Перчини, действуйте, как договорились.

«Если он действительно пойдет со мной на погружение, — подумал Заурих, — если они не потащат меня на берег... Они торопятся. За ними никого нет. Они одиночки, искатели сокровищ. Откупиться просто, если не...»

— Вперед! — приказал Дуайнер.

Он уходил на глубину вслед за Заурихом, предвкушая долгожданное, почти несбыточное, дрожал мелкой дрожью — его била алчность. Они миновали коралловый риф, внизу, глубоко, может быть, на дне, фосфоресцировали какие-то организмы, проплыл спрут, выпустив чернильную бомбу. Потом под ногами оказалась твердь. Ни дыры, ни лаза. Лишь нагромождение глыб. «Не собирается ли он надуть меня?» — подумал Дуайнер. Заурих поманил его, в скале каким-то образом образовалась расщелина. Они прошли полузатопленным коридором в просторное хорошо освещенное помещение. Здесь Заурих хранил свои «призы» с затонувших кораблей.

Потрясенный Дуайнер переводил глаза с финикийских мраморных ларей, заполненных монетами, на эллинские амфоры с драхмами, с кованых сундуков, украшенных всеми гербами всех европейских династий, на корабельные сейфы. Открыл один из них и отпрянул: аккуратными стопками возвышались банкноты, чековые книжки, сияли бриллианты в полураскрытых саше... — будто в подвале швейцарского банка, а не где-то в гнилом подземелье с выходом на морское дно.

— Боже мой, — прошептал Дуайнер, — Перчини я мог бы дать только...

Эта фраза решила его судьбу. Заурих окончательно понял, что подлецы действуют на свой страх и риск. Значит, нечего бояться последствий. Но если появились эти, могут появиться и другие! Значит, пришла пора эвакуировать базу.

Дуайнер, казалось, потерял над собой контроль. Он погружал руки в россыпи жемчужин, пригоршнями вытаскивал золотые, с драгоценными камнями украшения, взвешивал на ладони луидоры и гинеи. Гинею, датированную 1668 годом, сунул за щеку: нумизматическая редкость, первая золотая монета английской Реставрации.

— Я беру это, — Дуайнер протянул руку к кованому сундуку с гербом Изабеллы Испанской. — Это... — он коснулся афинских драхм, — и... У тебя есть мешок? У меня только маленькая сумка. И еще покажи мне... Ты еще не все показал...

Дуайнер потерял контроль не только над собой. Он потерял контроль над Заурихом.

...Перчини совсем замерз. Темнело, от воды шло слабое сияние. Если представить себе, что берег далеко, можно с ума сойти от страха.

А Дуайнер где-то пропал. Что они, в Адриатику ушли? За это время вполне можно обогнуть Апеннинский «сапог». Возвращаться на берег, однако, казалось Перчини рискованным: вдруг Дуайнер надует, один уйдет с добычей, если уже не ушел. В таком случае, они ловко его обставили, Дуайнер с рыбой! А ведь, уходя на глубину, он сказал: «Действуйте, Перчини, как договорились». Это значит, когда они оба появятся на поверхности, Перчини должен выстрелить рыбчеловеку в голову. Мог бы и сам пришить его там... Незря же у него с собой пистолет для стрельбы под водой! Да как бы не так! Рыбак рыбака, шпион шпиона изда-

лека видят. Наверняка договорились там, в глубине, по-свойски.

Или... упаси мадонна, подумать страшно! Тогда вот-вот из мелкой зыби поднимется рука, и свалится он, раб божий Джакомо, в воду бесчувственным кулем! И земле не будет предан, спаси, пресвятая дева!

Катер вдруг качнуло. Из-под воды раздался глухой взрыв, по глади лагуны пошли волны. Они! Перчини едва схватил пистолет, как вынырнул Дуайнер.

Он с трудом взобрался в катер, втягивая за собой увесистый мешок. Перчини старался помочь ему, держа пистолет наготове. Дуайнер вынул из сумки горсть старых монет, они со звоном рассыпались по днищу. «Словно золотые рыбки», — Перчини застонал от восторга. А Дуайнер в изнеможении откинулся на корму. «Даже маску не снимает, устал, до того ли сейчас», — подумал Перчини и спросил:

— Где этот, рыбчеловек?

Вялым жестом Дуайнер изобразил крест и ткнул пальцем в небо. У Перчини отлегло от сердца: он не любил крови. Отбросил пистолет, включил мотор, думая, как измучился Дуайнер: «Утомительный заплыв, они еще там и по дну гуляли, и мешок нелегкий. Но... Париж стоит мессы. Потом можно будет купить такой отдых! На любом курорте! — Перчини явственно видел перед собой играющие неоном улицы Монте-Карло, Пуэрто-Рико, Ямайки... — Отдых и наслаждение — что еще нужно деловому мужчине, когда он желает расслабиться?»

На берегу Дуайнер устроился на заднем сиденье машины, положив ноги на заветный мешок. Перчини прыгнул за руль.

В темноте он слышал, как Дуайнер снимает маску. И пожалел компаньона: пусть спит, потом расскажет. А пока мы — к французской границе. Смыться сразу из Италии — не лишняя предосторожность. И подальше от Мастера. Ах, Мастер! По отношению к этому

могущественному человеку Перчини вдруг почувствовал снисходительную иронию. Бедняга ждет вестей, жаждет власти над рыбчеловеком. Ну-ну!

Дуайнер сзади свистел, как орган церкви святой Люции. И даже не вздрогнул, когда со стороны моря снова раздался глухой звук, будто лопнула камера многотонного грузовика.

Перчини гнал машину по приморской автостраде и, только увидев указатель на Сан-Ремо, почувствовал себя спокойнее. Слева плескалось море, почти над головой завис Монблан. Перчини обернулся, чтобы предложить Дуайнеру остановиться и перекусить, но тот спал, уткнув лицо в спинку сиденья. «Эк сморило», — хмыкнул Перчини, подруливая к площадке отдыха.

Траттория располагала лишь дежурными блюдами. На скорую руку ему подали холодное: креветки под белым соусом в его заведении были вкуснее, кофе окончательно разочаровал его, но тем не менее он бросил на стойку золотой — из тех, что принес Дуайнер. Хозяин ловко поймал монету, с изумлением и восторгом глянул на нее, с ним еще никогда не расплачивались золотом. И тут же невесть откуда перед Перчини появился золотисто-розовый цыпленок. Он забрал жаркое для Дуайнера, бросив хозяину еще монетку. В глазах этого человека Перчини прочитал всю гамму чувств: от преданности и восхищения до зависти и презрения. Так, должно быть, люди попроще глядят на настоящих миллионеров, с удовольствием думал Перчини. На тех миллионеров, которые и за малую услугу щедро платят не потому, что добры, а потому, что деньги перестали для них существовать как истинная ценность. Правда, Перчини слышал, что настоящий миллионер денег на ветер не бросает, но не мог в это поверить. Собственно, к чему тогда богатство, если нельзя шикарно, не думая, тратить на что хочешь и сколько хочешь? Вот так — в сию секунду?

Перчини положил цыпленка рядом со спящим Ду-

айнером и поехал дальше. Он думал, как хорошо было бы появиться в бывшем своем заведении в Лас-Вегасе, небрежно бросить крупную ставку — и выиграть! Потом опять выиграть! А дальше поехать в Майями или снять комфортабельный особняк с грумом и горничной в Лонг-Бранче, не зря же именно там проводят летние месяцы американские президенты... А на зиму уехать на Канарские острова или в Японию. Вернуться весной в Италию, месяц прожить в Сиене, месяц в Венеции, понять наконец, что толкает туда миллионы зевак со всего света...

Мысли о Мастере больше не посещали Перчини. Страх перед ним исчез. Когда человек богат, кого ему бояться?

Однако у границы Перчини оробел. Вспомнил, что в паспорте нет отметки о выезде из Италии. Притормозил у шлагбаума.

— Регата в Сан-Ремо, совсем забыли о формальностях, — он кивнул на спящего спутника, — так хорошо повеселились, право же... — Взгляд Перчини излучал подострастие, умолял о снисхождении. — Ба! Вот все, что осталось, — он вынул бумажку в десять тысяч лир. — Не сидеть же нам здесь... — И положил «милю» за обшлаг куртки пограничника.

Парень с серыми глазами бретонца усмехнулся и приказал открыть шлагбаум, чтобы пропустить машину бесшабашных гуляк из Сан-Ремо.

Когда позади осталось княжество Монако, Перчини призадумался: куда же дальше? Впереди — Тулон. Или уж сразу брать курс на Париж? Далековато, конечно... Зато какие перспективы! Перчини рассмеялся. Его смех разбудил Дуайнера. Он тронул плечо Перчини и показал в сторону берега.

Перчини глянул в зеркальце, Дуайнер обеими руками разминал заспанное лицо. Потом поменял позу и снова уткнулся носом в спинку сиденья.

Край моря уже светился. Казалось, на горизонте

начали проступать очертания Корсики — или это еще какие-то острова? Издали Перчини увидел пирс и свернул к нему: раз есть пирс, значит, есть и пляж. Не мешает сполоснуться, Дуайнер прав. Когда колеса «фиа-та» начали пробуксовывать в прибрежном песке, Дуайнер, не дожидаясь, когда машина остановится, открыл дверцу и со всех ног бросился к воде. «Да что это он, — ухмыльнулся Перчини вслед компаньону, — перетерпел, что ли?» И остолбенел. На ходу Дуайнер сбросил гидрокостюм, и на его черной спине зазмеилась белая свастика. Боясь шевельнуться от ужаса, глядел Перчини, как Заурих уходит в море.

— Мешок! Что же в мешке? Руки тряслись, он не мог открыть заднюю дверцу машины. О, мадонна!

В мешке был труп Дуайнера. Перчини чувствовал, как по шее противными липкими струйками стекает холодный пот. Что же теперь?

Наконец возникла первая связная мысль. Мешок — в воду. И — назад, домой. Но что ждет дома? Думай, Джакомо, думай, уговаривал сам себя. Святая мадонна не даст тебя на поругание после... после стольких испытаний! Думай! Как же ты мог упустить из виду, что там еще остались штурман Баранов и его жена! В них — твое спасение. Потому что их спасение — в тебе. Перчини увидел себя благородным спасителем. Им восторгаются газеты, наперебой просят интервью известные комментаторы, ему платят за право передачи информации — он купается в деньгах и славе. Он становится заметной фигурой и так выходит из-под контроля Мастера. Убрать заметную фигуру сразу неудобно. Даже если удастся украсть у Мастера еще несколько лет — о, как он проведет эти годы! А там жизнь покажет. Впрочем, существует и прекрасная возможность оправдаться перед Мастером: на такое задание в одиночку не ходят. Вот, попробовал, а результат? А кому нынче можно довериться? Мастер человек трезвый, оценит все правильно, даже если и не подаст вида. Пусть

теперь полиция ловит Зауриха — работа у нее такая: ловить. Перчини свое дело сделал: разоблачил Зауриха и обнаружил логово. Поймает полиция Зауриха — Мастер легко с полицией договорится.

К границе Перчини летел как на крыльях. Хорошо, светлоглазый бретонец с поста сменился. Перчини влетел в домик пограничников:

— Я должен немедленно связаться с Римом, дело государственной важности...

Взъерошенный, помятый вид Перчини безотказно подействовал на пограничников. Глаза горят, руки трясутся, явно у человека экстренное сообщение.

Перчини назвал телефонистке номер Мастера, но прежде попросил соединить с редакцией одной из газет. Дежурный редакции ответил сразу.

— Я хочу дать информацию, — захлебываясь словами, затараторил Перчини. — Похищенные граждане СССР, — пограничники недоуменно уставились на него, но при следующих словах вздохнули облегченно, — находятся в двадцати семи километрах от Рима на вилле президента страховой компании Хальта. Там же укрывается дельфиночеловек, известный под кличкой Заурих. Вы писали о нем... Садовника Шульца инженер-акустик Мауэр не убивал, это клевета людей Хальта. Потому что Шульца убрал сам Хальт.

— Ваше имя? — взволнованно спросили на том конце провода.

Перчини уже открыл рот, но что-то остановило его. «Ба! — подумал он. — Это я всегда успею...»

— Кто вы? — настаивал собеседник.

— Свое имя я пока вынужден скрыть. Из соображений личной и государственной безопасности. — И Перчини повесил трубку.

Когда его снова связали с Римом, Перчини сказал:

— В дело вмешались власти. Видимо, покойный Шульц успел сообщить что-то полиции. Они вели свой поиск. Пусть пока уляжется шумиха. Пусть пока поли-

ция попробует взять Зауриха. Я надеюсь, префект не станет возражать, если мы найдем способ сохранить Зауриху жизнь?

— Кто это — Заурих?

— Как кто? — Перчини крайне удивился. — Рыбчеловек... Мне пришлось срочно выехать во Францию. Мое убежище вполне надежно. Пока, — он обвел взглядом лица пограничников. — Увы, я без официальных документов, шеф, это было рискованно. Можно связаться с постом на тулонской трассе. И установить мою личность. Слышите, шеф?

Мастер ответил молчанием. Перчини, повесив трубку, спокойно сказал:

— Что, коллеги, где тут у вас можно хорошенько выспаться? Эти гонки за рыбчеловеком, видите ли...

...Утром следующего дня французские рыбаки в небольшом городе Пор-ле-Бук, что на берегу Лионского залива, выловили утопленника. Меж лопаток труп торчала рукоятка кинжала, известного в свое время под названием «Все для Германии». Лишь сутки спустя удалось предположительно установить, что это труп Клауса Дуайнера, гражданина США. За щекой при вскрытии почему-то обнаружилась спрятанная редчайшая монета, английская гиней 1668 года. Вероятно, Дуайнер был убит из-за этой ценности.

5

Плетнев в очередной раз давал показания. Как давно знакомая патефонная пластинка проворачивались одни и те же вопросы, следователь даже не считал необходимым их варьировать. Плетнев в очередной раз рассказывал, как выходил из люка Вивари, как следом за ним поднимался Баранов, как он сам прыгнул в воду следом за Барановым, а за ним — Дуайнер, как они втроем поднимали тело итальянца-акустика, кто что сказал при этом и с какой интонацией. Не выдержал однообразия, спросил:

— Почему вы не проводите следственный эксперимент?

— То есть? — Немолодой, седеющий, чуть обрюзгший итальянец непонимающе глянул и в растерянности снял очки. Пальцы, казалось бы, привычно складывающие дужки очков, задрожали.

«Что его так насторожило? — удивился Плетнев. — Не может же столь опытный юрист не знать, что такое следственный эксперимент, как при следственных экспериментах повторяется ситуация».

— Мы снова поднимем тело, — не спеша объяснял он, — а вы будете вести хронометраж. При этом, во-первых, станет очевидным, мог ли кто-нибудь из нас, свидетелей, успеть убить Вивари, — итальянец сделал протестующий жест, но Плетнев не дал себя перебить. — Во-вторых, можно поэкспериментировать с аквалангистом, чтобы выяснить, могли ли мы видеть убийцу, занятые помощью Вивари, и, наконец, каким образом и как далеко он мог отдалиться за считанные мгновения.

— Это невозможно ввиду отсутствия штурмана Баранова.

Плетнев взглянул в глаза следователю. Штурман убран, выведен из игры, теперь даже простой следственный эксперимент, оказывается, невозможен. Кто же убрал Баранова, кому это выгодно?

И тогда Плетнев задал прямой вопрос:

— Почему до сих пор не привлечен к следствию Хальт, коллекционер и предприниматель?

— Хальт? Хальт... Не понимаю, — следователь пытался скрыть, что отлично понял, о ком речь. Но это ему плохо удавалось, и он решительно проговорил: — Синьор советник юстиции не рекомендовал...

«Вот оно что! Значит, — подумал Плетнев, — я попал в точку. Значит, мои догадки верны. Газетки хотя бы надо почитывать, синьор следователь! Убит садовник с виллы Хальта. Убит сразу же после похищения

штурмана Баранова. Слишком поспешно уезжает Хальт. Есть связь? Есть! И ты, следовательно, усматриваешь ее не хуже меня. А что предшествовало этим событиям? Разоблачения рыбчеловека в печати. Но вам приказали помалкивать. И вы тихо бездействуете. А было бы, однако, неплохо выяснить, кто же такой этот ваш советник». Спросил:

— Не мог бы я с ним встретиться? С синьором советником? Нам есть о чем поговорить.

За спиной Плетнева вдруг скрипнула дверь. Следовательно вздрогнул. Плетнев резко обернулся — ему показалась знакомой мелькнувшая в проеме двери фигура. Он вопросительно глянул на следователя.

— М-м-м... Я постараюсь организовать вам встречу. Но ничего не обещаю, — добавил следователь и встал, давая понять, что допрос закончен.

Плетнев поспешил распрощаться, чтобы успеть узнать, кто же заглядывал в кабинет. По пути к дверям подумал: «Нужно, используя любую возможность, настаивать на обыске у Хальта».

В коридоре лицом к окну стоял герр Груббе.

— Я знал, что мы еще встретимся, — обратился он к Плетневу. — Был у этих синьоров, — он кивнул на дверь следственного отдела, — но это оказалось пустой тратой времени. Так же, как мой первый визит в Боннское отделение Фау Фау Эн. О моем повторном визите я хотел рассказать здесь, но... Вы-то выслушаете меня?

— Безусловно.

— На днях меня разыскала фрау Харуп, секретарь Боннского отделения нашей организации. У нее огромное горе. Неонацистами убита ее единственная дочь. Я наводил справки — девушка убита именно неонацистами в отместку за антифашистскую деятельность матери. Но сама фрау Харуп думает иначе. И тем ее горе усугубляется, она готова наложить на себя руки. — Плетнев не подгонял, не перебивал собеседника, уже

зная его манеру излагать педантично. — Она считает себя повинной в гибели дочери. То, с чем она пришла ко мне, было похоже на исповедь. Но я не пастор, увы, я не могу отпустить ей грехи. А она грешила много лет...

Перед Плетневым открывалась история предательства и лицемерия. Он даже не удивился, когда услышал, что заокеанским патроном Кэтрин Харуп был именно Дуайнер.

— Фрау Харуп не очень хорошо представляет, с какой целью Дуайнер так настаивал на скорейшей дешифровке бумаг, связанных с деятельностью Дейке, но я думаю, что это имеет отношение к Хальту и рыбчеловеку. Как заявила фрау Харуп, именно Дуайнер приказал ей не разглашать информацию о рыбчеловеке, когда она переслала ему мои фотографии. Так что этим людям... — герр Груббе кивнул на дверь следственного отдела, — этим людям нужен, наверное, убийца Вивари, но они не хотят, чтобы раскрылись тайны этого убийцы, рыбчеловека. Бесспорно, они не прочь поймать его, но не для разоблачения, а для дальнейшего использования. Открыто признать рыбчеловека убийцей означает отказаться от работы с ним.

— Это я уже понял, — неторопливо вставил Плетнев.

— Так считает и фрау Харуп. И думает, что ее дочь убили из мести. Она уверена, что Дуайнер вышел на рыбчеловека и раскрыл ему, каким образом ему это удалось. Были названы имена... О том, что копию фотографии я дал еще и вам, фрау Харуп не знает. Думаю, она не права, но... ее дочь убили на морском берегу кинжалом. Убийца, вонзив меж лопаток жертвы клинок, им же припечатал лист картона. На нем слова: «Так поступят с каждым, кто стоит на пути наци». И теперь фрау Харуп никто не остановит — ни Дуайнер, ни масоны. Она так сказала...

— Масоны? — переспросил Плетнев.

— Да, — с удивлением в голосе подтвердил Груббе, — разве вы не знаете, что Хальт — масон высокого посвящения, градуса, как они говорят? И далее. По заданию Дуайнера фрау Харуп разыскала человека, который был в сорок пятом году занят на строительстве военного объекта на Лигурийском побережье. Конечно, после войны мало кто вспоминал о том объекте. Он мог сгореть, его могли разбомбить, да его просто могли не достроить! Этот человек рассказал, что до капитуляции Италии они успели лишь провести галереи для подземных коммуникаций и систему шлюзов — галереи по проекту зачем-то соединялись с морем. Потом стройку не то законсервировали, не то прекратили вообще — он не знал. А Хальт купил этот участок за баснословную цену. Мы с фрау Харуп пришли к выводу, что военный объект строился исключительно для нужд пациентов клиники Дейке и скорее всего там, должно быть, сейчас скрывают ваших соотечественников. Вот, — Груббе неторопливо полез во внутренний карман пиджака, — вот... Примерный план логова. Со слов строителя.

— Что же вы! — Плетнев с таким укором посмотрел на Груббе, что неторопливый немец потупился.

— Но моя информация...

Плетнев его не слушал. Толкнул дверь кабинета следователя и потребовал:

— Немедленно свяжите меня с полицейским комиссаром Римал!

6

— Я придушу его!

— Его здесь нет. Он решил свести счеты с Хальтом, а Хальт вылетел в Союз. Значит... Мерзавец пошел к нашим берегам. Ой! — Света схватилась за щеки. — Он же там... И мы не можем... Знаем и не можем!

Баранов поразился, как резко на еще свежее юное

лицо жены легла печать испытаний. И эти неестественно белые пряди в ореховых волосах.

— Нелюдь сказал, отсюда нельзя выбраться без акваланга.

— Но я моряк. Ты ходила в деревню — какой там берег?

— Отлогий.

— Значит, он врет. Шельф тоже отлогий.

— Он что-то говорил про систему гротов.

Гротов Баранов не видел.

Тогда в Риме он шел ко Дворцу юстиции. За квартал от отеля, когда он поравнялся со стоящим у кромки тротуара грузовиком-фургоном, его оглушил сильный удар. Очнулся он в темном кузове, связанный по рукам и ногам. Потом он оказался в саду, посреди розария. Высокий плотный седой человек туго завязал ему глаза, пинками перебросил в тележку — она долго катилась все вниз и вниз как по сходням. Пахло плесенью и рыбой.

Потом кто-то сказал по-немецки:

— Благодарю, Хальт.

Чьи-то сильные руки подняли Баранова вверх, стянутого веревкой запястья коснулся металл.

— Помогите, Хальт, — сказал тот же голос. И Баранов потерял чувство опоры.

— Идите, Хальт, веревки на ногах я обрежу сам.

Баранов услышал удаляющиеся шаги, скрежет двери. И тут с его лица сорвали повязку. Снизу вверх с видимым интересом на него смотрел человек. Но это лицо никогда не могло быть человеческим. В нем словно чего-то не доставало. Лицо было отталкивающим, но Баранов не мог отвести от него глаз. Вот он — рыбчеловек.

Вдруг рыбчеловек рассмеялся. С размаху ударил Баранова в живот. Баранов закачался на крюке как маятник. Баранов ждал новых ударов, но рыбчеловек ушел — и Баранов понял, что тот хотел только поиздеваться.

...Потом появилась Света.

Уходить вместе или вместе погибнуть — вот теперь их альтернатива. Баранов на секунду заколебался: не попытаться ли для начала прорваться одному? Но если потом не удастся вернуться? Или окажется слишком поздно? Светлана угадала мысли мужа:

— Не уходи без меня! — в ее голосе был ужас.

Они шли друг за другом. Баранов чувствовал на своей шее ее теплое дыхание.

— А знаешь, — вдруг заговорила шепотом Света, — я его убить хотела. Только все думала — как.

— Ну и тебя тут же. Как муху. Он здесь не один, ясно.

— Не уверена. Какие-то люди есть, но скорее всего это слуги Хальта. Там, наверху. А здесь я все время была одна. Ой, вода! — Баранов обернулся: по стене, которой коснулась Светлана, струились мелкие ручейки. Под ногами захлюпало. «Выход в море?» — подумал Баранов.

— Света, если мы выйдем к морю, задерживай дыхание и что есть сил толкайся ногами. Я буду рядом, поняла?

Каменная галерея и в самом деле уходила вниз. Тупик или ловушка?

Баранов начал медленно ощупывать стену, ожидая найти выступ или отверстие. «Какая-то механика должна тут быть, — пробормотал он, — не просто же так вырублен этот ход».

— Света, — окликнул жену, — а у ранних христиан в катакомбах тайники были?

— Обязательно. Там хранили святыне дары, облачение служителей, кувшины с миррой... А что?

Баранов достал зажигалку — он до последнего берег капли газа. Послышался слабый щелчок, в неровном пламени они увидели стоящие вдоль стен ящики. Ящики были длинные, шероховатые, поросшие плесенью. Крышки, видимо, не запирались. Баранов с уси-

лием сдвинул один из них. В нос ударило тошнотворным запахом гнили. Света щелкнула зажигалкой. Они отпрянули. Кладбище... Только этого не хватало!

— Он говорил... — начала дрожащим голосом Света, — он хоронил таких же своих соратников... с воинскими почестями. Их сначала много было, целый отряд, он один выжил. Идем отсюда, я не могу...

— Куда? — закричал Баранов, в ожесточении толкнул гроб, он сдвинулся немного, и они увидели свет. Это был зарешеченный лаз, и решетка держалась намертво.

— Пес, — ругнулся Баранов, — хоть какой-то камень, палку, рычаг...

— Давай на ней прыгать, — предложила Света.

Они прыгали по очереди, и с каждым прыжком надежда то вспыхивала, то угасала.

Баранов приказал себе собраться и всей массой тела обрушился на решетку. Послышался треск. Тогда он сдвинул к решетке несколько ящиков, взобрался на них.

— Светка, давай сюда! Прыгнем вместе!

На лету Баранову удалось придержать жену, смягчить ей удар. Но сам он, выбив ногами решетку, рухнул на нее позвоночником. В глазах потемнело, сознание поплыло.

— Володя, ты жив? — кричала Светлана. — Володя, не надо, ну, прошу тебя, не надо!.. — Он слышал ее всхлипывания как сквозь вату. Попробовал подняться: рука онемела, ноги плохо слушались.

— Володя... — Ее ледяные пальцы ощупывали лицо, грудь, и вдруг Баранов понял, что в помещении, где они оказались, светло.

— Ты не ушиблась? — спросил, удивляясь хрипоте своего голоса.

Света в отчаянии мотала головой.

— Куда это нас?.. — он огляделся.

Они сидели на мраморной плите. «Хорошо угоди-

ли, — отстраненно подумал Баранов, — не утонули». Под плитой плескалась вода.

— Надо осмотреться...

— Сиди, я сама, — Света спустила ноги с плиты и оказалась почти по пояс в воде. — Какие-то кувшины, ящики, сейфы, все затоплено... Дверца... — она открыла ее. — Володя, гидрокостюмы! — Она так радостно закричала, что у Баранова зазвенело в ушах. Он медленно сполз со своего места. Идти оказалось трудно — боль позвоночника отзывалась во всем теле.

А Света уже старалась натянуть на себя прорезиненную оболочку. Баранов протянул ей руку, чтобы помочь, но...

— Не мучайся, — тихо сказал, — смотри... — Тонкий шланг, соединяющий шлем с кислородными баллонами, был перерезан.

Света схватила другой костюм, третий — все то же самое.

— Предусмотрительный, гад, чертово создание... Знал, что мы будем искать.

— А что в них? — Света кивнула на затопленные сундуки.

Это были сокровища, которыми в последние минуты жизни любовался Дуайнер.

— Боже, какая красота! — восхищенно прошептала Света, забыв о собственных горестях. — Любой музей мог бы гордиться... Володя, милый, это не должно пропасть... — Она умоляюще посмотрела на мужа. — Это общечеловеческие ценности. Володя, это нельзя похоронить здесь.

— Это ценности господина Хальта, — усмехнулся Баранов. — Дегенераты чертовы! Все себе, себе...

Света приподняла крышку следующего сундука и ахнула, склонившись над ним:

— Володя, это же гобелены из Павловска! — С полотна сыпались позеленевшие, подернутые тлением и плесенью драгоценные нити. — О!.. — простонала Све-

та. — Терракоты Итальянского зала — все вычистили, проклятые, когда уходили, чтоб погубить...

— Может, и Янтарная комната где-то здесь? — срывающимся от волнения голосом проговорил Баранов.

— Нет, — Света с сожалением покачала головой, поглаживая растрескавшуюся керамику, — не думаю. Мерзавец рассказывал, что сам видел, как янтари сжигали в Кенигсбергском замке, когда наши начали штурм города. У него на этот счет целая теория: «Мало ли что по пьяному делу один кениг подарил другому кенигу — народ пришел и взял свое». Вот так, не больше и не меньше: народ! — Света огляделась и растерянно подняла руки — она стояла в воде уже по грудь, беззвучно, одними губами прошептала: — Вода прибывает... Это конец? — Баранов ее понял.

— Давай отсюда, будем целы, вернемся. — Он осмотрелся. Взял из ларя крупную жемчужину, повертел в руках, смущенно сунул в карман: — Так, на память...

Вдруг раздался грохот, и на них обрушился водяной шквал. Отбросил, захлестнул Светлану, Баранова приподняло и потащило. Он судорожно пытался ухватить жену за одежду, но ее стремительно относило все дальше и дальше.

— Света! — кричал он, захлебываясь, — Света!

Его ударило о выступ стены, он вдруг услышал, но подумал, что ему кажется, где-то совсем рядом тикают часы. «Может быть, сейчас нужно только выстоять, — думал, — выиграть время, в свой час этот Сезам откроется и выпустит нас? Главное — не утонуть. Отчего тикают часы? Часовое устройство выхода из тупикового помещения? Или... Или часовая мина?» — И в ответ вновь треск, грохот, все заволокло удушливой гарью. Последним усилием воли Баранов скоординировал свое ноющее болью тело, почувствовал, как врзается в воду.

Вилла Хальта полыхала. Гидранты в саду не действовали. Цистерны трех машин давно опустели, и брандмайор скомандовал качать воду прямо из моря. Огонь выбивался, казалось, прямо из-под земли. Пламя перекинулось на деревья, и они чадили, умирая.

Из окон дома, с балкона валил пар — пожарные орудовали в комнатах, надеясь отыскать живых.

Рядом с Плетневым нервничали два врача — мужчина, облаченный в полицейский мундир, и женщина. Они обменивались короткими латинскими фразами, будто на консилиуме, когда трудно поставить роковой диагноз.

Из обгорелого дверного проема показались пожарные с ношей — врачи бросились к ним. На носилках лежала молодая женщина. Она не дышала.

— Поздно приехали, — мрачно сказал полицейский комиссар. — Поздно... Часом бы раньше! Но кто мог предполагать, — и, махнув рукой, он отошел от носилок.

«Опоздали!» — эта мысль была первой, когда кортеж полицейских машин выскочил на открытое место и Плетнев увидел зарево над виллой Хальта.

...Когда Плетнев влетел к полицейскому комиссару Рима, того уговаривать не пришлось. Ему только что позвонили из редакции центральной газеты — некто, пожелавший остаться неизвестным, сообщил журналистам о местонахождении русских и дал сведения о рыбчеловеке.

Но, видимо, еще кто-то предупредил и рыбчеловека. И теперь он ушел, подорвав системой часовых мин свое логово и виллу Хальта. Или, поняв безысходность ситуации, просто положил всему конец.

Подавляя горечь, Плетнев заглянул в лицо лежавшей на носилках женщины. С ее лба стирала сажу женщина-врач. Она подняла на Плетнева полные слез глаза:

— Задыхнулась. Полная асфиксия. Ей уже не помочь... Заперли. Подожгли дом, не люди — звери!

«А где же наши ребята? — думал Плетнев. — Баранов профессиональный моряк, — тешил себя надеждой, — но их могло засыпать в подземных помещениях, которые ведут от гротов к вилле, могло контузить, ранить, даже убить взрывом...»

— Разумеется, — грустно бросил полицейский комиссар, — будем искать их... их тела.

— Я думаю иначе, — жестко сказал Плетнев. — В доме нам больше делать нечего. Поиск людей надо вести в море. Дайте мне водолазов и лодки. Необходимо...

Очередной подземный взрыв прервал его слова.

— С вами есть саперы?

Полицейский комиссар развел руками.

— Хорошо. Ну, хотя бы миноискатель у вас есть? И для меня гидрокостюм?

Комиссар понял, что Плетнев собирается замкнуть блокировку и остановить взрывы.

Плетнев на полицейском катере шел к центру залива. Подплыл аквалангист, уцепился за борт, обратился к комиссару:

— Кажется, нашли выход в подземный грот. Он завален.

Комиссар кивнул. Все верно, если цепью взрывных устройств опутана вся вилла, то и подводные доступы к ней должны быть заминированы. Приказал:

— Держите оружие наготове. Гарантй, что рыбачеловек ушел, нет. Но осторожно, там люди. Мужчина и женщина... — И заговорил в рацию: — Приготовиться к блокаде с суши и с воды, приготовиться к блокаде с воды и с суши...

На берегу полицейские в бронированных жилетах и шлемах выстраивались цепочкой.

— Господин комиссар, нас атакует стая дельфинов, не то уводит, не то зовет, — из рации слышались час-

тые удары, гул, и от берега прямо на катер пошла высокая поперечная волна.

— Ложись! — закричал Плетнев, но их уже окатило, катер швырнуло, закрутило, как скорлупку. Плетнев схватился за борт, сильно ударился головой о руль, увидел, как из воды взвилось тело — дельфина, человека? Или это комиссара смыло за борт? Потом наступила тишина. Ее нарушил стон. Плетнев приподнялся: комиссар сидел на палубе, сиюсь поднять разбитую в кровь руку. Матрос за штурвалом пытался завести мотор. И вдруг опять катер начал крениться, за борт уцепились четыре руки в черных перчатках, потом показались головы аквалангистов. Плетнев помог им выбраться из воды. Оба аквалангиста были контужены. Если не прервать блокировку немедленно, находящиеся в воде погибнут или получают серьезные ранения. Выход один, решил Плетнев, — обезвредить систему за короткое время — в паузу между взрывами.

— Где выход в подводный грот? — спросил он аквалангиста.

Миноискатель, к счастью, оказался не поврежден. Плетнев уходил на глубину.

7

— И все же, Хальт, вы продолжаете утверждать, что прибыли в нашу страну только как турист и иных целей не преследовали?

— Не понимаю, к чему этот вопрос? — Хальт старался не смотреть на молодого человека с живыми пытливыми глазами.

О, как прекрасно все начиналось! Море, роща, бриз, который, казалось, выветривает из взбудораженной головы все страшные мысли. Казалось, что здесь никто... Грядут лишь развлечения, смена впечатлений, поездки, удовольствия... Опасливо косясь на пожилого челове-

ка в генеральском мундире, неподвижно стоящего у прикрытого жалюзиами окна, Хальт выдавил:

— Я должен срочно вернуться, моя жена...

— И об этом мы поговорим, — спокойно заметил молодой человек. — Поговорим, поскольку гибель вашей жены и покушение на жизнь советских граждан, супругов Барановых, непосредственно связаны с вашей деятельностью. Итак, Хальт, вы сами расскажете о Заурихе?

— Вы хотите сказать, — Хальт будто не слышал вопроса, — что я убил свою жену? — Он горько усмехнулся. — Девочку, которая доверчиво...

Поерову показалось, что на бегающие глаза немца навернулись слезы. Играет? Или трагический оборот событий не входил в его планы?

Андрей сказал:

— Чем объяснить одновременность появления в нашей стране вас — под видом туриста и появление в наших территориальных водах существа под именем Заурих? Подводного диверсанта, или, как он именовался, напомним, в конце войны, боевого пловца? Какую очередную диверсию вы задумали?

Хальт ухватился за слова «в конце войны», как утопающий за соломинку:

— Помилуйте, война Гитлера с вами... Это было так давно! Я был юношей. Разве я... вы же разумный человек... Как я могу после стольких лет...

Генерал отошел от окна, его тон внешне был очень ровен, и только Андрей видел, насколько генерал взволнован.

— С помощью Зауриха. Назову лишь несколько преступлений, которыми вы стремились нанести ущерб нашей стране, делу мира. Только последняя диверсия на трансатлантическом кабеле — она одна составляет серьезное обвинение. Серия следующих провокаций: убийство итальянца Вивари, капитана Барсукова, похищения наших граждан. Я уже не говорю о система-

тической финансовой поддержке фашистских режимов, что само по себе является нарушением международных соглашений, осудивших всякую помощь диктаторско-фашистским режимам. И наконец — новая готовящаяся провокация против нашей страны. И наконец, что должен сделать Заурих? Зачем его вы сюда послали?

Тело стало ватным. Кто мог предать? Или они уже взяли Зауриха? Но это невозможно. К тому же Заурих пока и сам не знает, для чего должен перебазироваться в Черное море. Хальт молчал.

— Хорошо, — продолжил Поеров. — Рассмотрим вопрос с другой стороны. Почему вы, человек весьма состоятельный, даже очень состоятельный, прибыли в нашу страну в составе группы «Интуриста»? Такие люди, как вы, обычно предпочитают индивидуальную программу отдыха. Не потому ли, — Поеров бросил быстрый взгляд на генерала, — что в программу этой интуристовской группы входит посещение музеев и памятников Новороссийска?

— Я хотел уехать из Рима как можно быстрее. Внезапно почувствовал себя хуже, страшно переутомился. Моя жена, она тяжело больна, это обстоятельство отняло у меня последние силы...

— И вы бросили тяжело больную жену, чтобы восстановить силы для ее дальнейшего лечения? Или для того, чтобы запланированные вами события прошли в ваше отсутствие и таким образом не бросили на вас тень?

Хальт медленно покачал головой:

— Я просто хотел отдохнуть. Я устал.

Генерал присел на стул в торце стола и задумчиво проговорил:

— Я вас понимаю. Конечно, вы устали. Заурих — тяжелая обуза. Особенно после того, как он оказался разоблачен.

— Да, — Хальт оживился, — да... Я всегда жалел этого несчастного. Жертва эксперимента врачей-изуве-

ров. Я давал ему приют, как-никак в свое время мы были в одном отряде, а теперь это жалкий, полубезумный человек, которого уже нельзя назвать человеком... Он привязался ко мне. Вы знаете, у него же мания преследования. Он считает, что за ним охотятся дельфины. Я помогал ему. Я не знал, что он делает, его поступки неадекватны... Он крайне одинок. О похищении вашей гражданки я узнал совсем недавно. Она напомнила Зауриху возлюбленную молодости. Я, если бы понял ситуацию раньше, сделал бы все от меня зависящее, чтобы предоставить молодой фрейе свободу.

— И вы не знали, что молодую фрейу похитили ваши люди?

Хальт пожал плечами:

— Не думаю, что мои люди могли войти в сговор с Заурихом. Заурих вызывал у посторонних лишь ужас, его, естественно, сторонились.

— Тогда скажите, — Поеров и генерал переглянулись, Хальт насторожился, — вы использовали Зауриха с целью личного обогащения?

— Если хотите... — Хальт довольно улыбнулся. — Он как бы платил мне за приют: приносил редкости, ценности моря. Но, простите, какое отношение имеет наш разговор к безопасности вашей страны?

— Самое непосредственное. Заурих пришел в Черное море по вашему заданию. Там, где появляется Заурих, происходят трагедии. Что ему поручено теперь?

— Теперь он ничего не сделает, — Хальт заговорил быстро. — Он не вышел на связь, он не знает... — и остановился. Может быть, Заурих получил задание помимо него? Ведь если этот взрыв произойдет, в диверсии будет обвинен Хальт. Как его будут судить в таком случае? Как военного преступника? Или как шпиона? Смертная казнь или длительное заключение для его возраста равнозначны. — Не могу понять одного, — неожиданно для себя произнес Хальт задумчиво, — отчего

Заурих не вышел на связь? Заурих арестован? — Он посмотрел на генерала.

Тот сложил руки на груди, уселся на стул плотнее, перекинул ногу через колено:

— Если бы так, наш разговор был бы куда проще. Чтобы взять Зауриха, помешать его действиям, мы должны знать, куда именно он направляется. И узнать это мы можем только от вас. Вот почему мы здесь так долго... — генерал глянул на часы, — теряем с вами время. Хальт, вы же отлично понимаете, что и о вас, и о Заурихе мы знаем многое. Знаем о ваших связях с неонацистами, масонами, некоторыми спецслужбами. Так что не затрудняйте себя рассказами о личных отношениях с бывшим однокашником. И кстати, если речь пошла о личных взаимоотношениях... Ведь Заурих пришел в Черное море убить вас... — Хальт изменился в лице. — Да, да... Убить за многолетний обман, в котором вы сами дали ему возможность убедиться. Знаете, каким он видел вас, ваш несчастный бывший однокашник? Бескорыстно преданным борцом за нацистскую идею. Заурих считал, что все золото партии, все ценности дна морского он передает не вам, а в надежные руки — то есть в руки прихвостней, последышей, последователей вашего Гитлера. Извините за резкость, я участник войны.

Генерал замолчал. Поеров подхватил его мысль:

— Теперь в глазах Зауриха вы предатель, заслуживший казнь.

— Он сумасшедший... — прошептал Хальт. «Идиот, наивный идиот, — ругал он себя. — Как я мог подумать, что буду здесь в безопасности! Прятался от одних, попал в руки к другим, а третий в это время уже занес надо мной свой кровавый кинжал, и русские знают об этом. Так, может быть, нет хуже добра? Может быть, добровольное признание спасет мне жизнь? Что они мне сделают? Посадят? Но я подданный другого государства, у меня есть деньги, а это зна-

чит, могут быть варианты... — И эту мысль сменило давнее: — Зачем, ах, зачем я ввязался в политику. А Зауриха уже не будет... Не будет!»

Хальт заговорил:

— Задание Заурих мог получить и помимо меня. Из вашего порта выходит корабль науки, в составе его экипажа специалисты разных стран. Корабль, как вы, конечно, знаете, идет в регион Бермудского треугольника. Исследования предполагаются серьезные. И может оказаться обнаруженным... — Хальт было остановился, придумывая нейтральную версию, но решил, что лучше сказать правду, столь ценная информация ему обязательно зачтется. — Существуют силы, которые опасаются, что ученые обнаружат в шельфах острова работы по размещению секретного оружия. Пока считалось, что раздутая мистическая тайна треугольника и дальше будет охранять базы с новейшим оружием... — Хальт развел руками. — Диверсия Зауриха должна уничтожить экспедицию. Конечно, можно тут же снарядить новую. Поэтому, — во взгляде Хальта были отчаяние и надежда, — катастрофа должна произойти обязательно в пределах ваших границ. Сами понимаете, как легко вину за аварию возложить на вашу страну. В ход будет пущено все, что отвлечет от дальнейших работ и очернит вас как их инициаторов. Пока разберутся, пропаганда сделает свое дело. А людям свойственно помнить первые объяснения, так сказать, по горячим следам.

— Да, — усмехнулся генерал, — вот сейчас вы сказали правду. Мы знаем, что против нас планируется крупная провокация.

«Боже мой, а ведь они действительно все знают», — обреченно подумал Хальт. Тогда он решился:

— Если, как вы утверждаете, Заурих хочет убить меня, я готов... как это? Стать подсадной уткой. Только создайте условия, чтобы я остался жив.

— А вот сейчас, Хальт, вы проговорились. Значит,

вы знаете, в какую точку нашей территории выйдет на связь Заурих? Впрочем, мы так и предполагали. Эта штука, — генерал положил на стол портативную рацию-сигнализатор, — эта рация — ваша. У нее ограниченный радиус действия.

Хальт затравленно смотрел на передатчик.

— Кстати, эта рация — инструментарий профессионального шпиона, — сказал Поеров. — Вы провезли ее нелегально. Это я к вопросу, отчего вдруг ваша персона вызвала интерес органов государственной безопасности.

Хальт понимающе закивал.

— Мы могли бы обезвредить Зауриха и без вашей помощи, если бы даже вы не согласились, — жестко продолжил генерал. — Но, буду откровенен, с большими хлопотами для нас и с большими неприятностями для вас.

Оставив компанию молодежи, которая устанавливала палатку возле светлой «Волги», Хальт побрел по крупной гальке, поглядывая на горы, на тихую бухту, на дрейфующее неподалеку судно, внешне не отличающееся от тех, что выходят в море за ставридой и кефалью. Выйдя на волнорез, он достал микрорацию и принялся вызывать рыбчеловека. Какой уже день Хальт вызывал его, разъезжая по побережью с компанией автотуристов, не привлекающей постороннего внимания — таких здесь много...

Хальт прошелся по волнорезу, вновь и вновь посылая позывные, после чего перевел сигнализатор на канал приема. И услышал брань:

— Какого дьявола ты затащил меня сюда, где тебя искать, всюду дельфины! Они нарочно, нарочно гонят меня к берегу... Они знают, где... Они сами идут сюда, потому что здесь их нельзя пустить на консервы! И ты зачем забрался...

На горячечный бред Хальт отвечать не стал, только продиктовал свои координаты и приметы места, где оставит шифровку с заданием.

— Мне нужен ты... — сквозь помехи и шумы услышал Хальт, — я должен тебя видеть. Обойдемся без шифровки. Только при личной встрече. Я не пойду за шифровкой и специально все тебе сорву. Лучше со мной не спорь...

Хальт опять повторил координаты и опять отключился. Но засветился датчик вызова. Ах да, сообразил Хальт, нужно условиться о времени.

— Появишься через два часа.

— Через час, через час будь на месте... Я должен уйти от черномордых. Они не пускают меня в Цемесскую бухту, будь они прокляты!

Хальт торопливо вернулся к палатке, взял под руку Андрея Поерова и отвел его от костра...

Через несколько минут Андрей уехал, а судно, что ловит скумбрию и кефаль, снялось с якоря. Поеров по рации связался с генералом:

— Заурих у входа в Цемесскую бухту. Ориентируйтесь с воздуха на стаю дельфинов, они недалеко от него. Хальт передал координаты. Необходимо усилить контроль с моря.

Генерал обернулся к Плетневу:

— Что там Баранов?

Штурман находился на глубине, в новом аппарате для подводных исследований «Кальмар». Это была идея главного океанолога — использовать для наблюдения за Заурихом аппарат с корабля науки. Он был оснащен собственными автоматическими манипуляторами. Через шлюзовую камеру способен принять на борт водолазов и аквалангистов. И это весьма существенно, так как на глубине стережет Зауриха еще и бригада подводников Баруздина. На всякий случай бригада оснащена герметизированными гранатами. Не с подводным же ружьем выходить на рыбчеловека.

— На больших глубинах, — заметил Плетнев, — Заурих вряд ли пойдет. В Черном море из-за присутствия в воде сероводорода даже микроорганизмы не живут на глубине.

Генерал посмотрел на Плетнева. Его мужеству и личной отваге обязаны спасением штурман Баранов и его жена. Наконец, это он вместе с Барановым представил сведения, которые оказались решающими в ходе операции «Плиолавр-45».

Вспыхнул телеэкран связи с «Кальмаром». Пока все спокойно. Баранов передал на борт общий обзор акватории. Проплыли дельфины, ровный непуганый косяк хека.

— Как себя чувствует жена Баранова? — спросил генерал.

— Гораздо лучше, — ответил Плетнев. — Сейчас она в Москве, в институте Бурденко. Предстоит еще операция.

— Товарищ генерал, — из рубки высунулся радист, — Баруздин на связи.

Генерал взял наушники.

— Вижу! — торопясь, говорил водолаз. — Идет прямо на меня! Баранов, веди его лучом прожектора! — И Баруздин переключился на своих товарищей.

— Пора спускать заграждения. Береговая служба готова? — спросил Плетнев капитана корабля.

— Поеров доложил о готовности.

— Значит, начинаем... — проговорил генерал.

Расчет строился на том, что Заурих никогда прежде не встречал сопротивления под водой. Водолазы Баруздина должны взять на себя атаку, вызвать Зауриха на открытый поединок и захватить. На случай его отступления в открытое море был выставлен заградительный барьер. Чтобы миновать его, Заурих неизбежно должен подняться на поверхность. А там, у линии заграждения курсировали пограничные катера. Между берегом и заградительной линией работала группа Ба-

ранова. «Кальмар» должен оказывать на Зауриха и психологическое воздействие: одно дело, когда тебя преследует человек или группа людей, другое, когда следом идет аппарат, расставивший свои щупальца, и каждое неверное движение грозит пленом. На корабле слежения генерал и Плетнев корректировали ход операции. На берегу Зауриха ждали отряд пограничников и Поеров с местными сотрудниками.

— Его надо брать живым, — сказал Плетнев, — и судить, разоблачая тех, кто стоит за спиной Хальта. Хальт — только винтик этого хитроумного механизма. Разоблачения пойдут далеко, я уверен.

— Да, — согласился генерал, — мы будем говорить о новых ликах фашизма. Под воздействием миролюбивых сил он вынужден менять свою наследственную структуру. Но признаки остаются, их нельзя изменить. Я не говорю о режимах Пиночета или Фостера — эти откровенны в своем подражательстве «идеалам» фашизма. Концлагеря Чили или негритянские гетто Претории... Но разве, смотрите... Та же печально известная ложа П-2 — не тень ли Муссолини вдохновляет нынешние тайные организации на террор и насилие, сеющие страх. Уж не пользуются ли они известным приемом Геббельса — уважают того, кого боятся?

— А их грязные политические интриги, — невольно перебил генерала Плетнев, — как они напоминают политику нации до тридцать девятого года...

— Конечно. Взять, например, жажду переделывать мир по собственному усмотрению, заставить всех жить по своим требованиям и законам. Не фашистский ли это экстремизм? Не нацистская ли жажда экспансии? Истерия военной ядерной угрозы — это новый облик фашизма. Война за право диктата и господства, за право для избранных — жить, для неизбранных — умереть. Право силы, стратегия первого удара, новые формулировки, за ними — старое, историей избитое содержание. Мы много говорим о человечестве и его мис-

сии. Но почему мы забываем о самом простом и великом предназначении людей на Земле — о миссии человечества представлять в этой части Вселенной разумную жизнь? Жизнь не только как форму и способ существования материи, а как форму и способ существования разума, сознания, мысли. Не в этом ли смысл? Не ради ли него мы должны бороться с войной, с фашизмом?

— Связь, экран! — воскликнул радист.

В наушниках слышались глухие команды Баруздина и редкие реплики Баранова — они брали Зауриха в кольцо. Но фигура Зауриха вдруг пропала.

— Что там, — поморщился Плетнев, — расселина? Донная яма?

Отозвался Баруздин:

— На дне обнаружена затопленная дизельная подводная лодка. Немецкая подводная лодка, — уточнил он через минуту. — Противник использует ее как убежище. Считаю целесообразным «Кальмару» дать нам свет прожектором, но не приближаться к лодке. Возможны магнитные мины.

Генерал и Плетнев молча смотрели на экран.

Баруздин, связавшись с «Кальмаром», вошел в старое железное нутро, фонариком шлемофона освещая путь.

— Володя, передай ребятам, пусть заходят с носа подлодки, я поведу его на них. И дай большой свет, чтобы он не улизнул.

В зеленой зыби, как черное привидение, проплыл Заурих. Баруздин сделал еще несколько шагов, чувствуя, как ударяются о палубу тяжелые подошвы. Темная тень появилась сзади — обернулся: то был дельфин. Баруздин посторонился, и гладкое тело животного, сделав плавный пируэт, вошло в соседний отсек. И вдруг из отсека возникла белая свастика — будто кто-то с силой толкнул Зауриха в грудь, он падал навзничь, прямо на Баруздина. Но в последний мо-

мент, когда водолаз был готов схватить Зауриха, тот сделал кувырок через голову и ушел в сторону. И тут Баруздин увидел пробойну, которую никто не контролировал.

— Баранов, Баранов, он всплывает!

Мимо прошла пара дельфинов, за ними еще одна. Следом за дельфинами, вдогонку за Заурихом, ушли легкие аквалангисты с «Кальмара». Баруздин видел, как сферический аппарат развернулся и начал подъем.

МОНОЛОГ III

Почему они не хотят убить меня? Это же так просто — я один, их много... Хальт предал меня, предал окончательно. Я потерял из-за него все. Даже Анну, которую едва нашел. Но почему они меня не убивают? Разве им не нужна моя смерть? Или они хотят отдать меня дельфинам? Чтобы те уничтожили меня? Нет, нет... Я еще уйду от них! Они хотят поймать меня, посадить в клетку и показывать как чудовище? Я человек... Но тогда почему они не убивают меня? Почему этот, внизу, топает по дну и не стреляет в меня, не взрывает меня на месте? Я же вижу, у него есть гранаты. Что же это? Им не нужна ни моя жизнь, ни моя смерть? А... черномордые пожаловали... Нет, обратно в подлодку я не пойду, не загоните! Хотите, чтобы я шел к берегу? И туда мне нельзя... Я должен всплыть. Надо драться. У меня тоже есть герметизированные снаряды... Я забросаю ими вас. И вам капут, капут, капут... Ну, начинаем? Я подорву ваш рождественский шарик! Черномордые, куда вы хотите увести меня? Я не пойду на берег, лучше смерть... Смерть... Что это такое? Это просто — я много раз видел, как это происходит. Это просто — пена у губ, кровавая пена у губ, стеклянные глаза, немного конвульсий. Со мной будет так же. Нет, так я не хочу. Но ведь я не могу умереть! Я почти не-

уязвим, на мне плотная кожа, я как Зигфрид, омытый кровью дракона. Нет, не дракона. Та кровь была другая. Чья на мне? Вивари, рыбаков, еще каких-то людей, не помню...

Мне никогда не было страшно. Хальт, Хальт, я еще должен жить, чтобы убить тебя. Где твой сигнал, почему не отвечаешь? Ничего, ты ответишь мне сполна. За все. Уйдите, черномордые, перестаньте скользить рядом, я иду к Хальту! Мотор... Откуда мотор? Совсем близко. А этот луч? Они больше не пускают меня в море... А Земля? Они не пускают меня на Землю? Куда же мне?

Пограничный катер резко заглушил мотор и остановился. По воде из-под днища расходились красные круги, потом показалось черное тело с раздробленной головой. Тело перевернулось, и пограничники увидели белую свастику, которая начала медленно опускаться на дно.

1984 г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН (роман)

Часть первая. ПРОЩАНИЕ	5
Часть вторая. ШЕСТЬ АВАРИЙНЫХ СУТОК	61

ПЛИОЗАВР-45 (повесть)

Часть первая	155
Часть вторая	174
Часть третья	211

Захарова Л. В., Сиренко В. М.

З-38 Планета звезды Эпсилон : Приключ. фантастика. — М. : Мол. гвардия, 1988. — 268[4] с., ил.

ISBN 5-235-00720-4

В книгу вошли два остросюжетных приключенческо-фантастических произведения: роман «Планета звезды Эпсилон» и повесть «Плиолавр-45».

З $\frac{4702010200-300}{078(02)-88}$ — 147—88

ББК 84Р7

ИБ № 5121

Захарова Лариса Владимировна
Сиренко Владимир Михайлович

ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН

Заведующий редакцией В. Щербанов
Редактор В. Родинов
Художник А. Сухорунов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Т. Шельдова
Корректоры Е. Дмитриева, М. Пензянова

Сдано в набор 16 06 88. Подписано в печать 30.09.88.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага кн. журнальная № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл печ. л. 11,9 Усл. кр.
отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,3. Тираж 100 000 экз. Цена
75 коп. Заказ 1692.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО 103030, Москва, Суцевская, 21.

ISBN 5-235-00720-4

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

